

ЗГР.— 4719

Е. ЩЕПКИНОЙ.

△ $\frac{64}{6}$

СТАРИНЫЕ ПОМЪЩИКИ

НА СЛУЖБѢ И ДОМА.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

(1578—1762).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1890.

130. 15

59*2

1707

Не разъ воспользовавшись записками А. Т. Болотова для отдельныхъ очерковъ,¹⁾ съ помощью его указаній разыскавъ по архивнымъ документамъ его предковъ XVI и XVII вв., мы рѣшаемся теперь соединить въ одинъ связный рассказъ всѣ тѣ данные для характеристики нѣсколькихъ поколѣній одной и той же семьи изъ стариннаго служилаго сословія, которая мы почерпнули изъ многотомныхъ записокъ. Насъ, главнымъ образомъ, побудило къ этому желаніе привести въ тѣсную связь поколѣнія до-петровскаго времени, съ ихъ жизнью и обстановкой, съ поколѣніями первой половины XVIII в. Занимаясь только судьбами представителей служилаго класса, мы прерываемъ свое повѣстованіе на томъ моментѣ, когда указъ о вольности дворянства закончилъ исторію этого класса. Въ 1762 г. наступаетъ уже другая эпоха съ усложнившимися общественными отношеніями, съ болѣе широкими потребностями; — жизнь поколѣній екатерининскаго вѣка входитъ въ новыя рамки, и съ ними переносится въ XIX в., поэтому посвященные ей двѣ трети записокъ Болотова смыло могутъ служить материаломъ для особой цѣльной работы.

Въ своемъ разсказѣ мы не беремся съ одинаковымъ вниманіемъ и провѣркой разобрать всѣ главы нашего источника; въ силу этого, признаемся, разсказъ выходитъ неровнымъ, отрывочнымъ. Но записи таѣ подробны, касаются столькихъ сторонъ русской жизни даже за первую половину про-

¹⁾) Журналъ Мин. Нар. Просв., 1886 г., апрѣль. — Вѣстникъ Европы 1889 г., юль.

шлаго вѣка, что отчетливый критический разборъ требуетъ всесторонней эрудиціи, большаго труда, кропотливаго и мелочнаго, а это намъ не по силамъ. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что записки Болотова не простой дневникъ, не воспоминанія,—это цѣлое литературное произведеніе, написанное по обдуманному плану въ легкой, занимательной формѣ; авторъ писалъ его на шестомъ десяткѣ лѣтъ для своихъ взрослыхъ и подраставшихъ потомковъ по провѣреннымъ памятною и дополненнымъ замѣткамъ, которыхъ онъ началъ вести впервые въ 1757 г., отправляясь въ первый прусскій походъ. Для произведенія позднихъ лѣтъ, записки въ общемъ правдивы, довольно искренни; но, частью въ силу личныхъ свойствъ автора, отчасти потому, что написаны съ цѣлью назиданія, поученія юношества, они одноцвѣтны, монотонны; авторъ явно старается не касаться темныхъ сторонъ личной и общественной жизни, избѣгаетъ всего малоназидательного, непригодныхъ примѣровъ. Это свойство сильно усложняетъ полную критическую разработку памятника; односторонніе отзывы и характеристики автора требуютъ дополненій, дорисовки, и разборъ одного источника грозить обратиться въ полную исторію русскаго общества XVIII вѣка.

СТАРЫЯ ПОКОЛЕНІЯ.

Въ XV и XIV вв. съвернія части нынѣшніхъ Тульской и Калужской и югъ Московской губерніи составляли еще южную окраину государства: на ея земляхъ отражались набѣги крымцевъ, грозныхъ враговъ народнаго благополучія; всѣ города этой окраины строились, сообразяясь съ дорогами, по которымъ крымцы приходили разорять Русь, и всѣ входили въ линіи укрѣплений. Главной заботой летучихъ конныхъ отрядовъ татаръ при выборѣ дорогъ на Москву было, по возможности, избѣгать переходовъ черезъ рѣки; поэтому ихъ главные пути на болѣйшей части своего протяженія представляли какъ бы водораздѣлы рѣчныхъ бассейновъ. Рѣшаясь по необходимости на переправы, они очень осторожно выбирали броды черезъ рѣки и разъ навсегда запоминали ихъ. Всѣ же броды, дороги и тропы, шлахи и сакмы, по-татарски, давно изучили и знали русскіе; ихъ караулили, загораживали рвами, засѣками. Главная дорога татаръ, — такъ называемый, муравскій шлахъ, — проходила по возвышенности между рѣчками окскаго и донскаго бассейна, и съ дальнѣго юга, отъ Крымской Перекопи, вела къ самой Тулѣ. Далѣе, за Тулой ожидали неизбѣжныя переправы чрезъ Упу близъ Дѣдилова, затѣмъ чрезъ Оку; близъ Каширы находился едва ли не самый удобный бродъ, слившій Сенкинъ. Все это надолго опредѣлило важное

значение Тулы и соседнихъ съ нею городовъ: Каширы, Алексина, Дѣдилова, Крапивны. Многіе годы туляки и каширцы жили въ постоянной тревогѣ и ожиданіи набѣговъ со степей.

Кашира, о которой впервые упоминается во второй половинѣ XIV в., стояла въ старину на лѣвомъ берегу Оки у устья Каширки; но изъ военныхъ стратегическихъ соображеній, чтобы удобнѣе задерживать переправу татаръ, городъ перенесли на правую сторону рѣки. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими украинными городами Кашира не разъ давалась въ удѣль на кормленіе татарскимъ царевичамъ и князьямъ; еще въ 1532 г. она была нѣкоторое время за Шигъ-Алеемъ Казанскимъ.

Въ царствование Грознаго была вполнѣ устроена правильная защита украинныхъ городовъ отъ кочевниковъ, причемъ боевую линію постепенно отодвигали все далѣе и далѣе на югъ. Татаръ, однако, осталось очень много въ Каширскомъ уѣздѣ; въ меньшемъ по числу жителей стану Турковскомъ большинство помѣщиковъ татары¹⁾; много ихъ, вѣроятно, давно перекрещенныхъ и обруссѣвшихъ, скрывалось среди населенія и другихъ становъ.

Если признать, что какъ разъ близъ Тулы проходилъ сѣверный рубежъ того пространства, которое въ XII в. называлось народомъ степью, то этотъ старинный степной рубежъ почти совпадаетъ съ сѣверной границей черноземной полосы Россіи²⁾. Къ сѣверу по средней Окѣ пойдутъ уже уѣзды съ сѣрглинистой, не отличающейся плодородіемъ, почвой; къ ихъ числу принадлежитъ и нашъ Каширскій уѣздъ.

Въ эпоху составленія писцовой книги 1578—79 гг. мы находимъ среди старыхъ каширскихъ помѣщиковъ пять семей Болотовыхъ и нѣсколько деревень и урочищъ съ ихъ прозвищемъ; три семьи жили въ Безпукскомъ стану, одна въ Тѣшиловскомъ, именно та, потомкомъ которой является авторъ мемуаровъ XVIII в., и еще одна въ Ростовскомъ ст. Андрей Тимофеевичъ Болотовъ разсказываетъ, что, судя по преда-

¹⁾ Писцовая книга, ч. 2-я, изд. Калачева 1877 г.

²⁾ Замысловскій, Герберштейнъ, ст. 236.

ніамъ, предки его жили тоже въ Безпугскомъ стану и оттуда уже переселились на тѣ мѣста Тѣшиловскаго, которыми довелось и ему владѣть; акты вполнѣ подтвердили это обстоятельство¹⁾. Безпугскій станъ былъ сравнительно густо населенъ, съ большимъ количествомъ распаханной земли. Должно быть, тѣсно стало Василью Романову, сыну Болотову, на старой дѣчинѣ, и онъ перебрался, и сномѣстился, какъ тогда говорили, на болѣе просторныя мѣста. Свое старое помѣстье онъ передалъ земляку Іевскому²⁾, а свою долю въ обширной Болотовской пустоши съ разоренными дворами—бѣдному мелкопомѣстному родичу Федору Малыхину Болотову³⁾. Эти безлукіе родичи были очень бѣдны для своего дворянскаго званія. Федоръ служилъ съ низшаго оклада, какой только полагался для дѣтей боярскихъ, съ 50 ч. въ одномъ полѣ⁴⁾; на дѣль же владѣль всего 35 ч. пустой земли безъ крестьянскихъ дворовъ; онъ не имѣлъ на ней даже помѣщичьей усадьбы. Рядомъ такая же пустошь безъ дворовъ въ 86 ч. въ одномъ полѣ записана за другимъ родичемъ, Василіемъ Ивановымъ Болотовымъ. Этотъ официально служилъ со 100 ч. Его совладѣльцы въ пустоши, Бохины, сильно пострадали отъ татарскихъ набѣговъ; одинъ пропалъ безъ вѣсти въ плену, а другой покинулъ помѣстье и куда-то переселился.

Третій родичъ, Василій Петровъ⁵⁾ перенесъ свой дворъ изъ старой разоренной деревни на новое мѣсто общей пустоши и положилъ основаніе деревнямъ Новой-Болотовой. У Петрова показанъ, по крайней мѣрѣ, помѣщичій дворъ, жилая усадьба, но и онъ въ годъ переписи не отличался благоденствіемъ; числясь на официальномъ окладѣ во 100 ч., онъ имѣлъ всего 5 ч. пашни при своей усадьбѣ, да 28 ч. перелогомъ. Оба первые безлукіе родича, Малыхинъ и Василій Ива-

¹⁾ Записки Болотова, 1-я гл.

²⁾ Писцовая книга, ч. 2-я, ст. 1432.

³⁾ То же, ст. 1466.

⁴⁾ „50 ч. въ полѣ, а въ дву потому жъ“—старинная межевая мѣра. Четь въ одномъ полѣ= $\frac{1}{2}$ десятины, четь въ 3-хъ поляхъ, слѣдовательно, $1\frac{1}{2}$ десятины. 50 ч. въ п. составляютъ 75 дес. Оклады официальные очень часто не сходились съ дѣйствительными.

⁵⁾ Писц. книга, ст. 1467.

новъ исчезли безслѣдно со своихъ мѣстъ и не появляются ни въ какихъ документахъ болѣе поздняго времени. Только послѣдняя новая деревушка нѣсколько разрослась и послѣ смутнаго времени въ 20-хъ годахъ XVII в. явилась помѣстьемъ старика Григорія Васильева Болотова, сына Василія Петрова. Такъ же бѣдны были помѣстьями Болотовы Ростовскаго ст. Тамъ въ слободкѣ Щекиной жилъ отецъ съ двумя сыновьями, Сенька Черваго¹⁾; ему полагалось всего 10 ч. въ окладъ, а его старшему сыну 50 ч. Но въ слободкѣ на всѣхъ троихъ приходилось не болѣе 50 ч. довольно плохой земли.

Такимъ образомъ, члены нашего рода являются типичными представителями стариннаго сословія боярскихъ дѣтей. Судьбы этого сословія были довольно разнообразны и вполнѣ зависѣли отъ экономического положенія и служебныхъ окладовъ. Лучшія богатѣйшія боярскія дѣти выслуживались въ придворные чины, попадали въ списки московскихъ дворянъ, жильцовъ и т. д. Нисшій слой, постепенно бѣднѣя, спускался до окладовъ въ 30 - 15 ч. (20 дес. до 50), то-есть такихъ, какіе получали станичные и городовые казаки изъ вольныхъ людей, защищавшіе на украинѣ и на степныхъ сторожахъ татарскіе переходы и переправы. Такія боярскія дѣти скоро исчезали изъ списка помѣщиковъ и терялись въ толпѣ вольныхъ людей, казаковъ и однодворцевъ. Въ XIII в. изъ нихъ вербовали первыхъ солдатъ драгунъ и рейтаръ, которыхъ отдавали на выучку иностраннымъ офицерамъ.

Василій Романовъ, перебравшись въ Тѣшиловскій станъ²⁾, занялъ довольно удобныя для хозяйства земли по маленькой рѣчкѣ Дороховкѣ, близъ болѣе значительной Скниги, притока Оки; онъ имѣлъ 67 ч. въ полѣ (ок. 100 дес.) съ 10 дес. лѣса и хорошими покосами. Обиліе рѣчекъ дѣлало это мѣсто весьма соблазнительнымъ для помѣщика. Дороховка лѣтъ черезъ 200 послѣ первого Болотова³⁾, въ жаркое лѣтннее время имѣла не менѣе 2 саж. ширины, а Скнига не бывала ужѣ

¹⁾ Писц. кн. ст. 1332.

²⁾ То-же, ст. 1490.

³⁾ „Экономическая примѣчаній“ по г. Каширѣ.

6-ти саж. и изобиловала рыбой; кромъ того, тутъ же пробѣгали рѣчки Щиголовка, Гвоздевка, Язвейка и меныше ручьи. Отсюда Болотовы начали понемногу распространять свои владѣнія въ округѣ; но пока въ послѣдніе годы царствованія Грознаго, у Василія Романова въ его Трухинѣ имѣлась только собственная усадьба, да 3 пустыхъ крестьянскихъ двора.

Писцовая книга застала Каширское населеніе въ томъ бѣдственномъ состояніи, въ какое привели его нашествія Девлетъ-Гирея 1571 г. и 1572 гг., когда выжжена была вся Москва и погибло отъ Крымцевъ въ общемъ до миллиона народу. Да и вѣдь такихъ погромовъ, сельское населеніе съ трудомъ удерживалось на земляхъ мелкихъ, бѣдныхъ помѣщиковъ; крестьяне искали прежде всего поддержки и защиты у помѣщика, а на бѣдняковъ плоха была надежда. Круто приходилось мелкопомѣстнымъ службы служить и семьи содержать, на доходы со своихъ пустошер и крошечныхъ деревенекъ.

Всякій юноша, дворянинъ или боярскій сынъ съ 16 лѣтъ считался поспѣвшимъ въ службу—новикомъ; если отецъ его не могъ служить по болѣзни или старости, за нимъ записывали помѣстье отца, или надѣляли, если было нѣсколько братьевъ, особымъ окладомъ земли. Обыкновенно помѣстье оказывалось меныше официального оклада, который прописывали дьяки разрядного приказа.

Служилый людъ города съ его уѣздомъ составлялъ особый полкъ, подъ начальствомъ своихъ головъ и сотниковъ. Свои выборные окладчики провѣряли имущество положеніе земляковъ; они знали, за сколько четей, ето въ какую службу годенъ, можетъ ли привести съ собой своихъ кабальныхъ людей или нѣть; съ ихъ словъ дьяки писали, у кого помѣстье мало или пусто безъ крестьянъ. Сообразно съ этими данными, между людьми дѣлили денежное жалованье передъ походомъ и во время его, отъ 6, 10 руб. до 25-ти.

Всѣ помѣщики уѣзда по такимъ спискамъ¹⁾ дѣлились на статьи, главнымъ образомъ, на четыре: 1) выборные, лучшіе

¹⁾ Эти списки составляютъ книги десятины; онѣ велись особо для каждого уѣзда: десятия Тульская, десятия Каширская и т. д.

дворяне, легко переходившие въ болѣе аристократичный московскій списокъ, въ государевъ полкъ, въ жильцы, и проч.; 2) просто городовые дворяне; 3) дворовые и, наконецъ, 4) боярскія дѣти украинныхъ городовъ; на окладѣ до 50 ч. они уже стояли почти наравнѣ съ городовыми казаками; это разрядъ Федъки Малыкина, Сеньки Перваго и др. Всѣ эти статьи составляли главную массу нашего стаиннаго войска—помѣстную конницу.

Какъ только Государь объявлялъ войну какому-нибудь недругу изъ сосѣдей, цѣлая система приходила въ дѣйствие, чтобы двинуть въ походъ служилыхъ людей, мирно сидѣвшихъ по деревнямъ. Во всѣ города, полки которыхъ были назначены къ сбору, изъ Москвы высыпали сборщиковъ, обыкновенно изъ лицъ довѣренныхъ и знатныхъ. Сборщикъ пріѣзжалъ въ городъ съ готовымъ спискомъ мѣстныхъ служилыхъ людей и получалъ еще дополнительный отъ воеводы или намѣстника уѣзда. Воевода же съ своей стороны, получалъ изъ Москвы царскую грамату о войнѣ и сборѣ войска и читалъ ее всенародно въ своемъ городѣ. Онъ опредѣлялъ къ сборщику нѣсколько стрѣльцовъ и пушкарей своей команды, которые разсыпались по уѣзду собирать въ городъ помѣщиковъ. Когда они сѣзжались, сборщикъ производилъ имъ разборъ, т.-е. записывалъ, съ какими силами каждый пойдетъ въ походъ, съ какимъ количествомъ людей и лошадей. Тутъ же впервые записывали въ разныя статьи новиковъ. Затѣмъ онъ отводилъ весь полкъ въ назначенное для сбора мѣсто, гдѣ сдавалъ его царскому воеводѣ. Послѣдній принималъ людей по спискамъ, снова вызывалъ окладчиковъ, которые поручались за каждого земляка, что онъ станетъ служить такъ, какъ ему по помѣстью надлежитъ, раздавали всѣмъ жалованье и расписывались. При этомъ окладчики показывали, кого нѣть и по какой причинѣ въ „нѣтяхъ“; тутъ дѣлались новые списки „нѣтамъ“ и „естямъ“.

Процедура оказывалась довольно длинной и сложной, да иною и не могла быть, имѣя дѣло съ тяжелой деревенской кавалеріей, не приспособленной къ строю и правильнымъ походамъ.

Иногда предоставлялось окладчикамъ отбирать бѣдѣйшихъ

людей и отправлять ихъ на службы поближе, избавляя отъ дальнихъ походовъ. По соображеніямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей ¹⁾, самое простое вооруженіе всадника и конь съ годовымъ прокормомъ стоили на деньги того времени около 7 р. Мудрено провѣрить такой приблизительный разсчетъ. Но въ общемъ эту сумму денежнаго жалованья въ годъ получали люди нисшей служилой статьи, а для большихъ походовъ бывали прибавки. Такимъ образомъ, на подъемъ, на оружіе казна давала кое-что, но прокармливались люди сами, чѣмъ могли, и тутъ-то сказывалась привычная скудость быта и неприхотливость. Состоятельные люди забирали съ собою шатры, перемѣнныхъ лошадей, везли въ обозъ цѣлыми телѣги запасовъ деревенскаго хозяйства для себя и для своихъ вооруженныхъ людей. Если припасовъ не хватало или съ обозомъ случалось несчастье, люди промышляли въ непріятельской землѣ, грабили и добывали прокормъ. Небогатымъ дворянамъ плохо приходилось въ походѣ, а ихъ немногочисленной прислугѣ и холопамъ, конечно, и того хуже.

Герберштейнъ видѣлъ нашихъ служилыхъ людей въ концѣ царствованія Василія Ивановича III-го и не мало дивился ихъ неприхотливости, тому, какъ они на маленькоѣ жалованье и свои скучные средства содержали себя и своихъ людей въ походахъ. Если служилый человѣкъ ведетъ съ собою нѣсколько лошадей, то одну изъ нихъ нагружаютъ самыми необходимыми вещами; тутъ обыкновенно имѣется просо въ мѣшечкѣ, фунтовъ 10 соленаго свиного мяса; маленький мѣшечекъ соли, смѣшанный, если хозяинъ посостоятельнѣй, съ перцемъ. Всякій имѣеть котелокъ, топоръ и трутъ. Если по близости стоянки не найдется никакихъ плодовъ, ни дичины, русскіе воины разводятъ огонь, варятъ въ водѣ просо, немного солятъ, и такой пищей господинъ и холопы живутъ и довольствуются по-дому; въ видѣ лакомства, къ вареву прибавляютъ немного соленой свинины. Если господинъ очень голоденъ, онъ съѣдаетъ все одинъ; холопы же весьма искусно ухитряются поститься по два, по три дня ²⁾. На стоянкахъ небогатые

¹⁾ Хѣбниковъ. Общество и государство.

²⁾ Герберштейнъ. Записки, стр. 79.

люди вмѣсто палатокъ дѣлаютъ низенькій наѣвъсъ изъ вѣтвей, покрываютъ его епанчой, прячутъ подъ него сѣда, оружіе и кое-какъ укрываются сами отъ дождя. Лошадей пускаютъ на подножный кормъ, и ради этого ставятъ свои шалашіи далеко другъ отъ друга, что довольно опасно въ виду непріятеля.

Такъ служили и наши мелкопомѣстные каширскіе помѣщики. Лично о каждомъ изъ Болотовыхъ ничего нельзя сказать точнаго, кроме того, что даетъ писцовая книга; книги десятень съ ихъ именами не дошли до нашего времени: на сторожахъ своей украины караулили они татаръ, рыли землю для ровъ и валовъ, получая за эту службу 2, 3 р. прибавки въ полгода. Дома имъ часто приходилось работать въ полѣ за недостаткомъ рабочихъ рукъ, и притомъ не зѣвать: къ нимъ и въ мирное время легко могли забраться татары и затащить въ плѣнь прямо съ пашни. Обижала и своя братья: сбившійся съ толку боярскій сынъ собираясь вокругъ себя любителей легкой наживы и ходилъ съ топорами и рогатинами на помѣщиковъ и на крестьянъ; удалая шайка била своихъ же земляковъ до увѣчья и смерти, отнимала имущество, ничѣмъ не гнушаясь, часто для того только, чтобы немедленно пропить легкую добычу въ первомъ кабакѣ. Подчасъ, какъ татаринъ, боярскій сынъ завозилъ ихъ женъ и дочерей въ свою усадьбу и старался закрѣпить ихъ себѣ въ холопство.

Уѣзды украины безпрестанно призывались къ осторожности и держались на-готовѣ къ войнѣ. То и дѣло проскачивали мимо Каширы, съ дальнихъ сторонъ гонцы или сами станичные головы; чуткія, привычныя уши сторожевыхъ развѣдчиковъ издали слышали на сакмахъ и шляхахъ топотъ коней передовыхъ татарскихъ всадниковъ. — „Позади сакмы слышенъ зукъ великий, чаяли приходу царева“ (т.-е., ханскаго) — докладывали головы въ Москву кому слѣдовало. Къ воеводамъ украины тотчасъ посыпали изъ Москвы указъ держать служилыхъ людей на-готовѣ къ походу; на украину двигали сразу по нѣсколько полковъ. Все царствованіе Грознаго полно такихъ степныхъ тревогъ, отвлекавшихъ его силы то отъ Казани, то отъ Ливоніи и Литвы. Каширу сторожили извѣстные воеводы того времени, но не всегда уберегали; въ 1571

году допустили Девлетъ-Гирея сжечь Москву. На слѣдующій годъ разоренные и истомленные украинцы опять было пропустили татаръ. Каширцы со сторожевымъ полкомъ кн. Шуйскаго защищали свой городъ и ближніе берега Оки, а у Сенкіна брова стоялъ всего одинъ притинъ—мѣсто, огороженное плетнемъ, за которымъ сторожили 200 ч. боярскихъ дѣтей. Опытные мурзы Гирея выбрали удобное время, опрокинули притинъ, перебили маленький отрядъ и быстро переправились. Только близъ Лопаски настигли татаръ воеводы и успѣшно отбросили въ степи.

Грозное нашествіе Казы-Гирея (1596 г.) заключило рядъ погромовъ, не дававшихъ вздохнуть каширцамъ и ихъ сосѣдямъ, а затѣмъ послѣдовала сплошная смута во всемъ государствѣ. Чтѣ тутъсталось съ семействами Болотовыхъ, остается совершенно неизвѣстнымъ. Приходится черезъ всю эту эпоху перейти прямо къ двадцатымъ годамъ XVII вѣка.

Воцареніе Михаила Федоровича далеко еще не принесло мира русской землѣ; оно дало только опредѣленный государственный характеръ борьбѣ съ врагами внутренними и внѣшними; только въ этомъ смыслѣ можно сказать, что смута кончилась. Наша тульская Украина еще долго страдала отъ наѣздовъ казацкихъ и польскихъ отрядовъ, не желавшихъ разстаться со своею добычею—расшатавшимся государствомъ. То Заруцкій съ Мариной перебирался изъ города въ городъ, опустошая по дорогѣ все, чтѣ еще уцѣльло отъ прежнихъ набѣговъ; то Лисовскій проносился со своею конницей. Въ промежуткахъ татары появлялись изъ степей, переправлялись черезъ Оку и опустошали пріокскіе города до самыхъ подмосковныхъ волостей. На Каширѣ и сосѣднихъ съ нею мѣстахъ оставалось очень мало служилыхъ людей,—только тѣ бѣднѣки, которыхъ избавляли отъ дальнѣаго похода въ Литву и подъ Смоленскъ, гдѣ своимъ чередомъ шла борьба съ поляками. Часто случалось, что совсѣмъ некому было отражать опустошительные набѣги; да и тѣ воины, какіе были, не получая подолгу жалованья, стремились въ разбойничіи шайки. Масса дѣлъ и документовъ погибла за это время въ разграб-

ленныхъ городахъ. Такъ, въ Серпуховѣ, разоренномъ въ 1618 г. гетманомъ Сагайдачнымъ, погибли вмѣстѣ съ другими бумаги Болотовыхъ.

Но и среди этой кровавой борьбы стойко продолжалась возобновленная, государственная и административная дѣятельность; составлялись переписи служилыхъ людей, недоросли и новики верстались помѣстьями, вѣрныхъ защитниковъ Москвы награждали вотчинами; внутренній строй общества возобновлялся крѣпче, сложнѣе и опредѣленнѣе прежняго.

1620 г. застаетъ потомство Романа Болотова въ сравнительно лучшемъ положеніи по службѣ и по помѣстью. Въ дрв. Трухинѣ на берегу Дороховки жили теперь крестьяне; къ помѣстью прибавилось дѣвъ пустоши, и въ немъ считалось уже 200 ч. въ п.; имъ владѣлъ сынъ Василія Романова, уцѣльвшій отъ смуты, Гаврило Васильевъ, по мірскому прозвищу Горянинъ. Его старшій сынъ Ерофей былъ въ ту пору уже на службѣ и женатъ. Вѣроятно, его записали новикомъ въ первую разверстку дворянъ и дѣтей боярскихъ, когда кн. Хованскій стоялъ съ большимъ полвомъ въ Тулѣ для защиты края отъ крымцевъ и татаръ.

Перетерпѣвъ смуту, Горянинъ послалъ въ Москву челобитныя, чтобы ему снова справили необходимыя граматы на владѣніе Трухинымъ, такъ какъ прежнія погибли въ Серпуховѣ. Ему прислали обычную крѣпость ¹⁾, перечиславшую его земельныя дачи, съ обычнымъ наказомъ, чтобы „всѣ крестьяне, которые въ томъ помѣстьѣ живуть и на пустошахъ учнутъ жить, Горяина Васильева с. Болотова слушали, пашни на него пахали и доходъ его помѣщиковъ платили“. По годамъ, можетъ быть, еще и не стариkъ, Горянинъ сильно одряхлѣлъ въ бѣдствіяхъ кровавой эпохи и не имѣлъ силъ служить. Черезъ два года, въ 1622 г., въ Тулу прибыль кн. Лыковъ ²⁾ и произвелъ разборъ служилымъ тулякамъ и каширцамъ. Тутъ Гаврило Горянинъ былъ отставленъ отъ службы за старостью иувѣчью; при этомъ до извѣстной степени опредѣлилась служебная будущность его сыновей. Помѣстье,

¹⁾ Столбцы по г. Кашпрѣ № 439-й, дѣло 12.

²⁾ Тульскія десятни, кн. 16 и 115-я.

всегда связанное со службой, у неслужащего отняли, и по обычаю, признанному закономъ, записали за самымъ младшимъ четвертымъ сыномъ, малюткой Еремѣемъ; старшіе должны были получить помѣстье отдельно,—шли въ отводъ, какъ тогда говорили. Но Еремѣй-малютка только росъ и воспитывался на своемъ уже порядочномъ для боярскихъ дѣтей помѣстьѣ; поэтому за него отбывалъ службу и обязательно пользовался частью его доходовъ второй взрослый братъ, Панкратъ Горяиновъ по прозванию Бessonъ¹⁾. Его имени, впрочемъ, въ десятихъ 20-хъ годовъ не оказалось, можетъ быть, потому, что подлинники этихъ десятиенъ пострадали во время московского пожара 1628 г. Третій братъ Дорофей тоже не упоминается ни въ какихъ служебныхъ спискахъ; только гораздо позже мы находимъ его имя въ нѣкоторыхъ документахъ по помѣстнымъ дѣламъ.

Старшій сынъ Горяина, Ерофей, хорошо пошелъ по службѣ; ему видимо удалось отличиться или пріобрѣсти сильныхъ пріятелей. Въ 1622 г. онъ записанъ въ хорошей статьѣ городовыхъ дворянъ съ окладомъ (пока номинальнымъ) въ 400 ч. Но владѣлъ онъ всего 40 ч. во Владимірскомъ уѣздѣ пустыми отъ казацкаго разоренія; получены они, вѣроятно, въ приданое за женой. Ерофей жилъ пока у отца и выходилъ на службу одинъ на конѣ съ самымъ обыкновеннымъ вооруженіемъ²⁾. Имѣя покровителя въ Москвѣ или родство по женѣ, среди придворнаго вѣдомства, Ерофей могъ современемъ безъ труда попасть въ жильцы и въ московскій списокъ. Судя по дальнѣйшимъ успѣхамъ его дѣлъ и судьбѣ его сыновей, онъ былъ ловкій человѣкъ, а главное, „выгодно женился“: отецъ и братъ его жены, Бандиковы, служили головами московскихъ стрѣльцовъ и имѣли родныхъ среди толпы служилаго люда, наводнявшей крыльца и рундуки царскихъ хоромъ. Но дѣла не скоро дѣ-

¹⁾ Вотчин. арх. Столбцы по г. Каширѣ 439-й, дѣло 12-е.

²⁾ Тульскія десятины, кн. 16-я, 1622 г., л. 105. Городовые дворяне, по 400 ч. „Ерофей Горяиновъ с. Болотовъ; окладчики про него сказали по крестному цѣлованію: на государевої службѣ будетъ на конѣ и въ сабакѣ и въ саблѣ; живетъ у отца, помѣстье за нимъ въ Владимірскомъ у. дрв. Горахъ съ пустошами въ дачѣ 40 ч., пусто отъ Черкасъ, а въ иныхъ городахъ помѣстій за нимъ и отчинъ нѣтъ“...

лялись; еще нѣсколько лѣтъ пришлось ему потѣсниться въ трухинской усадьбѣ, пока отвели ему землю, да пока онъ самъ собрался съ силами отстроить себѣ свою собственную усадьбу.

Въ эту пору хозяйство въ Трухинѣ является далеко не блестящимъ. На одномъ помѣщичьемъ дворѣ, въ кѣтяхѣ и избахѣ, жили семьи двухъ женатыхъ братьевъ, старикъ Го-ряинъ и два юнца, будущіе новики. На деревнѣ у нихъ стояли только два крестьянскихъ двора, — одинъ пустой, въ другомъ жилъ крестьянинъ съ двумя племянниками, — да въ двухъ менышихъ дворахъ сидѣло по одному бобылю. На всѣ 200 ч. оклада приходилось врядъ ли пять взрослыхъ работниковъ, во всякомъ случаѣ меныше, чѣмъ ртовъ въ помѣщи-чей усадьбѣ¹⁾). Не очень сытно вормились съ Трухина служилые люди, и особенно ихъ подневольные, ходившіе съ ними въ походы. Чваниться и барствовать не приходилось; подобно многимъ своимъ современникамъ²⁾), наши Болотовы должны были работать на полѣ вмѣстѣ со своими бобылями. Впрочемъ, по большей части только женщины да старые и малые оставались въ усадьбѣ; взрослыхъ служакъ то и дѣло сна-ряжали въ походы.

Панкратій Безсонъ, отбывая службу за себя и за брата Ерему, ходилъ подъ Смоленскъ во время неудачной осады Шеина. Эти походы въ Литву, продолжительные и разори-тельные, считались особенно тяжелыми для служилаго сосло-вія. То были не отраженія татарскихъ набѣговъ, не погоня за степняками, тутъ требовалась стойкость, разсчитанная вы-

1) Уже въ первое десятилѣтіе послѣ смуты населеніе стало быстро прибавляться въ уѣздахъ украинныхъ городовъ. Степная боевая линія отошла далеко къ югу въ Тулѣ и Каширѣ переставали бояться крымцевъ. Но сельское хозяйство по недостатку рабочихъ рукъ развивалось весьма медленно. Если вѣрить даннымъ писцовыхъ книгъ, то маленькое помѣстье Болотовыхъ было хорошо обставлено: по современному счету они имѣли 300 дес. пахатной земли, 30 дес. покосу близъ рѣчекъ и 30 дес. лѣсу; но на этой землѣ въ мирное время работало 5 пахарей на себя и на помѣ-щиковъ, а въ военное, пожалуй, и еще меныше; поэтому разрабатывались на дѣлѣ всего 55 дес., остальные 245 обозначены въ перелогѣ и порос-шими лѣсомъ.

2) Чтенія Мос. Об. И. и Др. 1887 г. кн. 2, стр. 87.

держка, умѣніе распоряжаться всѣми своими силами. А наши войска изъ необученныхъ военному строю помѣщиковъ, безъ правильного содержанія, на истощенныхъ травяныхъ вормомъ коняхъ, часто оказывались вовсе неприготовленными къ продолжительнымъ походамъ въ непріятельскія земли. Старинные документы рисуютъ такія тяжелыя картины военной жизни и походнаго обихода, которые вполнѣ объясняютъ обиліе „нѣтей“ и побѣговъ изъ полковъ. Измученные голодовкой, безъ надзора и попеченій, помѣщички латники и холопы толпами бѣгали отъ своихъ господъ, а помѣщики, особенно одинокіе бѣдняки, охотно скрывались отъ своихъ головъ и окладчиковъ.

Тогдашняя служба разсчитывала на крайнюю неприхотливость и привычку къ скудости, на жѣлѣзный закалъ и безшабашную смѣлость русскаго человѣка. Въ XVII в. недостатки нашего стариннаго строя сдѣлялись такъ ощутительны, что съ воцареніемъ Михаила Федоровича появляются вполнѣ ясные признаки перехода къ западному регулярному строю, и съ каждымъ походомъ появляется все больше и больше солдатъ, рейтаръ и драгунъ подъ начальствомъ иностранныхъ офицеровъ.

И такъ, наши воины любили отмѣтить литовскія и смоленскія службы съ удареніемъ, какъ особенно тяжелыя. — Изъ довольно ветхаго дѣла¹⁾ узнаемъ, что Безсонъ сильно пострадалъ отъ „смоленской нужи“, какъ свидѣтельствовалъ кто то отъ имени Еремы; какъ больного или изувѣченного младшій оставилъ его на покой въ своемъ помѣстїи, и отправилъ вмѣсто себя въ полковую походную службу какого то Семена Чортова, но и Семенъ былъ гдѣ то зарубленъ. Не долго протянулъ и страдалецъ Смоленской нужи; онъ отбылъ на вѣчный покой, не справивъ за собой собственнаго, отдельнаго помѣстья, и ни разу не появившись въ спискахъ самостоятельнымъ лицомъ. Предназначенный ему 95 ч. изъ свободнаго сосѣдняго помѣстья были спрѣвлены уже за его сыновьями малолѣтками.

Пока старшіе служили, младшаго пробовали обижать тяж-

¹⁾ Столбецъ по г. Каширѣ 439, дѣло 12.

бами. Земляки каширцы Сонинъ и Тарбѣевъ задумали оттягать у Болотовыхъ Трухино; они ссылались на то, что Еремѣй Горяиновъ владѣеть имъ не по праву, безъ дачь и государевой граматы. Еремѣй немедленно подалъ отвѣтное челобитье съ указаниемъ всѣхъ необходимыхъ крѣпостей, по которымъ владѣеть, и дѣло прекратилось¹⁾. Старинные приказы бывали наводнены такими тажбами: дворяне, имѣвшіе маленькое помѣстье сравнительно съ окладами, могли быть челомъ на помѣстья, которыми, по ихъ мнѣнію, помѣщики владѣютъ неправильно. Если они оказывались правы въ своемъ челобитїи, то могли получить прибавки изъ неправильно захваченныхъ помѣстий.

Наконецъ, и Ерема попалъ на службу. Въ 1638 г.²⁾ въ Тулѣ воевода кн. Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій произвелъ общій смотръ служилому люду всѣхъ чиновъ и статей, отъ старыхъ служакъ, страдавшихъ подъ Смоленскомъ и Можайскомъ, до новиковъ и новыхъ солдатъ и рейтартъ. Мелкихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ не болѣе 2,3 душъ крестьянъ и бобылей на своихъ земляхъ, которымъ по бѣдности было слишкомъ трудно служить на своеемъ иждивеніи въ городовомъ помѣстномъ полку, воевода по указу записывалъ въ солдаты и рейтарты; этимъ людямъ, служившимъ въ полкахъ нового строя, выдавали изъ казны по 8,7-ми денегъ въ сутки; лошадей и оружіе они тоже получали отъ казны. Новикъ Еремѣй Болотовъ, какъ владѣлецъ 200 ч. и 5 рабочихъ душъ, былъ внесенъ въ нисшую 4-ю статью старой помѣстной конницы, съ окладомъ въ 200 ч. земли и 6 руб. годового жалованья. Судьба его оказалась впослѣдствіи довольно любопытной и даже романичной, и потомокъ-писатель посвящаетъ ей нѣсколько сантиментальныхъ страницъ въ своихъ запискахъ.

Не задолго до составленія писцовой книги 1629 г. (1624—25 г.) Ерофей Горяиновъ получилъ близъ Трухина отдельное помѣстье въ свой окладъ и началъ устраиваться въ своеемъ хозяйствѣ. Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ

¹⁾ То-же.

²⁾ Кн. десятень 299 и 118.

извѣстій о томъ, какъ и отъ кого онъ получилъ это помѣстіе, состоявшее изъ дерв. Дворениновой Луки въ 125 ч. въ п. и двухъ жеребьевъ запустѣвшей дерв. Дятловки въ 150 ч.²⁾. Первая была, можетъ быть, выселками стараго Дворенинова, принадлежавшаго въ XVI в. Коптевымъ и находившагося тоже на берегу Сѣниги. Прозвище Болотовской деревни скоро укорачивается и обращается просто въ Дворениново, впослѣдствіи пріютъ музъ литератора нашего просвѣтительнаго вѣка.

Ерофей повелъ хозяйство для своего времени обстоятельнѣй и лучше своихъ братьевъ. На высокомъ, крутомъ берегу красивой Сѣниги у него стоялъ обширный помѣщичій дворъ. Самъ всегда въ походахъ, вдали отъ дома, онъ первое время сосредоточивалъ здѣсь въ своей усадьбѣ всѣ свои хозяйственныя силы подъ надзоромъ жены Дарьицы. Въ 1629 г. у него еще не было крестьянъ; въ Дворениновѣ числилось только 5 пустыхъ мѣсть, гдѣ когда-то стояли тяглы крестьянскіе дворы, да 4 мѣста виднѣлись въ Дятловкѣ. Хозяйство велось руками трехъ дѣловыхъ людей и одного бобыля, переведеннаго изъ другой запустѣвшей деревни. Всѣ четыре работника жили съ семьями въ усадьбѣ, въ дѣловыхъ людскихъ избахъ, пока Ерофей не окрѣпъ хозяйствомъ. Поокрѣпнувъ онъ быстро обзавелся крестьянами, даже своихъ дѣловыхъ людей перевелъ на крестьянскіе тяглы дворы.

Дѣло въ томъ, что Болотовымъ удалось выхлопотать себѣ въ раздѣль большое сосѣднєе помѣстіе, оставшееся безъ владельца. Въ 1631 г.³⁾ умеръ кн. Шестуновъ изъ рода богатого и знатнаго въ XVI в. и сопшедшаго со сцены въ XVII в.; не имѣя сыновей, онъ оставилъ 700 ч. земли въ 3 уѣздахъ, и помѣстный приказъ самъ распорядился ими. Костромское помѣстіе назначили на прожитокъ вдовѣ княгинѣ, Галицкимъ наградили зятя покойнаго, кн. Щербатова, а Каширское по членитию трехъ старшинъ Болотовыхъ дали имъ въ раздѣль.

Раздѣль произошелъ въ 1632 г. подъ надзоромъ губного старосты г. Серпухова, Цвиленева³⁾. Староста ъздилъ лично

¹⁾ Писцовая кн. по Каширѣ № 177.

²⁾ Дѣла старыхъ лѣтъ по г. Каширѣ, кн. 77, № 1.

³⁾ Столбецъ 439, д. 13.

сь дьякомъ въ вымброчное помѣстье, осматривалъ его съ понятными и описывалъ. Въ старину это было большое помѣстье изъ двухъ сель и сельца; одно изъ нихъ, Шахово, принадлежало когда-то знаменитому роду князей Гундоровыхъ. Теперь все это обратилось въ сплошные пустоши; крестьяне давно разбрелись; гдѣ 20, гдѣ 26 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ виднѣлись вокругъ заброшенныхъ усадебъ; заброшенныя чутъ ли не со временъ Казы-Гирея, пашни заросли на 100 и болѣе четей хорошимъ строевымъ лѣсомъ. Послѣднаго задворнаго человѣка Щербатовъ свезъ въ свою вотчину, а послѣдній крестьянинъ сѣжалъ, и всю его рухлядь свезли къ себѣ съдніе государственные крестьяне.

Губный староста отдѣлилъ изъ этой обширной пустоши 284 ч. и разбилъ ихъ на 3 равные участка въ 95 ч. слишкомъ каждый, съ одинаковымъ количествомъ пашни, лѣса и сѣнокоса. Ерофею участокъ пошелъ въ прибавокъ за его усердную и успѣшную службу, и дополнилъ его окладъ до 415 ч., а Дорофей и Безсонъ получили здѣсь свои первые наѣвы. Безсонъ умеръ, не дождавшись крѣпостей на свою землю.

Округливъ свое помѣстье прибавкомъ пашни и лѣса, Ерофей могъ измѣнить свое хозяйство на болѣе спокойный для себя порядокъ и болѣе выгодный для своего рабочаго, страднаго люда¹⁾; онъ понемногу отстроилъ тяглыя дворы и переписалъ своихъ работниковъ въ крестьяне. Мелкій, но любопытныи фактъ, показывающій, какъ условия хозяйства, экономические интересы помѣщика смѣшивали совершенно различныя для государства сословія несвободныхъ, обязаныхъ людей. Можетъ возникнуть, конечно, подозрѣніе, не скрылъ ли Ерофей передъ переписью 1629 г. у себя во дворѣ крестьянъ, показавъ ихъ дѣловыми людьми, какъ это дѣлали многіе помѣщики. Но тогда оказались бы пустые дворы въ его деревнѣ; въ писцовой же книгѣ записаны не дворы, а старыя дворовые мѣста. Кромѣ того, странна непослѣдовательность: удачно скрывъ тяглыхъ въ первый разъ, онъ въ слѣдующую перепись не пробуетъ скрыть ни одного, показавъ больше дворовъ, чѣмъ у него было дворовыхъ мѣстъ.

¹⁾ Переаличная кн. по г. Каширѣ № 179-й.

Повидимому, тутъ совершился цѣлый хозяйственный переворотъ; помѣщикъ разжился землей, пріобрѣлъ много хорошаго лѣса и попробовалъ устроиться иначе. Та же Шестуновская дача принесла ему въ указываемому времени еще доходъ, о которомъ узнаемъ изъ позднѣйшаго документа, а именно изъ договора внуковъ и дѣтей Ерофея съ внуками Гамбуржца Марселиса. Петръ Марселисъ¹⁾ снялъ у Горяинова часть его пустоши на берегу Скниги подъ новый желѣзный заводъ; судя по возобновленному договору, онъ платилъ за пользованіе землей и строевымъ лѣсомъ деньгами, разными желѣзными подѣлками, строилъ помѣщику плотины, мельницы, чинилъ строенія и т. д. Сосѣдство такого про мысла должно было доставлять крестьянамъ и помѣщику не мало доходовъ и удобствъ. На выгоды отъ заводовъ указывали и мнѣнія выборныхъ на земскихъ соборахъ, когда разбирали права иноземныхъ купцовъ.

Что въ крестьяне были переведены дѣловые дворовые люди Ерофея, очевидно изъ внимательнаго чтенія описей Дворенинова въ писцовой книжѣ 1629 г. и переписной 1646 г.

1629 г.	1646 г.
Дѣловые люди:	Крестьяне:
1) Марчко Антоновъ.	{ 1 дворъ Костюшко Марковъ.
2) Игнашко Матвѣевъ.	2 дворъ Архипко Марковъ
3) Демка Гавриловъ (бывший бобыль).	съ братьями, дѣти Кащеевы.
4) Гришка Венюковъ.	3) Игнатко Матвѣевъ.
	4) Демка Гавриловъ.
	5) дворъ Григорій Лукьянновъ.

Къ этому числу Ерофей привлекъ трехъ новыхъ крестьянъ и одного бобыля, котораго поселилъ въ Гвоздевѣ; всего на всѣго въ эту пору за нимъ числилось 18 крестьянъ, два бобыля и ни одного дѣлового человѣка. Намъ неизвѣстны условія, свойства записей или крѣпостей, по которымъ жили дѣловые

¹⁾ Въ точности годъ этой сдѣлки неизвѣстенъ; вѣроятно, около 1640 г.

люди на дворѣ Ерофея, а эти условия бывали очень разнообразны въ XVII в. Неизвѣстно, взялъ ли помѣщикъ съ нихъ новыя записи, переводя ихъ въ крестьяне. Во всякомъ случаѣ, то были люди запрданные, зависимые; дѣти ихъ родились въ этой зависимости на барскомъ дворѣ и становились старинными, кабальными людьми. Давно закрѣпленные семьи资料 of his own owner, работники переѣхали на тяглые дворы, и тамъ переписью 1646 г. были на вѣки со своимъ потомствомъ прикреплены землѣ.

Въ Трухинѣ жъ у Еремы Горяинова хозяйство шло по старинѣ, безъ измѣненій. Тамъ черезъ 17 лѣтъ послѣ писцовой кн. 1629 г. стояли все тѣ же три двора — одинъ крестьянскій и два бобыльскихъ; завелся было третій бобыльскій дворъ, но крестьянинъ, перешедшій на этотъ низшій надѣль, скоро сбѣжалъ съ семьей. Всего у Еремы жило 10 чел., четверо крестьянъ и шестеро бобылей. Завелась въ это время деревушка и у Дорофея Горяинова, но весьма жалкая; она состояла изъ помѣщичьей усадьбы и одного крестьянскаго двора, и называлась Гвоздевкой, по имени главной Шестуновской пустыни.

Теперь слѣдуетъ упомянуть объ одномъ дальнемъ родственнике и современнике Горяина и его сыновей, любопытному, правда, только по тажбѣ, которую ему пришлось вести подъ конецъ жизни. Въ XVI в. мы видѣли три семьи Болотовыхъ въ Безшукскомъ стану; въ XVII в. отъ нихъ остались только два потомка: Григорій Васильевъ и его племянникъ Лукьянъ, — одинъ сынъ, а другой внукъ Василія Петрова, основавшаго деревушку Новое-Болотово. Дядя пользовался $\frac{2}{3}$ помѣстья, а племянникъ $\frac{1}{3}$. Ни тотъ, ни другой не имѣли ни одного жилого крестьянскаго двора; у нихъ стояли только усадьбы, да показаны старыя дворовые мѣста; даже дѣловыхъ людей за ними не было.

Григорій Васильевъ служилъ давнымъ-давно: въ 1622 г. онъ записанъ въ статьѣ городовыхъ дворянъ рядомъ съ Ерофеемъ съ окладомъ въ 250 ч.; но на дѣль онъ владѣлъ всего 86 ч, изъ отцовскаго помѣстья и не получалъ никакихъ привилѣй за службу. Только когда умеръ племянникъ Лукьянъ бездѣтнымъ, дядь безъ спора передали остальную часть Бо-

лотова 36 ч. и пустую усадьбу. На старости лѣтъ Григорій оказался вдовъ, бездѣтенъ и совсѣмъ одинокъ; онъ уже собирался мирно удалиться въ монастырь, въ теплѣ и покой доживать свой вѣкъ, какъ его помѣстье, выходившее изъ служилыхъ рукъ, сдѣгалось добычей алчныхъ исканій. Бумаги, рисующія это дѣло, весьма ветхи, ни года, ни судебнаго решенія при нихъ нѣтъ, такъ что о результатахъ тѣжбы можно судить только по позднѣйшимъ фактамъ.

Изъ родныхъ у старика были только Болотовы Тѣшиловскаго стана да зять, небогатый помѣщикъ Писаревъ. Еще при жизни жены тестя, оказывается, уступилъ зятю 40 ч. изъ своего помѣстья, съ тѣмъ, чтобы послѣдній содержалъ его. Писаревъ подалъ челобитную отъ себя и отъ имени тестя въ помѣстный приказъ, прося укрѣпить за собою эти 40 ч. Не успѣли исполнить этой просьбы, какъ въ слѣдующемъ году явились новые претенденты на Болотово. Какой-то подъячій подалъ новую челобитную тоже отъ имени Григорія, въ которой тотъ удостовѣряется, что онъ передумалъ, и теперь всѣмъ помѣстствомъ сполна поступается родичамъ Еремѣю Гаврилову да племяннику Панкрату Безсонову съ тѣмъ, чтобы они его содержали. Что же касается уступки зятю 40 ч., то онъ, старикъ, сдѣжалъ это, не посовѣтовавшись со своими родными; зять же кромѣ того ни въ чемъ его не почитаетъ, не поитъ и не кормитъ, а потому ему, Писареву, „до того помѣстья больше нѣтъ“.

На это Писаревъ отвѣтилъ челобитной опять отъ имени того же Григорія; въ ней послѣдній просить не вѣрить его предшествующему челобитью, потому что оно должно подано отъ его имени, и писана въ немъ одна неправда; увѣряеть, что зятемъ онъ доволенъ; тотъ его почитаетъ и кормить. Что же дѣйствительно писалось отъ имени старика и что должно? Можетъ быть обѣ стороны равно играли именемъ совсѣмъ одряхлѣвшаго помѣщика. Явились претензіи на Болотово и со стороны; малопомѣстный сосѣдъ Сонинъ съ сыномъ усердно просили прибавить имъ въ окладъ изъ бывшаго помѣстья Григорія Болотова; говорили, что старикъ лѣтъ съ десять никакихъ службъ не служить, а теперь ушелъ въ монастырь постригаться.

Изъ Москвы мѣстному воеводѣ велѣли лично допросить Григорія и собрать справки о помѣстяхъ Сонина и Писарева; (у послѣднаго оказалось очень мало земли). Чѣмъ кончились допросы — неизвѣстно; но черезъ нѣсколько лѣтъ у Панкрата Безсонова оказались крѣпости на 80 слишкомъ четьѣ въ Безпугскомъ стану. Значитъ воеводѣ удалось примирить родичей: недостаточному Писареву дали просимыя 40 ч.; племяннику Болотову дали болѣшую часть помѣстья; Еремѣю, самому обезпеченому, ничего не дали; отказали и чужаку Сонину. О ложныхъ челобитныхъ совсѣмъ дѣла не поднимали.

Въ эту пору въ концѣ 40-хъ г. XVII в. старшихъ братьевъ Болотовыхъ уже не было въ живыхъ. Едва вступилъ на престолъ Алексѣй Михайловичъ, какъ начались тревоги въ татарскихъ степяхъ; въ украинскихъ городахъ потребовалась усиленная дѣятельность, и на дальніе старожевые пункты послали выдающихся въ свое время дѣятелей, князей Одоевскаго и Львова. Въ такія тревожныя времена въ Тулу, Капишу и другие города посыпали строгія грамоты къ воеводамъ. Въ нихъ сообщали, что прошли слухи о близкомъ приходѣ крымскаго хана на Русь, а потому приказывали быть въ великомъ береженіи, грамоту приказывали читать вслухъ служилымъ людямъ по нѣсколько разъ, чтобы дворяне, дѣти боярские и всякихъ чиновъ люди собирались къ службѣ „конны, людны и оружны“; чтобы въ дальнія мѣста не смыли разѣзжаться, а были бы готовы идти съ царскими воеводами на крымцевъ, чтобы православныхъ крестьянъ въ плѣнъ и расхищенье не выдавать.

Женѣ и дѣтей дворянѣ должны были по первому зову везти въ городъ, чтобы татары ихъ не побили и не полонили. Туда же приказывали свозить хлѣбные запасы со всего уѣзда, и ничего не оставлять на добычу татарамъ.

Не любили жители тащиться издалека въ городскую осадную тѣсноту, и иногда предпочитали строить свои острожки и загороды, гдѣ пробовали сами защищаться отъ степняковъ. Правительство строго требовало, чтобы воеводы сжигали такія домашнія крѣпости, сжигали и хлѣбъ у ослушниковъ, державшихъ его дома; но угрозы вредѣли многихъ устрашили.

Къ 1646 г. тронулись съ съвера замосковные полки; у Оки къ нимъ начали примыкать каширцы, туляки и прочие украинцы. Начался дальний степной походъ; въ немъ принимала участіе и новая пѣхота-солдаты, обученные иностранному строю. Въ числѣ каширцевъ шли Ерофей Горяиновъ съ братомъ Дорофеемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ въ 1646 г. простояли они съ кн. Одоевскимъ около Ливенъ, ходили походами въ степи, держали караулы на сторожахъ. Здѣсь по Быстрой Соснѣ усиленно оберегали переправу и знаменитый татарскій путь между притоками Оки и Дона. Отсюда начиналась новая Украина, болѣе южная, называемая польной.

Скоро Одоевскаго по стратегическимъ соображеніямъ, передвинули далѣе на югъ въ Бѣлгородъ на Донцѣ, гдѣ цѣлый рядъ укрѣплений сосредоточился на сторожевой линіи отъ Ворсклы черезъ Донецъ до донскихъ береговъ. На дальней линіи служба становилась тяжелѣе. Тамъ требовались рабочія руки для крѣпостныхъ и земляныхъ работъ, для рытья рвовъ и валовъ; туда нужны были служилые люди побогаче, приводившіе побольше холопей. Поэтому окладчикамъ приказали поразобраться въ своихъ полкахъ, и бѣдныхъ малопомѣстныхъ и пустопомѣстныхъ не отправлять съ княземъ Одоевскимъ подъ Бѣлгородъ¹⁾), ихъ оставляли въ Ливнахъ для сторожевой службы подъ начальствомъ кн. Львова; въ походъ же пошли главнымъ образомъ жильцы, стряпчіе и др. высшіе чины: они получили за тяжелыя службы 1646, 47 и 48 гг. награды и особыя льготы на нѣсколько лѣтъ въ помѣстныхъ и судныхъ дѣлахъ. Слабыхъ же и больныхъ людей отпускали съ разбору по домамъ. Въ эту пору отправили домой совсѣмъ больного Дорофея Болотова. Что касается Ерофея, то несмотря на его обеспеченность и хороший окладъ, окладчики оставили его на Ливнахъ наравнѣ съ пустопомѣстными; можетъ быть, онъ несъ здѣсь какую-нибудь особую службу, но вѣрнѣе, что избавился отъ дальнѣаго похода, благодаря роднѣ среди начальниковъ. Это не спасло его, однако, отъ судьбы: онъ умеръ 1 сентября 1647 г., гдѣ-то на службѣ подъ Ливнами.

¹⁾ Въ этотъ походъ, вѣроятно, Бѣлгородъ окончательно укрѣпился на своемъ третьемъ мѣстѣ.—Багалѣй: Колонизація, стр. 43.

Вернувшись съ похода домой, Дорофей совсѣмъ захирѣлъ и умеръ вслѣдъ за братомъ въ январѣ того же года. Такъ-три старшіе Болотовы покончили свой вѣкъ на службѣ или отъ послѣдствій службы.

Теперь съ 1647 г. въ дѣлахъ Болотовской семьи являются дѣятельными гражданскими личностями вдовы-матери, „горькія“ и „бѣдныя“ членовитчицы¹⁾. Послѣ смерти мужей они заступаютъ ихъ первенствующее мѣсто въ семьяхъ и дѣлаются ихъ представительницами передъ правительствомъ. Дѣло вдовы Дорофея короче, а потому начнемъ съ него.

— „Бѣдная вдова каширянина Антонидка Дорофеевская жена Болотова съ дѣтишками съ сынишками большимъ Сенькой (5 л.), да меньшимъ Сенькой (3 л.), да съ двумя дочерьми дѣвками бывать членомъ великому Государю.... Въ прошломъ, Государь, во 154 г. былъ мужъ на твоей Государевой службѣ на Ливнахъ съ окольничимъ кн. Семеномъ Петровичемъ Львовыемъ; мужъ мой, будучи на твоей государевой службѣ, занемогъ, и привезли съ твоей государевой службы больного. И въ нынѣшнемъ, Государь, во 155 году, послѣ Богоявленьяго дня на завтреи мужа моего не стало“. Затѣмъ она просить: „пожаловать ее, вдову, съ сынишками, выслуженнымъ помѣстемъ мужа 95 ч. на Каширѣ“, — а имъ съ того ихъ помѣстия государеву службу служить, и мать свою кормить до ея живота“, и кончаетъ просьбой, записать сыновей въ разрядъ недорослями.

Это дѣло довольно ветхо, и многое въ немъ растеряно; неизвѣстно даже назначили ли вдовѣ съ дочерьми что-нибудь на прожитокъ. Помѣстие было такъ незначительно, что его, кажется, предоставили въ полное распоряженіе матери сообща съ дѣтьми. Обоихъ Семеновъ очень скоро записали въ недоросли на помѣстии отца. Съ тѣхъ поръ имена ихъ только разъ попадаются въ сохранившихся документахъ: въ дѣлѣ новой маленькой прибавки изъ Шестуновскихъ дачъ, по 12 ч. семерымъ Болотовымъ младшаго поколѣнія²⁾ да въ тажѣ изъ-за тѣхъ же дачъ съ княземъ Горчаковымъ. Съ тѣхъ поръ

¹⁾ Столбецъ по г. Каширѣ 373-й, № 9-й и 11-й.

²⁾ Столбецъ по г. Каширѣ 493-й, № 6-й.

потомство Дорофея исчезаетъ безследно, и совершенно неизвестно, выросли ли оба Семена изъ недорослей и поступили ли когда-либо на службу, или перemerли малолѣтками. Только въ 1656 г. ихъ помѣстье во 108 ч.¹⁾ (11 ч. отчислены, вѣроятно, на прожитокъ матери или сестрѣ) дано Еремѣю Горяинову, еще не получавшему никакихъ прибавокъ къ окладу за свои службы.

Дѣло вдовы Ерофея, „Дарьиц“²⁾, интереснѣе и сложнѣе. Послѣ обычного отчета о смерти мужа въ ея членитной слѣдуетъ перечисленіе семьи: „а я, горькая, осталась съ дѣтишками своими съ Ивашкой, да съ Кирюшкой, да съ Гаврилкомъ, да съ Борискомъ, да со снохой Осиповой женой, да съ внукомъ Ларькой Осиповыимъ сыномъ сама сема“³⁾. Ея старшій сынъ Осипъ, женившійся весьма рано по обычаямъ старины, умеръ въ одинъ годъ съ отцомъ, не поступивъ на службу и не получивъ оклада. Послѣ Ерофея въ Каширскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ осталось 412 ч. помѣстья (кромѣ лѣса и покоса). Дарьица просила все это помѣстье справить по обычаямъ за 2 младшими сыновьями Гаврилой и Борисомъ (6 и 5 л.) и внукомъ Ларіономъ ($\frac{1}{2}$ г.). „А внука моего,—писала попечительница семьи,—вѣли мнѣ поить и кормить, покамѣстъ онъ возмужаетъ и послѣдуетъ въ твою государеву службу“. Далѣе, послѣ обычныхъ спровокъ и названий помѣстныхъ дачъ, вдова записала известную формулу, созданную служебнымъ положеніемъ стариннаго дворянства: „какъ ему будетъ 15 л. въ службу послѣдуетъ, будетъ служить съ отца своего помѣстья, и станетъ мать свою и племянника Ларьку поить и кормить. А послѣдуетъ Ларька въ 15 л., онъ изъ того дѣда своего помѣстья служить и кормить бабку и мать“.

Въ тотъ же годъ троихъ мальчиковъ внесли въ каширскій списокъ недорослей, а вскорѣ затѣмъ справили и Дворениново за будущими служаками.

Иванъ Ерофеевъ³⁾ съ Кирилой остались заптатными въ

¹⁾ 95 ч. въ п. въ Гвоздевѣ, да прирѣзъ въ 24 ч. — всего 119 ч. въ п.

²⁾ Столбецъ 373, № 11-й.

³⁾ О службѣ Ивана ничего неизвестно въ точности; можетъ быть, онъ вышелъ въ новики въ годъ смерти отца. Въ книги десятень 177-й на л.

отцовскомъ помѣстѣ. Иванъ, уже юноша, скоро женился и вышелъ на службу; но еще долго, до самаго совершеннолѣтія недорослей, семья жила вмѣстѣ въ одной усадьбѣ.

Одно сельцо Дворениново, хотя бы и хорошо устроенное съ небольшимъ прибавкомъ, заброшеннымъ во Владимирскомъ у., на такую большую семью было далеко не роскошнымъ обеспечениемъ. Между тѣмъ московская протекція сильно помогала дѣтямъ Ерофея, и они быстро поднимались по службѣ; трудно сказать, сколько оии прослужили въ первой статьѣ, но послѣ андрусовскаго перемирія имена ихъ появляются въ спискѣ московскихъ жильцовъ.

Первые годы владычества Дарьи съ сыновьями въ Дворениновѣ озnamеновались разными поземельными дѣлами; сперва успѣши окончили хлопоты о новой прибавкѣ изъ пустыхъ земель кн. Шестурова. При раздѣлѣ семь братьевъ Болотовыхъ получили по 12 ч.¹⁾). Не участвовали только Иванъ съ Кирилой; они шли въ отводъ. Затѣмъ началось безконечное дѣло съ князьями Горчаковыми, бывшими челомъ на Болотовыхъ, что они неправильно получили 86 ч. изъ Шестуновскаго имѣнья.

Это опять весьма характерная для своего времени тяжба, рисующая нравы и взгляды тогдашнихъ помѣщиковъ; въ такихъ дѣлахъ сильно отражалось стремленіе служилаго сословія обратиться въ классъ преимущественно землевладѣльческій. Аппетитъ къ землевладѣнію сталъ быстро развиваться послѣ смутного времени. Въ XVII в. знатные и незнатные дворянѣ очень охотно заводили земельные споры, ревниво присматривались, нѣть ли гдѣ по близости ключка земли, на который старый учѣчный владѣлецъ терялъ право, нѣть ли въ чьемъ помѣстѣ лишняго противъ писцовой книги. На такой ключокъ налетало разомъ нѣсколькою челобитенъ, и многимъ, хорошо принимавшимся за дѣло, удавалось получить про-смое.

Кн. Горчаковъ старался доказать ²⁾, что еще покойный 99-мъ записалъ новикъ безъ оклада Иванъ Ярофеевъ Болотовъ, но по г. Тарусѣ, а не Каширѣ.

¹⁾ Два брата Безсоновыхъ, два—Дорофеевыхъ и трое—Ерофеевыхъ.

²⁾ Столбецъ по г. Каширѣ 494, № 7-й.

Шестуновъ получилъ изъ земель князей Гундоровыхъ лишнихъ 86 ч. сравнительно съ помѣстьемъ, какое указано за послѣдними писцовой книгой 1578 г., теперь же эта неправильно захваченная земля сдана Болотовымъ, тогда какъ она должна считаться свободной; поэтому онъ предлагалъ взять ее у нихъ обратно. Дѣло началось еще при жизни обоихъ Семеновъ Дорофеевыхъ. Вель его, главнымъ образомъ, Панкратъ Безсоновъ отъ имени остальныхъ, и вель довольно энергично. Тогда уже среди служилаго сословія начинать появляться типъ гражданскаго дѣльца, ходока по приказнымъ дѣламъ, охотно занимавшагося тажбами. Совсѣмъ юношей, Панкратъ изъ всей семьи отличался на этомъ поприщѣ. О его воениой службѣ нѣтъ никакихъ извѣстій, какъ будто онъ вовсе не служилъ, приказный же дѣла вель счастливо, съумѣлъ получить хорошую прибавку въ свой окладъ изъ помѣстья Григорія Васильева, выхлопоталъ для братьевъ по 12 ч. изъ Шестуновскихъ дачъ. Послѣ смерти Панкранта Горчаковское дѣло вель Кирило Ерофеевъ, болѣе грамотный и развитой дѣлецъ. Кн. Горчаковъ доказалъ таки, что 86 ч. дѣйствительно были лишними, примѣрными у Шестунова. Кирило не могъ этого отрицать, но возражалъ, что по указамъ нельзя поднимать помѣстныхъ споровъ по дѣламъ, которыхъ покончены до большого Московскаго пожара 1626 г. Въ то время, какъ противнику не покидалъ почвы законности въ земледѣльческомъ вопросѣ, Болотовъ скоро перешелъ на почву служебныхъ правъ. За время польскихъ войнъ его семья очень уменьшилась, многіе ея члены сильно пострадали въ походахъ, и Кирило отписывался по своей тажбѣ такъ: „Съ этихъ пустотшей всѣ наши родичи служили; четверо ихъ убито, а двое въ полонъ взято. Не вели, государь, отнимать за кровь и за раны выслуженное помѣстье“. Это дѣло пережило правленіе Софии, царствованіе Петра и, наконецъ, при Екатеринѣ II мирно кануло въ вѣчность.

Едва только потомки Ерофея утвердились въ своихъ помѣстяхъ, началась кровавая тринадцатилѣтняя война съ Польшей, временно утихавшая только ради борьбы со Швеціей. Такая продолжительная борьба съ самыми могущественными соседями потребовала со стороны Россіи громадныхъ

затратъ и страшнаго напряженія силъ. Въ 1654 г., какъ известно, самъ царь Алексѣй Михайловичъ двинулся съ большою торжественностью къ литовскимъ границамъ и лично велъ осаду Смоленска. Первые три года военные дѣйствія велись съ блестящимъ успѣхомъ. Но съ 1658 г. война затянулась, и цѣлый рядъ неудачъ подвергъ тяжкимъ испытаніямъ и наши военные порадки, и наши финансы, и, наконецъ, чуть было вновь не запатался весь внутренний порядокъ государства. Наша дворянская конница стариннаго беспорядочнаго строя особенно сильно пострадала въ литовскихъ походахъ. Современникъ этой войны, желая, кажется, похвастаться передъ иностранцами русскими порядками, весьма наивно выдастъ всю нестройность вооруженной дворянской толпы ¹⁾.

Продолжительность походовъ, недостатокъ въ продовольствіи измучили и разорили воиновъ-помѣщиковъ, да и регулярнымъ полкамъ не удавали во время выдавать содержаніе изъ опустѣвшей казны. Никогда еще въ русскихъ войскахъ не падала такъ низко дисциплина, какъ въ несчастный періодъ этой польской войны (около 1661 г., послѣ Конотопскаго пораженія). Недостатки нашихъ военныхъ порядковъ сдѣлялись такъ очевидны, что реформы, и самыя коренные, ожидали только смѣлаго и рѣшительнаго на опыты преобразователя.

Въ эту тяжелую пору постепенно подрастало молодое поколѣніе Болотовыхъ и въ свой чередъ выходило на дальние походы. Опять въ усадьбахъ появлялись вдовы-попечительницы и посылали членовъ на запустѣвшіе участки; ихъ сочиняли и подписывали по ихъ женской безграмотности духовные отцы, священники сосѣднаго погоста Николы Русатина. Незамѣтную, но прочную службу водворенію внутреннаго порядка въ русскихъ областяхъ могли сослужить подобные Дарыны, Антонидки и Афросинны, деревенскія опекуньши, усердныя собирательницы жалованнаго семейнаго добра;

¹⁾ Посоль Чемодановъ: „Дворянне и дѣти боярскія и всякихъ чиновъ люди боятся разными обычаями, лучными и огненными боемъ, кто ель какому привыкъ“. Войско при Михаилѣ Федоровичѣ: Бѣляевъ.

такъ часто, стоило только небогатому малосемейному помѣщику сложить свою голову на далекой окраинѣ, какъ его деревни шли въ раззорь и прахъ; безгосударные крестьяне, натерпѣвшись обиды отъ сосѣдей и разбойниковъ, уходили на поиски за новымъ домомъ и новымъ бояриномъ, а пашни на многие годы поростали лѣсомъ. Даже родовитость семьи, богатство, влиятельная служба вотчинника не спасали отъ беспорядковъ и даже крушения сельское хозяйство въ вотчинахъ и помѣстяхъ при перемѣнѣ владѣльца. Такой крупный бояринъ, какъ В. Б. Шереметевъ горько жаловался царю Алексѣю изъ Крымскаго племени¹⁾: „Нѣкто недругъ мой внесъ въ люди на Москву, что будто я, холопъ твой, въ непріятельскихъ нечестивыхъ рукахъ въ Крымъ умеръ. И слыша то, холопи мои учинились непослушны: сынишку моему въ домишку его объявились отъ холопей воровство великое... И въ деревнишкахъ, которыхъ приказаны людышкамъ моимъ, хлѣбъ мой они покрали и мужиченковъ разогнали, а иныхъ мужиченковъ моихъ роздали и распродали. Изъ Нижегородскихъ моихъ деревнишекъ... человѣкъ мой, Войка Корсаковъ многихъ мужиченковъ роздалъ дѣтямъ боярскимъ безъ записки и безъ очныхъ ставокъ, для своей корысти поималъ у нихъ многія деньги. И на остальныхъ мужиченковъ человѣкъ мой, Войка, правиль деньги, рублевъ по сороку и по пятидесяти, невѣдомо по какимъ варварскимъ записямъ. Человѣкъ же мой, Мишка Збоевъ въ Арзамасской моей деревнишкѣ въ сельцѣ Пановѣ воровалъ, наругался надъ крестьяны, впряженъ въ сохи и на нихъ пахалъ, и отъ сохъ крестьяне помирали. И такова поруганья надъ крестьяны и въ нечестивой сторонѣ бусурманскаго закону и злова народу не бываетъ...“

Когда постигла многолѣтняя военная тревога и начались переговоры о мирѣ (1667), выздоровѣвшій отъ ранъ Кирило Ерофеевъ²⁾ съ сыновьями вернулся на родные берега Скниги. Посчитались они своими, и оказалось, что изъ потомства четырехъ братьевъ Горяиновыхъ осталось всего пять человѣкъ:

¹⁾ Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ“, т. V.

²⁾ Столбецъ 537, дѣло 24.

Гаврило и Кирило Ерофеевы съ племянникомъ Ларіономъ, да двое Еремьевыхъ; послѣдніе вскорѣ тоже умерли одинъ за другимъ. Потуживъ о судьбѣ родичей, практическіе Ерофеевы принялись хлопотать о пріобрѣтеніи въ свою пользу ихъ запустѣвшихъ помѣстій; за приказныя дѣла взялся вполнѣ грамотный и сообразительный жилецъ Кирило.

Тогда уже престѣлось потомство несчастнаго, рано искалеченнаго Безсонова. Старшій Безсоновъ, Панкратъ, ходокъ по приказнымъ дѣламъ, не успѣлъ насладиться помѣстіемъ Григорія Васильева, не успѣлъ даже жениться; онъ умеръ въ 1654 г.¹⁾, дома или въ походѣ—неизвѣстно. Младшій братъ Емельянъ, былъ уже въ Литвѣ, но недолго провоевалъ; въ самую блестящую пору войны, когда литовскіе города сдавались одинъ за другимъ, его убили въ 1655 г. подъ Могилевомъ. Ихъ помѣстья оставались, кажется, пустыми до самаго возвращенія двоюродныхъ братьевъ, Кирилы и Гаврилы съ войны. Тѣ немедленно стали просить себѣ въ окладъ это порожнее и „родственное“, какъ выражались тогда, помѣстіе. Однако же, счастливѣйшиѳ Болотовы получили его далеко не сполна, — всего только 60 ч. въ п. (90 дес.), по 20 ч. на брата; остальная 80 или 90 ч. куда-то отчислили. Крѣпостей на свои земли Болотовы подолгу не получали. За послѣдніе годы войны въ Каширѣ воеводствовалъ нѣкто Писаревъ, вѣроятно, родственникъ того зятя Григорія Васильева, съ которымъ тягался Панкратъ Безсоновъ изъ-за 40 ч. Воевода не давалъ ходу дѣламъ нашей семьи и надолго запуталъ производство. Одинъ изъ Ерофеевыхъ прямо писалъ въ Москву, что у нихъ съ воеводойссора въ помѣстяхъ и крестьянахъ, и просилъ высыпать бумаги на имя Серпуховскаго губного старосты.

Судьба Еремѣя Горяинова и его сыновей оказалась особенно трагичной. Въ 1638 г. онъ вышелъ, какъ уже сказано, въ меньшую статью помѣстной конницы. Какъ хозяинъ, мы видѣли по писцовымъ книгамъ, онъ отсталъ отъ старшаго брата и не дѣлалъ попытокъ къ улучшенію хозяйства; по службѣ онъ, кажется, отсталъ еще больше. Въ то время,

¹⁾ Столбецъ 160, № 7.

каль племянники обучались немецкому строю, легко и быстро поднимались до жилецкого и выборного списка, онъ не возмутимо дѣлилъ судьбы доживавшаго свой вѣкъ помѣстнаго ополченія. Въ эпоху польской войны у Еремея подрастали три сына и двѣ дочери. Сыновья одинъ за другимъ выходили вмѣстѣ съ нимъ на службу. Старшій, Филимонъ, поступилъ прямо въ рейтары и, такимъ образомъ въ юности прошелъ строевую науку. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ отслуживалъ самую тяжкую пору польскихъ войнъ, когда къ нимъ присоединились смуты въ Малороссіи, замѣшившія въ войну крымцевъ. Это была пора битвы при Конопотѣ, когда подъ начальствомъ воеводы Трубецкого легла костьми почти вся помѣстная конница, пять лѣтъ назадъ блестящѣ начавшая войну. Въ этомъ страшномъ побоищѣ до пяти тысячъ вмѣстѣ съ воеводами попали въ плѣнъ и были перерѣзаны татарами (28 июня 1659 г.). Среди нихъ и Ерема Горянинъ пропалъ безъ вѣсти.

Гибель большого войска привела въ ужасъ Москву. Царь надѣлъ печальное платье. Думали, что гетманъ Виговскій съ ханомъ пойдутъ прямо къ столицѣ, но они удовольствовались побѣдой и не выходили изъ Малороссіи. По Коломенскому, Каширскому и другимъ уѣздамъ Україны разбрѣжались „воровскіе люди“, которые запугивали уѣздныхъ, сельскихъ людей скорымъ приходомъ крымцевъ и пользовались паникой. Беззащитные сельские жители начали даже толпами сбѣгаться изъ сель и деревень въ города подъ защиту остроговъ. Народъ вспоминалъ несчастную битву въ своихъ пѣсняхъ; впечатлѣніе этой эпохи черезъ семейные пересказы отразилось и на страницахъ мемуаровъ А. Т. Болотова; онъ описалъ участъ своего предка Еремѣя очень картино и трогательно; горестный эпизодъ битвы принялъ у него героическій оттенокъ, и вся история семьи Горянинова обратилась въ сентиментальную поэму. Нужно замѣтить, что сыновья его не были убиты тутъ же подъ Конотопомъ; принимать участіе въ этомъ дѣлѣ могъ одинъ старшій, который, можетъ быть, и былъ тогда раненъ; но во всякомъ случаѣ онъ послѣ плѣна отца успѣлъ побывать дома и укрѣпить за собой и за братомъ отцовское помѣстье. Всѣ были увѣрены, что Еремѣй

погибъ во время безчеловѣчной рѣзни плѣнныхъ¹⁾). Братья раздѣлились не по обычаю: отцово Трухино Болотово съ пустошью Гвоздевской (всего 300 ч.) взяли себѣ оба старшіе, а младшаго, Панкрата, оставили ожидать себѣ новаго оклада.

Скоро Филимонъ съ Иваномъ вышли на новыя службы, съ мятежниками; мятежи долго не давали тогда покоя служилымъ людямъ, которые давно уже, по замѣчанію Ордынъ-Нащокина, заскучали службой отъ долгой войны и сдѣлались нерадѣтельными.

Иванъ Еремѣевъ служилъ въ Малороссіи во время смуты Брюховецкаго и Дорошенки, и близъ Чернигова изъ полковъ Григорія Ромодановскаго былъ захваченъ въ плѣнъ кримскими летучими отрядомъ. Это случилось, вѣроятно, лѣтомъ 1668 г., когда воевода осаждалъ Черниговъ, и его отряды гонцовъ и разсыльщиковъ часто попадались въ плѣнъ татарамъ. Иванъ пропалъ безъ вѣсти и навсегда²⁾.

Два года спустя находимъ Филимона подъ Тамбовомъ въ числѣ на спѣхъ собраннаго туда служилаго люда; тамъ появились передовыя шайки Разина. Онъ двигались отъ Симбирска по двумъ направлѣніямъ къ Тамбову и къ Нижнему Новгороду. Вокругъ Шацка и Тамбова поднялись массы сельскихъ людей надъ начальствомъ опытныхъ зачинщиковъ изъ арміи самого атамана. Подъ самыми городами мятежники укрѣплялись въ деревняхъ и слободкахъ и отсюда подолгу боролись съ царскими полками. Въ 1671 г. Филимона „воровскіе люди убили подъ Тамбовомъ“, какъ писалъ третій братъ Панкранть. Послѣдній, хотя по лѣтамъ и поспѣлъ на службу, но на ту пору оказался въ деревнѣ, и только было

1) Въ первой челобитной отъ имени Филимона прямо указано, что Еремѣй взяты въ плѣнъ подъ Конотопомъ; въ другой челобитной лѣтъ на 16 позже, когда два брата его погибли на войнѣ, младшій братъ Панкранть пишеть, что отца взяли въ плѣнъ изъ полка Василія Борисовича Шереметева. — Но мы считаемъ достовѣрнымъ свидѣтельство старшаго брата, онъ самъ былъ на войнѣ, и ни въ какомъ случаѣ не могъ спутать Конотопскую битву съ какой-либо другой; младшій же братъ жилъ и умеръ въ деревнѣ и, повидимому, вовсе не выходилъ на службу. Столбцы по г. Каширѣ 165, дѣло 7, и 69, д. 22-е.

2) Столбецъ 165, № 7.

началь хлопотать о получениі помѣстій братьевъ, какъ тутъ же дома и умеръ. Какой-то злой рокъ преслѣдовалъ даже женскую половину семьи Еремѣя; къ нему и его потомству могло по справедливости перейти отцовское прозвище Горяновыхъ. Записи А. Т. Болотова весьма правдоподобно и согласно съ эпохой рассказываютъ, какъ зимнею ночью разбойники напали на трухинскую усадьбу, мать-помѣщицу предали мучительной смерти, домъ весь разорили; ушла одна только жившая съ нею незамужняя дочь, босая, неодѣтая. Добѣжала она кое-какъ по морозу за три версты въ Дворениново, но тамъ тотчасъ заболѣла и умерла. Только замужняя дочь Анна Ладыженская дожила до удивительного возвращенія отца изъ татарского пленя.

О житіи семьи Ерофея въ дворениновской усадьбѣ за время польской войны осталось мало свѣдѣній. Подъ главенствомъ вдовы Дарьицы семья, повидимому, жила дружно. Вмѣсть со всѣми жила жена старшаго сына Ивана, еще въ годъ смерти отца поступившаго на службу; о послѣднемъ знаемъ только, что онъ долженъ былъ участвовать въ литовскихъ походахъ; кромѣ того онъ, служилъ въ жильцахъ и числился въ жилемѣстѣ спискѣ, почему-то, много лѣтъ послѣ своей смерти. Умеръ онъ рано, раньше 1660 г., потому что къ этому году, при всей медленности дѣлопроизводства, успѣли утвердить за его женой ея вдовье прожиточное имѣніе¹⁾). Смерть Ивана заставила Дарьицу рѣшиться на общую разверстку мужниныхъ помѣстій между своими домашними. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что невѣстку-вдову съ ея дѣвочкой слѣдовало обезпечить прожиткомъ, съ которымъ она, еще молодая женщина, могла бы выйти замужъ; Кирило, второй сынъ, давно ушелъ на службу; Борисъ съ Гаврилой тоже подрастали. Изъ окончательного раздѣла видно, что всѣ члены семьи, имѣвшіе право на окладъ, получили поровну; мать, два сына и внукъ получили по 60 ч. слишкомъ, невѣстка Прасковь съ дѣвочкой на ея вдовью часть дали 61 ч.—41 на мать, 20 на дочь. У вдовы былъ уже высвatanъ женихъ, Иванъ Вальцовъ, поручикъ новаго солдатскаго

¹⁾ Книги молод. лѣтъ по г. Каширѣ, вводная А. Т. Болотова.

строя. Въ старину сватовства велись просто и откровенно; попадались даже члобитны на государево имя, въ которыхъ отъ имени невѣсты свидѣтельствовалось, „что ея женихъ ждѣтъ и готовъ жениться, если государь пожалуетъ, велить спрavitъ за нею ея прожиточное помѣстье“.

Малопомѣстнаго Вальцова Дарьица приняла, кажется, въ свою усадьбу, какъ родного. Ея сыновья вели нѣкоторыя дѣла сообща съ этимъ своимъ, а чтобы лучше его обеспечить отъ имени его маленькой падчерицы, уступили ему и его прожиточная 20 ч. Ерофеевы дѣйствовали солидно и хозяйственно; заботились о родичахъ и домашнихъ, но дѣлали это съ возможными для себя удобствами, любили сохранять жеребья своихъ земель подъ своей опекой.

Года три послѣ этого событія, въ 1663 г. погибъ Борисъ Ерофеевъ¹⁾ близъ Губарей (Губарева?)²⁾ во время стычки воеводы Долгорукова съ поляками; онъ не оставилъ ни жены, ни дѣтей, и его окладъ въ отцовскомъ Дворениновъ перешелъ къ старшему теперь брату Кирилль.

Старуха Дарья первенствовала въ усадьбѣ все время, пока подрастали дѣти и внуки, одного за другимъ снаряжала она въ походы, правила домомъ и хозяйствомъ за всѣ годы войны, когда молодые помѣщики почти не бывали дома. Только около 1667 г. они вернулись съ походовъ и принялись за свои сельскія дѣла, забирая въ свои руки помѣстья погибшихъ родичей, и тогда утомленная домоправительница собралась на покой. Она довольно настрадалась на свое мѣсто, перехоронила много народу, навозилась съ невѣстками и внуками,—настала ей пора подумать объ отдыхѣ, а покой и тишину тогда давалъ только монастырь. Дарьица Болотова постриглась въ томъ же 1667 г. Свои прожиточные 61 ч. она было завѣщала³⁾ (поступила, какъ тогда говорили) внуку Ларionу. Но внукъ не успѣлъ или просто нашелъ неудобнымъ завладѣть чѣмъ либо отдалено отъ дядей, и потому

¹⁾ Столбецъ 160, № 10.

²⁾ Губаревъ на р. Басѣ, село въ 30 вер. отъ Могилева. Петръ Долгорукій разбилъ тамъ польскій отрядъ. Соловьевъ т. XI.

³⁾ Столбецъ по г. Каширѣ 160, д. № 10.

не просил укрѣпить за собой бабкино помѣстье, и оно пошло въ новый общий раздѣлъ.

Трудно сказать, усердно ли служили Болотовы, или отбывали службу по неволѣ, храбры ли они были или нѣть; но списою всѣхъ погибшихъ въ походахъ членовъ семьи довольно внушителенъ и представляетъ маленькую иллюстрацію тяжелой и смутной жизни русскаго общества въ царствованіе „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича. Грамотѣй и дѣлецъ Кирило имѣлъ основаніе писать въ одной изъ своихъ челобитенъ 1667 г.¹⁾, что ихъ, Болотовыхъ, побито, изувѣчено и въ плѣнъ взято въ разныхъ службахъ до 12 чел., а изъ оставшихся онъ, Кирило, раненъ подъ Конотопомъ²⁾.

Въ награду за службы свои и родичей, два брата Ерофеевы съ племянникомъ понемногу собирали въ свои руки всѣ помѣстья, какими были надѣлены потомки Гаврилы Горяина. Сами они, особенно Кирило и Ларіонъ, являются людьми нѣсколько иного типа, не такими, какими были ихъ отецъ и дяди; ихъ уже коснулся постепенный поворотъ русской жизни на новый, еще не вполнѣ опредѣлившійся путь. Записываясь на службу, они поступали не въ помѣстную конницу, а въ полки иноземнаго строя, въ рейтары и драгуны. При Алексѣѣ Михайловичѣ число этихъ войскъ стало быстро увеличиваться; въ нихъ принимали не только безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ, какъ въ первую половину XVII в., но дворянъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ статей.

Сыновья и внуки Ерофея рано попали подъ муштровку иностранныхъ офицеровъ, и съ тою же гибкостью и воспріимчивостью, какою отличались ихъ потомки XVIII в. (мемуаристъ и его отецъ), скоро стали бойчье, живѣе и смышленнѣе своей мелкой браты-деревенщины. Въ своихъ рейтарскихъ полкахъ они выслуживались въ офицерскіе чины и въ жилецкихъ спискахъ³⁾ числились начальными людьми. По свидѣтельству современниковъ, да и по самому смыслу службы, въ жильцы производили самыхъ расторопныхъ и способныхъ

¹⁾ Столбецъ по г. Каширѣ 537, № 24. Отрывокъ растеряннаго дѣла бѣзъ начала и конца.

²⁾ Въ Жилецкомъ спискѣ—подъ Нѣжиномъ.

³⁾ Жилецкие списки 5, 8, 15, 22, 41, 42, 53.

изъ дворянъ городовыхъ списковъ. Жильцамъ давались самыя разнообразныя порученія въ Москвѣ и въ разсыпкахъ по уѣздамъ; они же назначались состоять при посольствахъ; самыхъ опытныхъ по строевой службѣ посыпали офицерами въ новые полки. Жильцы часто имѣли случаи возвышаться въ ряды стряпчихъ, ключниковъ и другіе придворные чины. Болотовы обладали, повидимому, этими необходимыми данными для разнообразной службы; способности къ тому же подкрепились нѣкоторой привычкой къ дисциплинѣ подъ нѣмецкой ферулой.

Кирило былъ сильнѣе всѣхъ родичей въ грамотѣ; судя по нѣкоторымъ документамъ, онъ писалъ привычно рукой, твердо, четко, какъ хороший дьякъ.

Съ 1669 г. имена Кирилы съ Гаврилой появляются въ жилецкихъ спискахъ, а въ своихъ полкахъ рейтаръ-копейщиковъ братья служатъ начальными людьми. Служба ихъ и прежде была на виду; крайне небрежныя замѣтки дьяковъ на поляхъ жилецкихъ книгъ указываютъ, где они отличались и какія награды получали. Послѣ перемирия Гаврила получилъ за Конотопъ, за битву противъ Сапыги (?) по 100 ч. въ помѣстье, по 10 и по 6 р. деньгами; за разныя службы отъ 1664 г. по 1679 г., за торжественное объявление наследникомъ царевича Алексія по 100 ч. и 12 р. деньгами, всего-на-все болѣе 500 ч.

Приблизительно столько же записали и Кириллъ, съ прибавкой за рану подъ Нѣжиномъ. Въ 1675 г., Ларіонъ Осиповъ появляется тоже среди жильцовъ на окладѣ въ 315 ч. Всѣхъ наградъ по припискамъ дьяковъ ему полагалось до 500 четей; въ томъ числѣ за Чигиринскій походъ и по случаю вѣнчанія царя Федора Алексѣевича. Въ 1688 г. всѣхъ троихъ Болотовыхъ отставляютъ отъ службы. Читая приписки о наградахъ, можно подумать, что Болотовы получили чуть не боярскія помѣстья; но эти пожалованья, подобно официальнымъ окладамъ, далеко не соответствовали дѣйствительности: награды оставались на бумагѣ, а наши рейтары только безпрепятственно дѣлили между собой выморочныя помѣстья своихъ родичей.

Внѣ службы Болотовы внимательно занимались своимъ

сельскимъ хозяйствомъ; какъ у Ерофея, въ нихъ сильна была жилка хозяйственности, и уже сказывались представители будущаго землевладельческаго класса.

Крестьянское населеніе, прикрытленное къ Дворенинову экономическими мѣрами Ерофея и Дарьицы, за немногими исключеніями, составило главную основу хозяйства Кирилы, Гаврилы и Лариона. Но, конечно, деревня, раздробившись между нѣсколькими владѣльцами, лишилась прежней стройности и единства; участки земли раздѣлились дробные, населеніе прибавлялось, и крестьянству пришлось потѣсниться; дѣти нѣкоторыхъ крестьянъ Ерофея у его сыновей пересѣли на бобыльские надѣлы.

Переписная книга¹⁾ 1678 г. рисуетъ намъ хозяйства послѣдняго поколѣнія XVII в. Трудно только при этомъ опредѣлить, какимъ именно количествомъ земли владѣли трое Ерофеевыхъ, такъ какъ это количество постоянно измѣнялось въ теченіе двадцати лѣтъ; они безпрерывно пріобрѣтали и передѣляли участки покойныхъ родичей. А вскорѣ появленіе старика Еремья Горинова, неожиданно вернувшагося черезъ 20 лѣтъ изъ татарского плѣна, произвело новый рядъ замѣшательствъ. Авторъ записокъ²⁾ картиною и трогательно рассказываетъ, какъ старый воинъ бѣжалъ изъ тяжкаго плѣна, не смотря на свои подрѣзанныя и набитыя конскимъ волосомъ пятки, и со страшными мученіями добрель пѣшкомъ до своего Трухина; какъ добрые поселяне его деревни узнали своего бывшаго помѣщика въ странникѣ, сидѣвшемъ въ рубищѣ на развалинахъ своей старой усадьбы; какъ страдалецъ горестно рыдалъ, узнавъ, что изъ семьи его никого не осталось, что помѣстемъ владѣютъ дворениновскіе племянники и самая усадьба перенесена на другое мѣсто. Старикъ тотчасъ рѣшился оставить родичей мирно владѣть помѣстемъ, а самъ попросилъ у нихъ дать ему уголокъ въ домѣ, где бы онъ могъ мирно доживать свой вѣкъ.

Возвращеніе измученнаго героя было, конечно, весьма трогательно, но документы свидѣтельствуютъ, что онъ немед-

¹⁾ Переписная книга по г. Каширѣ № 9152, кн. 2.

²⁾ Записки, т. I, письмо 2.

ленно потребовалъ и получилъ обратно свои земли¹⁾, кроме тѣхъ, которыя были выданы его дочери Ладыженской. Подержавъ ихъ лѣтъ съ десять, Еремѣй, не задолго до смерти, началъ дѣло объ уступкѣ Трухина тѣмъ же родичамъ²⁾; но оно перешло въ началѣ XVII в. уже къ новому поколѣнію дворениновскихъ помѣщиковъ, когда всѣ старые родичи сошли со сцены. При такой измѣнчивости владѣній, благодаря помѣстной системѣ, весьма мудрено прослѣдить, сколько за каждымъ Болотовымъ было земли въ рассматриваемое время.

Въ 1678 г. находимъ въ Дворениновѣ три помѣщичьи усадьбы. На усадебномъ дворѣ Кирилы жили рабочіе, дѣловые люди, четыре взрослыхъ молодца, изъ нихъ одинъ семейный; да при усадьбѣ стоялъ дворъ задворнаго человѣка, съ многочисленной семьей; старшій сынъ его числился въ бѣгахъ. Въ деревнѣ Кирило имѣлъ три двора на свою третью часть: многосемейный дворъ крестьянина Кащеева, одного изъ сыновей Марчки Антонова, стариннаго (20 г.) дѣлового человѣка Ерофея, да два двора бобылей, переписанныхъ изъ отцовскихъ крестьянъ. Всего въ трехъ кириловыхъ дворахъ жило четырнадцать человѣкъ.

Въ усадьбѣ Гаврилы Ерофеева не было дворовыхъ дѣловыхъ людей; за то у него въ деревнѣ имѣлось 5 жилыхъ дворовъ съ населеніемъ въ 23 души, изъ нихъ три двора бобыльскихъ и два крестьянскихъ. Шестой дворъ стоялъ пустымъ; изъ него бѣжалъ съ многолюдной семьей старинный крестьянинъ, братъ Кащеева. Вообще, сельскій людь Гаврилы случайнѣе по составу и беспорядочнѣе, чѣмъ у его совладѣльцевъ.

Ларіонъ Осиповъ немного обиженъ дворами передъ дядями; у него всего два двора съ 11-ю душами населенія, но оба старинныхъ крестьянъ, крѣпко заставшихъ въ деревнѣ. На его усадьбѣ жило шестеро дѣловыхъ людей, по большей части семейныхъ. Одинъ изъ нихъ бѣжалъ передъ самою переписью.

Въ Трухинѣ у нашихъ помѣщиковъ не было усадьбы, ее или перенесли въ Дворениново, или оставили за Анной

¹⁾ 225 ч. въ од. п., 75 ч. выданы дочери.

²⁾ Столбцы 174 № 7 и 88.

Еремьевой. Каждый изъ нихъ владѣлъ здѣсь восемью душами мужескаго пола. Ларіонъ всѣхъ зачислилъ въ одинъ старинный дворъ и только съ нимъ и вѣдался въ Трухинѣ. Но дяди, казалось, относились съ болѣшимъ вниманіемъ къ хозяйственнымъ мелочамъ; каждый изъ нихъ посадилъ на свой жеребѣй по задворному человѣку изъ закрѣпленныхъ литовскихъ плѣнниковъ: вѣроятно, это были довѣренные люди, завѣдавшіе работами и собиравшіе доходы.

Старую усадьбу Ерофея наслѣдовалъ Кирило, почему мемуаристъ и считаетъ его основателемъ „всего сего селенія“ (т. II, 329); но этотъ хозяинъ только обсадилъ отцовскій дворъ почти весь кругомъ прекраснымъ садомъ и, вѣроятно, подновилъ постройки. Ларіонъ Осиповъ отстроилъ себѣ новую усадьбу, неподалеку отъ дяди за вершинкою у самаго берега Сениги, ту самую, которую унаслѣдовалъ въ половинѣ XVIII в. авторъ записокъ; послѣдній полагалъ, что нѣкоторыя надворныя строенія, какъ амбаръ и сараи, простояли безъ всякихъ измѣненій болѣе ста лѣтъ до царствованія Екатерины II.

На короткое время у всѣхъ трехъ помѣщиковъ прибавилось было земли въ Трухинѣ; Анна Еремьевна Ладыженская¹⁾, еще ранѣе отца поступилась имъ своими 75 четями (въ од. п.), поступилась даромъ, только съ условіемъ: если возвратится изъ плѣна пропавшій братъ ея Иванъ Еремѣевъ, то все помѣстье вернуть ему; но затѣмъ скоро спохватилась и начала дѣло о возвращеніи своей земли. Вообще это довольно странное и темное семейное дѣло. Совершенно непонятно, почему Ладыженская находила нужнымъ требовать, чтобы дальниe племянники за ея 75 ч. почитали, поили и кормили ее, какъ сироту бездомную, когда у нея пососѣству въ с. Сенинѣ благополучно здравствовалъ ея второй мужъ, весьма состоятельный стольниецъ. А едва только землю сдали родичамъ, она начала жаловаться, что они не поятъ и не кормятъ ее, и „какъ бы ей отъ этого голодною смертью не помереть и межъ дворъ не пойти“. По суду ей не дѣлали допроса на мѣсть жительства, потому, можетъ быть, что родичи замѣтно заминали это дѣло. Но, съ другой стороны, за

¹⁾ Книга старыхъ дѣлъ по г. Каширѣ, 1, № 118.

Анну стояли влиятельные соседи, Хотинцевы, Іевские, духовникъ, русатинскій попъ, и подтверждали рукоприкладствами ея жалобы. Жалобамъ, однако, внали и велѣли возвратить ей помѣстье. Выигравъ дѣло, она тотчасъ поступилась или, вѣрнѣе, продала землю своему деверю Леонтию Ладыженскому и племяннику Ивану Болотову, сыну Гаврилы, взявъ съ того и другого по 50 р., цѣна дорогая для того времени, за землю, строеніе и крестьянъ. Можетъ быть, ради этой сдѣлки и велось это послѣднее курьезное дѣло дореформенной семьи.

Затруднительность въ отыскиваниіи судебъ Анны Еремѣевны по бумагамъ другихъ дворянскихъ родовъ лишаетъ возможности узнать была ли она разведена съ мужемъ; по неопределенному положенію можно предполагать, что была. Въ дореформенной Россіи церковь терпѣла особый видъ развода по взаимному соглашенію супруговъ, форму довольно удобную при тогдашнихъ нравахъ для мужей повелителей, желавшихъ избавиться отъ пожилыхъ надѣвшихъ женъ; въ случаѣ упорного несогласія жены, властный владыка легко находилъ домашнія мѣры принужденія. Болѣе ранніе каширскіе документы даютъ еще одинъ типъ такой женщины, выбившейся изъ обычной колеи женской жизни¹⁾). Въ дѣлѣ о мѣнѣ земель между Болотовыми и Палицыными отражается судьба матери одного изъ Палицыныхъ, жившей нѣсколько ранѣе Ладыженской; одовѣвъ, эта женщина получила 171 ч. на прожитокъ, обеспеченіе хорошее, съ которымъ она вскорѣ и вышла замужъ за князя Волконского. Года черезъ три князь и княгиня подали вмѣстѣ челобитную о разводѣ и были разведены, при чемъ княгиня сохранила свое прожиточное — 171 ч. Разведясь, она, подобно Ладыженской, пребывала въ какомъ-то неопределенномъ положеніи и путалась въ своихъ распоряженіяхъ, то поступалась всѣмъ своимъ помѣстьямъ сыну, требовала его обратно, нѣкоторыя части продавала ему же за крупныя суммы, нѣкоторыя опять уступала даромъ.

Тщательный подборъ многихъ такихъ дѣлъ могъ бы пролить яркій свѣтъ на внутреннюю жизнь помѣщичьихъ семей XVII вѣка.

¹⁾ Дѣло старыхъ лѣтъ по г. Каширѣ, кн. 43, № 23.

Сколько ни забирали Болотовы выморочныхъ помѣстій, имъ всетаки приходилось сильно натягивать свои средства, чтобы приличнымъ образомъ служить въ начальныхъ людяхъ по жилицкому списку. Одинъ особый доходъ значительно помогалъ имъ,—это каширские желѣзные заводы.

Первые заводы, какъ известно, появились въ тульскомъ уѣздѣ по договору съ Андреемъ Виніусомъ. Вскорѣ къ этимъ заводамъ, ради расширенія дѣла, примкнули Марселисъ и Акема (1634 г.), они скоро выхлопотали себѣ особую граммату на право заводить новые заводы и, кромѣ тульского, начали строить ихъ и въ каширскомъ уѣздѣ. Частью само правительство помогало имъ, приписывая къ заводамъ цѣлыхъ дворцовыя волости, частью сами предприниматели снимали для своихъ промысловъ удобныя земли у помѣщиковъ.

Такъ, часть болотовскихъ пустошь на берегу Сениги была взята въ аренду Петромъ Марселисомъ еще при основаніи деревни Ерофея Горянова; но ни годъ, ни условія этой сдачи неизвѣстны. Только одна запись Кирилы съ братомъ (отъ 1684 г.¹⁾) и племянникомъ свидѣтельствуетъ, что уже третье поколѣніе заводчиковъ ведеть дѣла съ Болотовыми: эту арендную запись они дали Христіану Марселису, внуку Петра, на земли берега Сениги, на которомъ давно стоялъ Нижній Каширскій заводъ. Сверхъ тѣхъ земель, какія сдавались дѣду и отцу Марселиса, Болотовы сдали ему еще часть пустоши Гвоздевки подъ дворы и огороды мастеровъ съ выгономъ для скота. За всѣ земли,—а количество ихъ не упомянуто,—подъ заводъ и подъ хозяйства, Марселисъ обязался платить по 30 р. въ годъ, да на 15 р. поставлять желѣза помѣщикамъ. Кроме того, заводчикъ долженъ былъ чинить плотину на Гвоздевкѣ, а на плотинѣ построить мельницу; мельница строилась изъ болотовскаго лѣса, а потому онъ владѣль ею пополамъ съ помѣщиками. Вспомнивъ, какъ страдали въ старину отъ недостатка желѣза, какъ затруднялись самые богатые вотчинники въ постройкахъ и сельскомъ хозяйствѣ недоступностью и затруднительностью подвоза этого

¹⁾ Румянцевскій музей, по описанію рукописей Востокова. С. II. (101). Дѣла пушарскаго приказа.

продукта, легко понять всю выгоду для Болотовыхъ и для всего ихъ сосѣдства отъ близости заводовъ Марселиса.

Такъ оправдало себя мѣстоположеніе, выбранное Василемъ Романовымъ, а особенно Ерофеемъ, построившимся на Скнигѣ. Обиліе рѣкъ, въ то время не маловодныхъ, помогло развитію промысла, а промыселъ много помогалъ хозяйству крестьянъ и помѣщиковъ.

Отдыхъ нашихъ жильцовъ послѣ андрусовскаго перемирия былъ, повидимому, непродолжителенъ; всѣ трое не разъ выходили на службы въ Малороссію. Ларіонъ былъ подъ Чигириномъ и получилъ награду за этотъ походъ. Кирило и Гаврило въ 1682 г. ходили къ Троицкому монастырю на защиту царей, Ивана и Петра, отъ стрѣльцовъ, и подъ самый конецъ своей службы участвовали въ крымскихъ походахъ Голицына; затѣмъ обоихъ дядей и Ларіона отставили отъ полковой службы¹⁾. Первымъ дали довольно почетную награду для небогатыхъ дворянъ: наравнѣ со стольниками, они получили въ вотчинное владѣніе по 20 ч. съ каждыхъ 100 ч. помѣстья. Гаврило получилъ при этомъ сразу, какъ перечисляется одна бумага, за крымскіе походы 43 ч., по случаю заключенія вѣчнаго мира съ Польшей—28 ч., и за Троицкій походъ 36 ч. Всего 107 ч. перешли ему изъ помѣстья въ вотчину; у Кирилы оказалось нѣсколько больше—143 ч. Ларіона обошли вотчиной, да за нимъ и не были записаны троицкій и крымскіе походы.

Первымъ изъ поколѣнія жильцовъ умеръ Ларіонъ въ 1690 г. А. Т. Болотовъ отмѣчаетъ этого прадѣда послѣднимъ предкомъ „въ бородѣ“. Ларіонъ славился отличнымъ ходокомъ по приказнымъ дѣламъ, никогда не давалъ себѣ въ обиду, былъ нрава неуступчиваго и частоссорился съ родными, въ разговорѣ употреблялъ примѣлку: „реку“. Во многихъ чертакъ онъ напоминаетъ своихъ современниковъ по чигиринскимъ походамъ, дѣдовъ другого автора мемуаровъ XVIII в. Данилова²⁾, охотно прославлявшихъ эти походы далеко выше

¹⁾ Въ 1688 г., когда, послѣ неудачнаго похода своего фаворита, правительница Софья усердно ласкала и награждала служилыхъ людей.

²⁾ Записки маюра Данилова.

Полтавской „викторії“; тѣ же странныя рѣчи, полныя ничего незначущихъ примоловокъ, тѣ же суровые, врутые нравы, не выносящие возраженій и препятствій, тѣ же ссоры между родными и сосѣдями, въ силу которыхъ деревенскіе самодуры ухитрялись сидѣть многіе годы въ своихъ усадьбахъ, не видаясь съ братьями и племянниками, жившими рядомъ за огородомъ. Только Ларіонъ Болотовъ, какъ жилецъ и офицеръ, значительно бойчѣе и, вѣроятно, грамотнѣе законоѣмыхъ арзамасцевъ. Между дѣдами и внуками рѣзкой полосой прошла эпоха реформъ, и внуки, судя по словамъ Данилова, плохо понимали этихъ стариковъ, чигиринскихъ героевъ, и даже дивились ихъ страннымъ рѣчамъ.

Кирило Ерофеевъ умеръ въ 1696 г., а Гаврило въ самомъ началѣ XIII в. Такъ, старое поколѣніе XVII в. своевременно уступило мѣсто новому, когда для быстро измѣнившихся условій потребовались новые люди.

ПОКОЛІНІЕ ЭПОХИ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

Въ первой главѣ мы прослѣдили съ грѣхомъ пополамъ жизнь нѣсколькихъ поколѣній семьи изъ служилаго сословія, насколько позволяли ограниченность и сухость материаловъ; по самымъ свойствамъ этихъ материаловъ намъ не удалось дать сколько-нибудь выпуклой, цѣльной картины, но и изъ тѣхъ малыхъ данныхъ, какія есть на-лицо, очевидна известная своеобразная стройность быта общественнаго и семейнаго. Служилый человѣкъ съ дѣтства, съ рожденія ставился въ опредѣленный кругъ жизни и дѣятельности. Существованіе и права женской личности тоже крѣпко связывались съ формами этого служилаго быта. Поколѣніе за поколѣніемъ выходило все на ту же службу, на ту же борьбу за развитіе государства, получало за то обезспеченіе въ видѣ помѣстья, и въ немъ выращивало новое поколѣніе въ томъ же кругѣ преданій и понятій. Только не было въ этомъ порядкѣ того,

что придаетъ живыя краски и захватывающій интересъ историческому прошлому: не процвѣтала личная жизнь, не было жизнерадостныхъ порывовъ личныхъ силъ; а если въ сплошной однообразной массѣ и сказывались индивидуальные порывы, то въ формѣ мрачнаго удальства, разбойничества или, наоборотъ, подвижничества, аскетизма.

О двухъ первыхъ поколѣніяхъ XVIII в. записки Болотова высказываются кратко, но многозначительно: „Какъ около сихъ временъ отечество наше подъ премудрымъ правленіемъ славнѣйшаго въ свѣтѣ государя Петра Великаго начало изъ прежняго невѣжества выходить, и часъ отъ часу просвѣщаться, то и дѣдъ мой воспиталь цѣтей своихъ не по примѣру своихъ предковъ, но гораздо лучше“. Онъ отдалъ обоихъ сыновей въ нѣмецкую рижскую школу, и съ этой поры для мемуариста какъ бы начинаются времена историческія—явленіе очень характерное. Рѣзкое отношеніе къ дореформеннымъ предкамъ вполнѣ соотвѣтствовало общему настроенію русской сколько-нибудь образованной публики Екатерининской эпохи, когда писались мемуары. Подобные восторженные отзывы о реформѣ очень характерны и для той среды, изъ которой они выходили и къ которой принадлежалъ Болотовъ; это была среда московской дружины, послушной и дисциплинированной подъ давленіемъ принудительной государственности. Дружина вѣками вела темную незамѣтную работу надъ созданіемъ своего государства на глухомъ сѣверо-востокѣ и только послѣ тяжкихъ испытаній XVII в. среди нея проявилось сознаніе, какъ можно освѣтить и улучшить свой бытъ, появились и новыя потребности, примирявшія ее съ иностранцами. Въ эту же пору присоединились къ Москвѣ южныя приднѣпровскія земли съ населеніемъ иного исторического воспитанія; къ переписаннымъ закрѣпленнымъ сиротамъ и слугамъ московскаго государства примкнула многотысячная толпа вольницы, среди которой из-стари всякъ былъ себѣ панъ, и обворванный голышъ, и разубранный атаманъ, где не существовало никакихъ элементовъ государственности и процвѣтали только вольные товарищества. Слабая шляхетская республика только поддерживала вольное панование своихъ сосѣдей, но, за то дала ка-

запкому народу кое-какие юридические обычай да известную привычку къ школьному образованію. Новый этнографический элементъ далъ сильный толчекъ быту московскаго общества. Движенiemъ овладѣль молодой вождь, олицетворившій въ себѣ всѣ черты эпического богатыря, и призвалъ къ дѣлу обновленія государства ближайшее орудіе своей власти — ту же служилую дружину; въ общемъ, она охотно откликнулась на призывъ, давно утомившись монотоннымъ существованіемъ; надоѣла постоянная возня съ неугомонными сосѣдями среди необеспеченныхъ границъ, обратившаяся въ мучительное топтанье въ закодданномъ кругу; не сладка была безрадостная жизнь — служба безъ определенной выслуги, съ перспективой безвѣтной кончины на дальней сторожѣ или рабства въ татарскомъ плѣну. И покрехтывая, по слабости человѣческой, отлынивая отъ дѣла, дружина охотно все-таки пошла за смѣлымъ вождемъ добывать права и средства для усовершенствованія своей жизни. За то съ первыми успѣхами вѣра въ вождя и въ силу нововведеній стала быстро расти среди дружины преобразователя, тѣмъ болѣе, что она же первая пожала плоды этихъ успѣховъ; служилые люди еще скорѣе старались позабыть свои прежнія холопскія клички, и изъ Ерошекъ, Иашекъ и Кирюшекъ съ восторгомъ обращались въ ихъ благородія и высокородія, въ благородное россійское шляхетство. Дѣти и внуки ихъ, подъ впечатлѣніемъ этого восторга, съ особыеннымъ удовольствиемъ стали вести историческую эпоху отъ этихъ счастливыхъ временъ.

Что касается обитателей Дворенинова и Болотова, то они принадлежали даже къ числу самыхъ подготовленныхъ къ реформѣ сельскихъ дворянъ; благодаря Каширскимъ заводамъ, они имѣли возможность давно освоиться съ иноземцами; нѣмецкие приказчики и мастера со своими семьями прочно усаживались тутъ же близъ ихъ деревень; изъ частныхъ столкновеній и разговоровъ узнавали порядки и обычай другихъ народовъ, оцѣнивали ихъ и привыкали къ нимъ. Вмѣстѣ со службой въ строевыхъ полкахъ нѣмецкаго образца и выучки, — все это должно было воспитать изъ Болотовыхъ и ихъ родичей особый, еще совсѣмъ блѣдный для исторіи типъ помѣстнаго дворянства конца XVII вѣка, которое энергично защи-

щало правительство юныхъ братьевъ-дарей отъ стрѣльцовъ, старой гвардіи, устарѣвшей върой и обычаями.

Съ наступлениемъ эпохи преобразованій старые воины Болотовы выбывали изъ строя. Всѣ трое, Кирило, Гаврило и Ларіонъ, оставили каждый всего по одному наслѣднику; то были уже безбородые дѣды мемуариста А. Т. Болотова, первые въ родѣ носители нѣмецкаго мундира. Свою служебную карьеру они начали по проторенной отцами московской дорожкѣ; небогатые каширцы давно чувствовали себя въ Москвѣ, какъ дома, и на царскомъ дворѣ имѣли свойяковъ и милостивцевъ, а потому ихъ сыновей еще мальчиками вносили въ жилецкій списокъ. Сынъ грамотѣя Кирилы, Матвѣй, юношѣй произведенъ въ стряпчіе, а на полевой службѣ, въ новыхъ регулярныхъ полкахъ, быстро получилъ чинъ капитана; его родичи, Иванъ Гавриловъ и Петръ Ларіоновъ, остались жильцами, а первый такъ и не выслужился изъ поручиковъ; Иванъ рано захирѣлъ и умеръ въ 1713 г., не оставивъ дѣтей. Обезпечивъ его вдову, его вотчину и помѣстья раздѣлили поровну между Матвѣемъ и Петромъ. Для потомковъ Петра это наслѣдство оказалось весьма важнымъ; какъ старинные владѣльцы нѣсколькихъ десятковъ четей вотчинной земли, они были впослѣдствіи записаны въ старинное столбовое дворянство.

Со смерти Ивана линіи Матвѣя Кирилова и Петра Ларіонова совсѣмъ раздѣляются и ведутъ врозь свою исторію; поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы оставимъ въ сторонѣ линію Кирилы и займемся исключительно потомствомъ Петра, то-есть семьей мемуариста.

Петръ Ларіоновъ, судя по его служебнымъ записямъ, родился около 1680 г. Его отецъ, умирая въ 1690 г., оставилъ своей вдовѣ съ сыномъ и двумя дочерьми помѣстье въ 240 ч. въ полѣ (360 дес.). Года черезъ три вдова Аксинья собралась выдавать замужъ старшую дочь Дарью за какого-то Нестера Иванова; чтобы устроиться хозяйствомъ и выдѣлить ей на приданое, она отъ себя и отъ имени сына просила справить за ними помѣстье мужа; при этомъ въ своихъ членобитныхъ оба умолчали о существованіи младшей дочери Аграфены. Но уловка не удалась; первый раздѣлъ между вдовой и сыномъ отмѣнили, и прислали новую вводную гра-

мату, по которой обиженной Аграфенъ опредѣлили цѣлыхъ 46 ч. изъ общаго достоянія, больше прожиточнаго самой вдовой. Дарья же, невѣста, получила всего 14 ч., которая дали ей мать и братъ въ складчину, и вышла замужъ куда-то вдаль; имя ея болыше не поминается въ семейныхъ дѣлахъ.

Сама вдова Аксинья была еще молодой женщиной, имѣла достатокъ, 50 ч. своего приданаго да 38 ч. отъ мужа вдовъихъ прожиточныхъ. Пристроивъ старшую дочь, она вышла сама замужъ за сосѣда каширца, стряпчаго Игнатія Бакѣева¹⁾. Близъ Дворенинова верстахъ въ 10-ти въ деревушкѣ Калитинѣ и нѣсколько дальше въ Пироговѣ жило много Бакѣвыхъ; большого достатка у нихъ не замѣтно; у каждого изъ шести родичей была своя усадьба и всего по одному крестьянскому двору. У нѣкоторыхъ были еще двора по два, по три въ болѣе южныхъ и хлѣбородныхъ уѣздахъ, какъ въ Чернскомъ и Епиѳанскомъ; оттуда въ малоземельныя деревеньки возили хлѣбъ. Самый важный по чину стряпчій Игнатій Антоновъ жилъ на широкую ногу, держалъ въ своей усадьбѣ цѣлую толпу дворовыхъ, чѣмъ и отличался отъ смирныхъ небогатыхъ сосѣдей. Онъ оказался, впрочемъ, добрымъ, заботливымъ вотчимомъ, уступилъ пасынку 28 ч. изъ прожиточнаго жены, а себѣ оставилъ только 10; Сообща съ товарищами московской дворцовой службы, дядями Болотова, устроилъ его судьбу: Петра записали еще недорослемъ въ жилецкій списокъ 1676 г. и сдѣлали такъ, что его два года не требовали на службу; „для малыхъ лѣтъ посыпать не вѣльно“, гласили приписки дьяковъ противъ имени новаго жильца.

Между тѣмъ, недоросля малолѣтка женили за это льготное время, и довольно выгодно; за женой, Катериной Бабиной, Петръ получилъ 60 ч. съ 3-мя дворами крестьянъ въ Каширскомъ и Епиѳанскомъ уѣздахъ, да впереди предвидѣлось наслѣдство послѣ слабаго женинаго брата; получилъ, вѣроятно, хорошую приданую движимость, „рухлядъ“, по выражению того времени, такъ какъ теща кромѣ помѣстья

¹⁾ Вводная А. Т. Болотова.

имѣлъ свой дворъ въ Москвѣ¹⁾). Едва спрвили свадьбу, Петру нужно было собираться на службу; тогда царь Петръ вернулся, наконецъ, изъ за-границы, и ожидались большие походы.

За свадебными затратами пошли сборы на Московскій смотръ и затѣмъ на долгую отлучку, которая требовала запасовъ и денегъ. Начало службы стоило Петру очень дорого и оставило тяжелые слѣды на его хозяйствѣ. Въ 1698 году онъ заключаетъ своеобразную мѣну съ сосѣдомъ Палицынымъ, отдаетъ 25 ч. своей земли за 2 ч. во Владимірскомъ уѣздѣ и получаетъ съ послѣдняго 200 р. „на расплату долговъ“, какъ свидѣтельствуетъ документъ²⁾.

Въ этомъ же году Петръ впервые является на службу. Въ разрядѣ по челобитной, поданной дьякомъ Замятниномъ,

¹⁾ Ни одной „рядной“, форменной описи приданаго, не сохранилось въ Болотовскихъ документахъ XVIII в. Только въ дѣлахъ Тимирязева, сосѣда и свояка одного изъ Болотовыхъ, сохранилась опись дреформенного приданаго, по условіямъ подходящая къ состоянію Петра Ларіонова. Въ 1696 г. Тимирязевъ благословилъ свою дочь за Писарева „четырьмя иконами въ ризахъ серебряныхъ“. „Ларечной кузби“ — чепъ позолочена, двои серги серебряныя позолочены съ каменемъ и съ жемчуги, да ошивка цепноваля, передѣнка низовая, 10 перстней съ каменемъ и съ жемчуги; да трехъ соболей, верхъ низанный, да рукавья низаны. Приданова платья: шуба атласная червчатая, мѣхъ бѣлый хребтовый, кружева серебряныя „городы“, пуговицы позолочены; шуба камчатая лудановая дымчатая, мѣхъ бѣлый, кружево золотое города, пуговицы серебр. позол.; шуба тафтияна мѣхъ бѣлый, кружево кизылбацкое, пуговицы серебр. позол. Тѣлогрѣя лудановая жеркая, кружево колызыбацкое, пуговицы серебр. поз. Тѣлогрѣя камчатая бѣлая съ кружевомъ золотымъ, пуговицы серебр. позол. Шуба кипдячная червчатая на зайцахъ, тѣлогрѣя кипдячная. Перина съ головьемъ и подушки, на волоки тафтияны, одѣяла выбойчатая на зайцахъ. Сундукъ съ бѣльемъ. Всего платья на 100 р. Если онъ, Иванъ Тимирязевъ не выдастъ, то зятю тѣ деньги съ него взыскать.

Изъ госуд. жалованья съ своей вотчины въ Епифанской у. дер. Попчинки 33 ч. въ полѣ земли со всѣми угодья, и на ту землю переводить крестьянъ два двора (2 души муж. и съ семьями) со всякою скотиною и лошадьми; ставить ихъ избами, даетъ по 6 дес. распашной земли и хлѣба на обзаведеніе. Даетъ дворовыхъ людей Мишку Петрова да одну дѣвку. Если Тимирязевъ въ 1696 г. всего этого не выдастъ и не выполнить, зятю получить съ него неустойки 500 р.

²⁾ Столбецъ 326, № 7.

его записываютъ поручикомъ въ большой полкъ, а на его мѣсто въ неизвѣстный нынѣшній полкъ, гдѣ онъ только числился недорослемъ, переведенъ изъ большого дворянинъ Елютинъ. Тутъ каширцу пришлось сойти съ прародительской дорожки; юношѣ не довелось отращивать бороды; его скоро облачили въ немецкое платье. „Настало регулярство“, какъ выражается мемуаристъ, и настало среди мрачной обстановки; Москва дымилась кровью; розыски, пытки, казни поглощали время и энергию царя; начиная съ терема и собственной семьи, всюду гремѣлъ его неукротимый гневъ, и нигдѣ не было отъ него спасенія; отражался онъ и въ мрачномъ ожесточеніи, съ какимъ начался походъ на бороды и старое московское платье.

Въ теченіе 1699 г. миръ еще не нарушался; но всюду усиленно готовились къ войнѣ и всестороннимъ реформамъ. Гвардія и Большой полкъ (подъ начальствомъ Шеина) все время держались въ готовности; люди возбужденно настраивались; ожидали походовъ тяжелыхъ и рѣшительныхъ. Еще въ февралѣ служилымъ людямъ объявили въ виду этого отсрочки въ ихъ дѣлахъ по судамъ. Только въ концѣ лѣта 1700 г. начался первый шведскій походъ.

Далѣе о службѣ Петра Ларіонова мы имѣемъ почти такъ же мало извѣстій, какъ о его отцѣ и дядяхъ. Только слѣдя за именами полковъ и начальниковъ, можно догадываться, гдѣ какую судьбу имѣли наши каширцы; въ общемъ можемъ сказать, что молодые Болотовы и ихъ родичи Бакѣевы отслужили вѣрой и правдой за все времена великой и шведской войны. Петръ до самаго взятія Риги числился по старымъ разряднымъ книгамъ все въ томъ же огромномъ корпусѣ, который называли Большими полкомъ. Подъ Нарвой онъ раздѣлилъ горькую участь всѣхъ своихъ плохо обученныхъ по новому образцу земляковъ; потомъ съ остатками разбитыхъ войскъ стоялъ подъ командой Шереметева на Шведскихъ границахъ. Въ апрѣль 1702 г., состоя съ другими жильцами въ полку окольничьяго князя Шаховского, былъ переведенъ на время въ Дорогобужъ; Петръ былъ тогда уже капитаномъ, чинъ не малый для его лѣтъ и для мелкаго дворянина того времени.

Вскорѣ послѣ этого похода жильцовъ отпустили изъ ихъ

полковъ на короткій отдыхъ, но всѣхъ ли на побывку домой или отправили прамо въ Москву, сказать мудрено; только въ декабрѣ 1702 г. изъ разраднаго приказа имъ велѣли по царскому указу съѣзжаться въ Москву на смотръ къ 15 янв. 1703 г. Петръ Ларіоновъ прїѣхалъ къ сроку, записался прибывшимъ „съ Каширы“ и помѣстился у своего тестя Бабина въ домѣ за Пречистенскимъ городомъ у Нового Воскресенья¹⁾.

Въ февраль жильцы ходили отрядами въ разныя числа на смотры въ столовую палату. Со смотровъ ихъ дѣлили на группы и снова разсылали по полкамъ. Капитанъ Петръ оказался въ первой группѣ, въ числѣ 891 ч. начальныхъ людей и кадетъ, отправленныхъ въ Большой полкъ; съ тѣхъ поръ до прекращенія жилецкихъ списковъ (1710 г.) онъ неизмѣнно отмѣчался капитаномъ того же полка. Точность этихъ записей весьма сомнительна; старый разрядъ доживалъ тогда свои послѣдніе годы, и старое дѣлѣніе полковъ позабывалось; съ регулярствомъ явилась новая военная администрація и новая группировка военныхъ силъ. Капитаны и майоры, переселившись на Балтійское прибрежье, забывали свои московскіе чины жильцовъ и стряпчихъ и совершенно свыкались съ нѣмецкими рангами и титулами. Старый обиходъ понемногу таялъ въ новомъ, и жилецъ-Болотовъ давно могъ состоять капитаномъ въ Ингерманландскомъ или Невскомъ полку, этихъ воспитанныхъ шведскими побоищами полкахъ, которые боролись рука объ руку съ преображенцами и семеновцами, а дѣяки по старой памяти все писали по своему.

Внукъ литераторъ не знаетъ всѣхъ службъ своего дѣда, но помнить, что онъ долго жилъ въ Ригѣ, тамъ умеръ и погребенъ (въ 1719 г.). По всей вѣроятности, Петръ закончилъ свою походную службу подъ командой того же Шереметева, и взятие Риги было его послѣднимъ боевымъ подвигомъ; отсюда полки знаменитаго воеводы пошли въ Молдавію въ несчастный Прутскій походъ, но Петръ въ немъ не участвовалъ. При Петрѣ I-мъ раненыхъ, ослабѣвшихъ, а также въ награду за боевые заслуги переводили изъ полковой службы на болѣе спокойную гарнизонную; между прочими, и Болотовъ

¹⁾ Жилецкие списки, кн. 68.

оказался на покой майоромъ гарнизоннаго полка въ важномъ портовомъ городѣ; здесь онъ провелъ послѣдніе годы жизни. Его жены, Катерины Григорьевны, тогда давно уже не было въ живыхъ; она всего лѣтъ пять прожила замужемъ и умерла одна въ помѣстьѣ, въ самую горячую пору мужнинъ походовъ, оставивъ на произволъ судьбы двухъ мальчиковъ, младшаго грудного. Сиротъ взяла на воспитаніе ея замужняя сестра, вскориила и сберегла ихъ, пока отецъ, прочно устроившись на новомъ мѣстѣ, не перевезъ ихъ къ себѣ въ Ригу.

Здѣсь у Болотова скоро завелись земляки, а послѣ 1716 г. полковникомъ гарнизона сдѣлался владѣлецъ сосѣдняго съ Дворениновымъ сельца Калитина, Степанъ Гавrilovichъ Бакѣевъ. Такой же мелкій дворянинъ, какъ и Петръ Ларіоновъ, онъ сталъ современемъ истымъ героемъ петровской службы. Офицеръ Ингерманландскаго полка, одного изъ первыхъ вполнѣ регулярныхъ и воспитанныхъ военной реформой, онъ участвовалъ во всѣхъ знаменитыхъ битвахъ своего времени, наряду съ гвардейцами. Съ лучшими людьми арміи и гвардіи Бакѣевъ не разъ служилъ на морѣ, вникая въ таинства совершенно новой для москвичей морской службы. Въ 1716 г. онъ особенно отличился въ морской битвѣ при Гангутѣ, этой Полтавѣ на морѣ, когда нашъ флотъ одержалъ впервые настоящую победу надъ Шведами. Самъ царь, выставившій тогда ночи на караулѣ, руководилъ приготовленіями и самой битвой. Нашъ галерный флотъ въ тихую погоду обошелъ шведскую эскадру среди бѣлаго дня, держась въ выстрѣловъ, окружилъ отдѣлившіяся суда шаутбенахта Эрншильда, и взялъ его въ пленъ послѣ отчаяннаго сопротивленія; эскадра же съ первымъ вѣтромъ отплыла къ Швеціи. Шведы громили осаждающихъ своей прекрасной артиллерией, но наши рвались на абордажъ. Въ послѣднія минуты боя Эрншильдъ бросился въ шлюпку, пытаясь скрыться за туманомъ, но его захватилъ капитанъ Бакѣевъ со своей ротой гренадеръ Ингерманландскаго полка. — „За сіе пожалована была ему отъ государя Петра Великаго золотая медаль съ цѣпью и записано имя его въ журналѣ сего монарха“, съ гордостью отмѣчаетъ мемуаристъ. Петръ былъ въ восторгѣ отъ своей победы; опи-

сание ея въ журналѣ онъ заканчиваетъ словами: „Воистину нельзя описать мужества нашихъ, какъ начальныхъ, такъ и рядовыхъ; понеже абордированіе такъ жестоко чинено, что отъ непріятельскихъ пушекъ нѣсколько солдатъ не ядрами и картечами, но духомъ пороховымъ разорваны“. — Вскорѣ затѣмъ Бакѣевъ оказался полковникомъ рижскаго гарнизона, какъ бы на отдыхѣ; тамъ онъ сошелся и породнился съ Болотовымъ, выдавъ свою единственную дочь за его сына.

Такова въ краткихъ чертахъ судьба двухъ представителей самыхъ крутыхъ лѣтъ петровской эпохи. Вглядываясь въ нее, сопоставляя съ судьбой другихъ современниковъ, нельзя не замѣтить, что, въ общемъ, жизнь и служба людей первого поколѣнія XVIII в. были свѣтлѣ и легче незаманчивой доли ихъ отцовъ и дѣдовъ; о новомъ поколѣніи гораздо больше заботились, и положеніе служилаго класса улучшалось и съ служебной, и съ хозяйственной стороны. Правда, и при Петре, по свидѣтельствамъ современниковъ, у Меншикова, Шереметева и другихъ воеводъ терялась чуть ли не половина армій на пути въ Польшу и прибалтійскій край; было много побѣговъ отъ недостатка провіанта, отъ неакуратнаго платежа жалованья; но результатомъ триадцати-лѣтней польской войны оказалась деморализація русскихъ войскъ всѣхъ родовъ оружія и полное пораженіе помѣстнаго ополченія; наоборотъ, болѣе продолжительная Сѣверная война воспитала новую русскую армію и дала ей боевой закалъ. Все царствованіе Петра I полно заботъ объ усовершенствованіи военныхъ силъ и обезпеченіи военнаго люда; среди нихъ было положено начало особому военному сословію, таѣль какъ военное дѣло того времени требовало большой подготовки; основой этой специальной группы населенія сдѣлали рекрутъ, сдаточныхъ солдатъ, собираемыхъ на постоянную службу съ податныхъ дворовъ; поэтому вся тяжесть военной службы ложилась теперь на нисшее сословіе; скоро солдатчина обратилась въ одинъ изъ видовъ наказанія. Реформа въ военномъ дѣлѣ много спосѣствовала тому, что судьбы высшаго и нисшаго класса быстро раздѣлились.

Но пора вернуться къ Болотовымъ. Цѣлая каширская семья переселилась въ Ригу; сдѣлалось это легко и просто.

Петръ Ларіоновъ оказался покорнымъ слугой своего времени, быстро подчинялся его запросамъ и съ готовностью сжался съ нѣмцами. Учась смолоду у нѣмеckихъ офицеровъ, много лѣтъ прослуживъ съ ними, онъ вполнѣ подготовился къ новой обстановкѣ. Блестящіе успѣхи регулярства послѣднихъ лѣтъ войны подвѣйствовали на него неотразимо убѣдительно: въ Ригѣ онъ отдалъ обоихъ сыновей учиться въ нѣмеckую школу, и такъ держалъ ихъ, что оба, особенно старшій, очень любили общество иностранцевъ, сдѣлались даже поклонниками нѣмеckаго генія. Старшаго, Тимофея, судьба на всю жизнь связала съ нѣмцами и прибалтійскимъ краемъ. Школьные воспоминанія и рижская обстановка должны были положить свою печать на личности этихъ пітомцевъ эпохи преобразованій. Что же представляла въ ту пору Рига?

Послѣ 1710 г. городъ и весь край представляли крайне печальнную картину. Съ начала Сѣверной войны всякая производительная дѣятельность въ Лифляндіи и Эстляндіи прекратилась надолго; страна съ каждымъ годомъ бѣднѣла и пустѣла отъ голода, эпидемій и военныхъ погромовъ. Уже въ 1705 г. она не могла выплачивать шведскому правительству и 12 доли того что платила въ XVII в. Русскія войска медленно и неумолимо надвигались на нее, разрушая съ сѣвера и востока старые ливонскіе города. Населеніе озлоблялось и дичало въ мучительномъ ожиданіи исхода борьбы; а исходомъ явилась осада полками Шереметева, во время которой развилась чума въ осажденномъ городѣ и помогала нашей артиллериѣ истреблять рижанъ. При сдачѣ, если не считать прислуги, въ городѣ оказалось всего 800—900 чел. жителей. Тяжка была жизнь этой кучки рижанъ и непривлекательны, конечно, первыя картины хозяйственія нашихъ утомленныхъ и раздраженныхъ долгой войной войскъ. Затѣмъ въ теченіи первыхъ 10 л. русскаго владычества почти каждый годъ приносилъ Ригѣ какія нибудь бѣдствія; въ 1712 г. появилась чума, въ 1713 страшныя бури, въ 1714 г. падежъ скота, въ 1716 г. необыкновенные холода и т. д. Во время войны, многолѣтнихъ тревогъ, одичанія и притупленія первыхъ поколѣній XVII в., образованіе сильно упало въ Лифляндіи.

Гимназія, основанная въ 1631 г. и кое какъ замѣнявшая университетъ въ 1710 г., закрылась навсегда; лицей, въ которомъ получали образование исключительно сыновья дворянъ и офицеровъ, бездѣствовалъ до 1733 г., когда его снова открыли. Не закрывалась одна только соборная школа (Dom-schule) и работала потихоньку, сократившись до двухъ классовъ, вслѣдствіе малаго числа учениковъ. Полагаемъ, что именно въ этой простой школѣ грамотности учились Тимофей и Матвій Болотовы; они научились въ ея классахъ нѣмецкой грамотѣ и арифметикѣ; русской ихъ обучали домашними средствами. Съ этими элементарными знаніями они поступили на службу, и уже числясь въ нижнихъ чинахъ своихъ полковъ, принялись за высшія математическія науки, необходимыя для успѣшной карьеры въ офицерскомъ званії. Твердо усвоивъ арифметику, предметъ основной въ лифляндскихъ школахъ, обыкновенно подготавливавшихъ коммерческихъ людей, они охотно и хорошо изучили геометрію и фортификацію, старшій Богъ знаетъ у кого, а младшаго, унтеръ-офицера Ингерманландскаго полка, судьба столкнула гдѣ-то съ однимъ изъ Петровскихъ любимцевъ, Ганнибаломъ, и онъ подъ его руководствомъ прошелъ эти науки. Матвій Петровичъ свято до самой смерти хранилъ тщательно переписанныя тетрадки съ ганниболовскими задачами; по нимъ учился въ 50 гг. его племянникъ-мемуаристъ, когда готовился къ офицерскому чину.

Оба брата состояли на службѣ, старшій былъ офицеромъ¹⁾ и едва ли уже не женатымъ, когда умеръ отецъ въ 1719 г. Долго пустовавшее Дворениново, заброшенное за служебнымъ недосугомъ, перешло къ новымъ владѣльцамъ при очень неудобныхъ условіяхъ; указъ о майоратѣ, такъ называемые нункты, не позволяли братьямъ дѣлиться поровну. Чтобы избѣжать непріятныхъ послѣдствій обдѣленія младшаго, они долго не справляли за собой наслѣдства; долго семи иихъ жили въ одной усадьбѣ²⁾. пока указъ Анны Ioannovны, от-

¹⁾ Въ 1714 г. Тимофей писался драгуномъ первого драгунскаго полка.

²⁾ Впрочемъ въ 1730 г. Тимофей Петровичъ рѣшился было взять помѣстье на свое имя, по первородству.

мънявшій майоратъ, не разрѣшилъ имъ раздѣлиться по ста-
ринному обычю.

Слѣдя за службой нашихъ героевъ, мы перешли было въ
больѣе культурную эпоху, перенеслись на давно желанное для
Россіи балтійское прибрежье, гдѣ западныя начала стали по-
немногу приспособляться къ русскимъ, и зарождалось пре-
словутое европеизированіе. Возвращаясь къ экономическому
положенію семьи, къ дворянскому хозяйству, мы окунемся
опять въ старый XVII в.; предъ нами возникнетъ та обста-
новка сельской Россіи, которая крѣпко на крѣпко связывала
всѣхъ фортификаторовъ и навигаторовъ, учениковъ нѣмец-
кихъ и прочихъ школъ съ родной Каширской, Калужской и
Тульской почвой. Ландратская переписная книга 1710 г.¹⁾),
рассказываетъ дальнѣйшую судьбу Дворенинова и Трухина.
Въ ея извѣстіяхъ прежде всего поражаетъ та тѣснота, ко-
торая возникла на мѣстахъ прежнаго простора Каширской
украины. Деревушки и сельца наполнились помѣщичими
усадьбами; мелкія дворянскія семьи множились и вѣтились,
не переселяясь въ болѣе просторные уѣзды, что должно было
производить не малое давленіе на крестьянскія хозяйства,
на личную жизнь и свободу дѣйствій сельскаго люда. Въ ма-
ленькомъ Дворениновѣ оказалось уже 4 усадьбы, 3 болотов-
скія и одна Архарова, зятя Петра Ларіонова; а Матвѣй Ки-
риловичъ выстроилъ себѣ еще усадьбу въ двухъ шагахъ въ
Трухинѣ Болотовѣ. Правда въ помѣщичихъ домахъ въ то
время жили только помѣщицы съ дѣтьми,увѣчные старички
и старушки, многіе стояли пустыми, какъ дворъ рано овдо-
вѣвшаго Петра Ларіонова. У него жили въ этой усадьбѣ
8 душъ дворовыхъ; на деревнѣ стояли всего 2 двора отцов-
скихъ крестьянъ, очень многолюдные; всего 20 душъ м. п.;
въ Трухинѣ у него было три двора съ 14 душами м. п.,
изъ нихъ одинъ новый, не отцовскихъ крестьянъ. На всѣ
эти дворы въ 1710 г. приходилось всей земли съ усадебной
и барской запашкой 180 ч. въ полѣ; если раздѣлимъ это
число на все количество ревизскихъ душъ Петра Болотова,
вмѣстѣ съ дворовыми 42 д., то придется на душу по 4 ч.,

¹⁾ Книга Ландратская Каширского уѣзду № частный 1910.

или по 6 дес. да еще земли плохой, требовавшей по свидѣтельству мемуариста, постоянного удобренія. Если же барская занашка занимала большую часть помѣстной земли¹⁾, то крестьянскіе надѣлы оказывались весьма малыми; такое помѣстство трудно признать доходнымъ для своего времени.

Только два наслѣдства и женино приданое, которымъ онъ владѣлъ фактически, хотя его спровоцировали въ 1714 г. за обоими его сыновьями, какъ наслѣдство Бабиныхъ, помогло майору Болотову прилично содержаться на службѣ. Въ 1713 г. дядя, Иванъ Гавриловъ, оставилъ ему 75 ч. вотчинной и помѣстной земли съ населеніемъ; послѣ бездѣтной сестры Аграфены Архаровой онъ получилъ обратно ея приданыя 46 ч. изъ отцовскаго помѣстя. Въ общемъ онъ оставилъ сыновьямъ болѣе 360 ч. въ п. и 10 — 12 крестьянскихъ дворовъ, что съ дворовыми должно было составлять болѣе 70 душъ. — Поэтому внукъ мемуаристъ, приписывая своему дѣду имѣніе менѣе чѣмъ въ 50 душъ, ошибается сравнительно съ документами; за то нельзя не согласиться съ нимъ, что всѣ эти разбросанныя деревеньки, мелкие клочки въ 4-хъ мѣстахъ, перепутанные черезъолосицей съ землями другихъ помѣщиковъ, страдали недостаткомъ земель и, за исключеніемъ приданаго Ешифансаго клочка, плохими ея качествами. Слѣдующее поколѣніе принуждено было относиться гораздо внимательнѣе къ своимъ деревнямъ; оно начало выселять разроставшіеся дворы на степной просторъ и лучшія нетронутыя земли въ Тамбовской и Воронежской краї.

Судя по возрасту Тимофея Петровича, онъ женился еще при жизни отца. У Степана Бакѣева была единственная дочь Мавра уже на возрастѣ; возить дѣвочку съ собой и держать ее по гарнизонамъ не приходилось; она росла дома въ Калитинѣ подъ опекой дѣда. Небогатый помѣстями, полковникъ былъ знатенъ чиномъ и выслугой и могъ много помочь роднѣ на службѣ, имѣль, можетъ быть, и капиталецъ, прикопленный на службѣ; во всякомъ случаѣ его единственная наслѣдница была завидной невѣстой для Болотова. За сто-

¹⁾ Записки свидѣтельствуютъ, что продажа зерноваго хлѣба въ Москвѣ составляла главный доходъ помѣщика.

личнымъ и болѣе знатнымъ родствомъ наши герои не гнались, а считали для себя болѣе прочнымъ и хозяйственнымъ скромное сватовство въ своеемъ уѣздѣ; по сосѣдству всѣ знали другъ друга, и могли до мелочей взвѣшивать семейное и имущество положеніе жениха и невѣсты. Имѣница Мавры Степановны были близъ самаго Дворенинова и прекрасно окружляли владѣнія жениха; одно маленькое заброшено было далеко, въ Чернскомъ уѣздѣ, за то больше другихъ обеспечивало помѣщика хлѣбомъ. Съ своей стороны Тимофей Петровичъ былъ юноша дѣловитый, съ нѣмецкой выдержанкой; еще въ малыхъ чинахъ онъ исполнялъ особыя порученія Петра I; полковникъ не искалъ другого зятя, и отцы могли ударить по рукамъ. О любви здѣсь конечно не было и рѣчи; молодые люди врадѣ ли и видались когда нибудь, развѣ въ дѣтствѣ. Порѣшивъ дѣло, молодой Болотовъ покатилъ домой въ Каширѣ, и въ Калитинѣ дѣдъ Бакѣевъ обѣничалъ внука. — Мавра Степановна оказалась нравомъ не изъ кроткихъ и умомъ не изъ дальнихъ, и не мало докуки доставляла мужу; — но въ старину изъ этого несчастій не дѣлали.

Въ 1720 г. выступаютъ представители второго поколѣнія XVIII в., молодежи, родившейся въ эпоху преобразованій и воспитанной на новый манеръ. Это воспитаніе очень немногого давало само по себѣ. Мы знаемъ, чему могли научиться Болотовъ съ братомъ въ рижской Domschule того времени, при общемъ упадкѣ образованія въ краѣ. Нужно было внести много собственнаго содержанія, таить въ себѣ глубокую потребность въ знаніи, чтобы съ такой подготовкой развиться въ дѣятельнаго, всѣмъ интересующагося полковника Елизаветинскихъ временъ, какимъ сдѣлался отецъ мемуариста. Нѣмецкой школѣ, въ сущности, не чѣмъ было похвастаться; для дѣльного юноши петровскихъ временъ она могла только имѣть значеніе первого толчка. Но время уже было такое живое, впечатлѣніе общественного поворота такъ сильно, что въ самомъ ученикѣ, какъ это часто бываетъ, воспоминанія о школѣ совсѣмъ спутались съ тѣмъ, чтѣ онъ самъ внесъ въ свое образованіе; ведь отъ нея итоги своей умственной жизни, онъ невольно идеализировалъ ее, и заразилъ этой идеализа-

цієї свого сина. Подобно многимъ современникамъ, обладавшимъ отзывчивостью и гибкимъ нравомъ, Болотовъ охотно перенималь у нѣмцевъ все, что находиль у нихъ полезнаго и интереснаго, скоро догналъ ихъ по умственному развитию, и съумѣлъ сдѣлаться уважаемымъ членомъ и родного, и нѣмецкаго общества.

Офицеромъ Тимофей Петровичъ перешелъ изъ драгунскаго полка въ grenадерскій полкъ де-Ласси, скоро переименованный въ шхотный Бѣлозерскій, стоявшій тоже въ Ригѣ и прибалтийскомъ краѣ; офицерь петровскаго кондуита, т.-е. на все способный и всегда исполнительный, онъ получалъ исключительныя порученія: въ 1722 г. собственноручнымъ приказомъ Петра I-го ему поручили отвезти нѣмецкихъ жнецовъ изъ г. Риги въ степныя мѣста, где ихъ работа должна была служить образцомъ для русскихъ. Ему не удалось получить боевой закалъ отца и тестя. Тогда послѣ Ништадскаго мира настало затишье въ военной дѣятельности, длившееся и при двухъ первыхъ преемникахъ Петра Великаго; армія съ трудомъ поддерживала боевую подготовку, насколько могла, при частыхъ отлучкахъ на разныя техническія, совсѣмъ не военные работы. Тимофей учился по традиціямъ и времененнымъ упражненіямъ, но съумѣлъ до тонкости постичь фронтовую науку. За обходительный характеръ, умѣніе ладить со всѣми онъ былъ любимъ въ полку, а за исполнительность и аккуратность—начальствомъ, особенно нѣмецкимъ. Симпатіи къ нѣмцамъ и нѣмецкому обществу навсегда и глубоко залегли въ немъ; онъ завелъ себѣ прочныя дружественные связи и знакомства въ остзейскомъ краѣ. По этимъ симпатіямъ онъ оказался вполнѣ подготовленнымъ къ положенію дѣлъ, созданному воцареніемъ Анны Ioannovны. Новое царствованіе очень благотворно отразилось на его карьерѣ, отчасти именно тѣмъ, что вліяніе многочисленныхъ нѣмцевъ подвергало тогда порядочнымъ испытаніямъ гибкость русскаго человѣка.

Какъ известно, въ противовѣсъ старой петровской гвардіи, рѣшили учредить новый гвардейскій полкъ, Измайлівскій; Левенвольде, которому было поручено это дѣло, набиралъ офицеровъ преимущественно изъ остзейскихъ нѣмцевъ и изъ особо-рекомендованныхъ лучшихъ людей армейскихъ полковъ.

Бѣлозерскій поручикъ Болотовъ, аттестованный нѣмецкими пріятелями, попалъ въ число избранниковъ¹⁾, и здѣсь-то вполнѣ оцѣнили его аккуратность и выдержанку. Сперва маюромъ одного изъ баталіоновъ, а затѣмъ командиромъ полка сдѣлался Густавъ Биронъ, младшій братъ фаворита; типичный нѣмець-фронтовикъ, тупой, безъ вся资料 образованія, но благодушный, онъ самъ былъ олицетвореніемъ мелочныхъ распорядковъ, какіе вводились въ полку: аккуратное хозяйство въ узко полковыхъ интересахъ, фронтовой формализмъ, ученье по темпамъ, какъ по камертону, вѣнчаній видъ подтянутости строго по формѣ. Во все это погрузился Болотовъ, и очень удачно. Командиръ отличалъ его отъ прочихъ русскихъ и оставилъ въ подчиненномъ самыя пріятныя воспоминанія. Правда, Густавъ по характеру вовсе не походилъ на старшихъ братьевъ: по формѣ строгій, онъ при всей своей ограниченности былъ все-таки отецъ-покровитель своего полка; тѣмъ не менѣе, отзывъ о немъ въ запискахъ звучитъ довольно странно; мрачныхъ преданій о бироновщинѣ не существовало для семьи Болотовыхъ, и сынъ Тимофея съ умиленіемъ восклицаетъ: „Одинъ изъ славныхъ нашихъ Бироновъ любилъ его особливымъ образомъ, и онъ былъ у него въ милости“... Какъ же наивно, просто и легко умѣли чисто русскіе люди сживаться со всякими порядками.

Тогда въ русскомъ военномъ дѣлѣ Минихъ властноваля почти единолично, безъ противовѣса; будучи въ своей сферѣ головой выше своихъ современниковъ, онъ заготовилъ много нововведеній, но брался слишкомъ за много дѣлъ сразу, а потому многаго не успѣлъ провести; его система строевого обученія при Елизаветѣ была тотчасъ замѣнена старой петровской. Нѣмецкихъ выходцевъ въ его время принимали на службу массами и безъ разбора, а съ ними вмѣстѣ быстро входили

¹⁾ Болотовъ поселился въ Петербургѣ на жалованье въ 180 р. въ годъ, но былъ въ гвардіи не изъ самыхъ бѣдныхъ. Въ спискахъ чиновъ Измайловского полка отъ 1733 г. съ указаніемъ на ихъ имущественное положеніе за поручикомъ Болотовымъ записано 60 душъ, а вокругъ него находимъ пеструю компанію товарищѣй, съ одной стороны богачей, владѣвшихъ тысячами душъ, а съ другой мелкихъ помѣщиковъ съ 40, 20 душами; за однимъ офицеромъ ничего не записано.

въ обычай палки, батоги и широкое примѣненіе шпиль-рутена. По мнѣнію нѣкоторыхъ военныхъ историковъ, злоупотребленіе палочной расправой не имѣло ничего общаго съ военнымъ уставомъ Петра Великаго; оно введено нѣмецкимъ авторитетомъ, проводившимъ то механическое начало нѣмецкаго строя, излишествъ котораго старался избѣжать, преобразователь въ своеемъ регламентѣ. Вполнѣ ли справедливо это, мнѣніе, не беремся провѣрять; но оно вполнѣ согласно съ отзывами французскихъ военныхъ прошлаго вѣка, которые называли вымученную тѣлесными наказаніями дисциплину „la discipline à la prussiennne“.

Успѣхамъ палочной дисциплины много помогали перемѣнны, происходившія въ составѣ арміи; онѣ клонились къ выгодѣ дворянства, понемногу перестававшаго быть главнымъ военно-служилымъ элементомъ; масса нижнихъ чиновъ набиралась изъ податныхъ и крѣпостныхъ сословій, съ которыми не церемонились въ обращеніи.

Но боевой дух и выносливость, воспитанные петровскими войнами, еще крѣпко держались. Даже на показъ вымуштрованный Измайловскій полкъ, помня старыя преданія, стойко выдержалъ мучительные крымскіе походы Миниха; его отправили на войну по личной просьбѣ самого командира Бирона. Измайловцы сильно пострадали подъ Очаковыми; разбитый семейнымъ несчастьемъ, Густавъ нарочно искалъ смерти. Самый талантливый офицеръ полка Кейтъ былъ тяжело раненъ. За то Очаковскія ворота, въ которыхъ вошли гвардейцы, названы Измайловскими.

Походы тяжело отзывались на служащихъ и на настроении ихъ семей. Жены ъздили провожать мужей въ украинскіе города. Мавра Степановна въ 1738 г. караулила въ Нѣжинъ возвращеніе войскъ, чтобы повидаться съ мужемъ. Оттуда уже осенью она отправилась въ Дворениново, и тамъ 7 окт. родила сына Андрея, литератора и мемуариста. Рожденіе наследника привело родителей въ восторгъ; оба они были уже не молоды, не надѣялись имѣть еще дѣтей, а въ живыхъ у нихъ остались къ тому времени только двѣ дочери; мальчики умирали. Справивъ крестины, Болотовъ спѣшилъ къ полку, который готовился къ третьему походу. Къ великой радости

семьи, онъ вышелъ цѣлъ изъ Ставычанской битвы, принудившій къ сдачѣ Хотинъ.

Едва отпраздновали заключеніе мира, Болотовъ отправился въ новый своеобразный походъ, болѣе пріятнаго свойства: его командировали въ сѣверо-восточная губерніи объявлять по городамъ объ этомъ радостномъ событии. Путешествіе было тяжелое по торопливости, съ которой совершалось; педантъ Биронъ, забывая о русскихъ дорогахъ и губернскихъ порядкахъ, обыкновенно не давалъ своимъ офицерамъ ни отдыха, ни срока, бомбардировалъ ихъ ордерами, понуждая скорѣе оканчивать „что надлежитъ“ и вѣхатъ къ полку. У него душа была не на мѣстѣ, если его офицеръ не стоялъ при своей ротѣ. Такія посылки бывали весьма выгодны вѣстникамъ радости: города подносили имъ цѣнныя подарки и деньги. Тимофей Петровичъ былъ вполнѣ доволенъ результатами своей поѣздки.

За кримскіе походы его произвели въ капитаны гвардіи, чинъ, равный полковнику арміи. Теперь ему, незнатному человѣку, нечего было больше дѣлать въ гвардіи, гдѣ жизнь была дорога, а служба неприбыльна. Пріобрѣтенные въ Петербургѣ знакомцы и покровители, сильные люди, какъ Шепелевъ, де-Ласси, выхлопотали ему болѣе выгодную службу: въ 1740 г. Болотовъ былъ сдѣланъ командиромъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка. Положеніе всей семьи сразу весьма выгодно измѣнилось; полковникъ получалъ 600 руб. жалованья и имѣлъ кромѣ того доходы съ полковаго хозяйства, такъ что его почтительный сынъ съ большими оговорками допускается, однако, что отецъ „почти“ только жиль однимъ жалованьемъ; на стоянкахъ его ожидали почетъ и комфортъ; онъ могъ возить съ собой жену и дѣтей, и разставался съ ними только въ Петербургѣ или въ лагерное время.

Архангелогородскій полкъ квартировалъ все въ томъ же прибалтійскомъ kraю, съ которымъ таѣ свыкались наши герои; вслѣдствіе этого, среди солдатъ и особенно офицеровъ оказывалось очень много нѣмцевъ; впрочемъ, встрѣчались среди нихъ и заправскіе россияне, не говорившіе ни слова по-нѣмецки. Въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, когда, въ силу реакціи, такъ легко вспыхивало ожесточеніе противъ

нѣмцевъ, такое разнообразіе въ составѣ полка сильно усложнило командинаніе. Самая сильная вспышка произошла въ Финляндіи именно въ то время, когда Архангелогородскій полкъ былъ выдвинутъ въ числѣ прочихъ противъ Швеціи, подъ общимъ командинаніемъ болотовскаго однополчанина Кейта.

Время и нравы были еще весьма грубы, въ обществѣ не сложилось еще никакихъ прочныхъ отношеній, а потому если мы и откинемъ кое-что изъ хвалебныхъ отзывовъ сына объ отцѣ, зная заранѣе, что сынъ не любить распространяться о темныхъ сторонахъ бытія человѣческаго, но и не сочинять своихъ отзывовъ, нельзя не признать почтенныхъ достоинствъ командинира и человѣка, какимъ рисуется въ запискахъ Тимофей Петровичъ. Въ званіи полковника онъ прослужилъ всѣ послѣднія 10 л. своей жизни (ум. 1450 г.); онъ отлучался отъ полка только разъ,—на все время второй ревизіи, когда завѣдывалъ переписью населенія Псковской губ. и разъѣзжалъ по ея уѣздамъ. Достигнувъ самостоятельнаго положенія, Болотовъ является вполнѣ самимъ собой, сложившемся цѣльной личностью. Не обладая никакими особыми талантами, это лучшій типъ изъ среднихъ людей, добросовѣстный самоучка петровскаго образца, достигшій возможнаго въ его положеніи умственного развитія; онъ отзывчивъ на все, что исходить изъ просвѣщенной среды, гибко поддается требованиямъ времени. Такіе люди бываютъ прекрасными передатчиками между сталкивающимися культурными вѣяніями. Отлично прилагавшись къ нѣмцамъ, полковникъ онѣмчился ровно на столько, сколько это считали полезнымъ по традиціямъ вѣка реформъ. За 10 лѣтъ службы въ гвардіи онъ далъ нѣмцамъ въ волю мудрить надъ собой; цѣнилъ таланты и трудолюбіе Миниха, де-Ласси, въ ближайшемъ командинирѣ Густавѣ Биронѣ цѣнилъ вниманіе, преданность службѣ; охотно простила имъ педантизмъ и мучительную придирчивость. Но избавившись отъ ихъ гнета, онъ обратился къ образцамъ юности и сталъ служакой дѣльнымъ безъ педантизма, авторитетно строгимъ, но съ воспитанностью и выдержанной, рѣдкими и въ иностранцахъ. Въ качествѣ чина крупнаго и самостоятельного, Болотовъ уже не давалъ нѣмцамъ спуску, если они пробовали надъ нимъ ломаться; противъ Нарвскаго коменданта Штейна, не пропу-

стившаго его полкъ черезъ крѣпость, онъ поднялъ цѣлое дѣло. Онъ воспитался, жилъ и умеръ на службѣ, а потому зналъ ее „съ фундамента“, и былъ прежде всего дѣловитъ и практиченъ, содержалъ полкъ исправно, но вовсе не на показъ, безъ мелочности и щегольства, понемножку входившаго въ обычай при имп. Елизаветѣ.

Продолжительное мирное время дало ему возможность ввести разныя техническія и эстетическія усовершенствованія; онъ завелъ мастерскія и ремесла въ полку, такъ что его солдаты сооружали цѣлые рессорные экипажи. Большой любитель музыки, Болотовъ самъ игралъ на „флейтузѣ“, и его заботами полковые оркестръ и хоръ были въ прекрасномъ состояніи; кроме того, онъ устроилъ особый хоръ пѣвчихъ изъ солдатскихъ дѣтей и писарей и комнатный оркестръ изъ духовыхъ инструментовъ флейтъ и фаготовъ; его мягкими звуками онъ увеселялъ духовенство тѣхъ городовъ, гдѣ стоялъ; эта музыка такъ и называлась архиерейскою. Болотовъ-отецъ любилъ общество, умѣлъ сходиться съ людьми и былъ гостепримный хлѣбосоль, несмотря на свои небольшія средства; эта общественная сторона его жизни любопытна тѣмъ, что нѣкоторыми чертами уже напоминаетъ намъ XIX в.—широкое гостепримство, пріемы командировъ и всякихъ самостоятельныхъ начальниковъ, умѣніе соединять общество, входящія до сихъ поръ въ служебныя обязанности высшихъ чиновъ нашей провинціи. Устраиваясь въ городахъ съ полкомъ или одинъ по особо-важной командировкѣ, какъ во Псковъ по дѣламъ 2-й ревизіи, онъ поступалъ сообразно съ своимъ чиномъ, дѣлалъ обѣды мѣстному архиерею, воеводѣ и всѣмъ губернскимъ чинамъ. Полковникъ не отказывалъ себѣ въ обществѣ по обычнымъ днямъ; нѣсколько человѣкъ офицеровъ и мѣстныхъ помѣщиковъ, съ которыми онъ всегда знакомился на всѣхъ стоянкахъ, ежедневно бывали за его столомъ. Бесѣда съ разумными иностранцами,—говорить сынъ,—была его любимымъ отдыхомъ. Съ остзейскими помѣщиками онъ бесѣдовалъ о сельскомъ хозяйствѣ, интересуясь имъ издали, прикованный къ своему полку.

Въ книжномъ ящикѣ, который разбиралъ Андрей Тимофеевичъ послѣ смерти отца, нашелся рукописный переводъ

Лифляндской экономії, отрывки исторії этого княжества, свидѣтельствующіе о томъ, что представитель поколѣнія, воспитанного реформой, занимался всѣмъ, что могло заинтересовать русскаго на новой окраинѣ. Ящикъ былъ полонъ книгъ, но сынъ запомнилъ только 3, 4 заглавія изъ тѣхъ, которыхъ оказались доступными его 12-ти годамъ: Сокращенная Исторія Курраса, Исторія походовъ принца Евгенія, переводъ „Исторіи Лифляндіи“ и „Лифляндской экономії“. Не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о Лифляндской экономії. Если она дѣйствительно переведена самимъ полковникомъ, то переводъ этотъ сдѣланъ имъ не случайно и не имъ однимъ. Въ русскомъ обществѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, съ наступленіемъ болѣе мирнаго времени, появился, должно быть, интересъ къ нѣмецкому сельскому хозяйству. Въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музѣѣ хранятся два рукописныхъ экземпляра перевода этой экономії. Первый представляетъ прекрасно переписанную рукопись въ листъ съ заглавіемъ: „Лифляндская экономія, переведена съ нѣмецкаго на россійскій языкъ химіи профессоромъ Ломоносовымъ. Въ С. П. 1747 г. Съ подлинной списана изъ дома бароновъ Черкасовыхъ“. Мы не нашли этого перевода ни въ одномъ спискѣ трудовъ Ломоносова; можетъ быть, онъ былъ сдѣланъ для какого-нибудь лица и потомъ разошелся въ спискахъ по рукамъ. Во всякомъ случаѣ произведеніе, удостоенное подписи знаменитаго академика, почтиталось въ свое время полезнымъ для русской публики. Начало этого произведенія — нравственно-догматического характера: оно трактуетъ о должности христіанской вообще, со ссылками на священное писаніе, и поучаетъ: „что славенъ добродѣтелями, тотъ у Бога большой дворянинъ“. Относительно образования ставится идеальная требованія: староста, приказчикъ или просто богатый землями крестьянинъ долженъ знать кромѣ грамоты по крайней мѣрѣ тройное правило. Далѣе экономія трактуетъ о порядкѣ сельскихъ работъ, о содержаніи усадьбы и зданій съ такими подробностями, что даются советы и о выведеніи клоповъ. Послѣдняя часть заключаетъ всевозможные хозяйствственные рецепты. Повидимому, рукопись Черкасовыхъ — вѣрный списокъ съ перевода, сдѣланый одной писарской рукой.

Другая рукопись представляетъ только перефразировку той же экономіи; она писана разными лицами въ разное время, начиная со второй половины XVIII вѣка, и вѣмъ-то пріобрѣтена въ послѣдній разъ въ 1826 г. Тутъ сельскіе хозяева прибавляли много своихъ собственныхъ замѣтокъ, выписокъ изъ календарей, гадательныхъ книгъ, и проч. Видно, что Лифляндская экономія нравилась нашимъ помѣщикамъ.

Воспитаніе петровской эпохи сказывалось еще въ полковнико Болотовѣ его любовью къ географіи, къ чертежамъ и картамъ, во вниманіи, съ какимъ онъ заботился о занятіяхъ сына по этой части. И такъ, повторяемъ, это былъ отрадный представитель среднихъ людей своего времени. Чувство собственного достоинства, извѣстная воспитанность пріятно отличали его отъ современниковъ и родичей¹⁾; его серьезная дѣловитая внушительность была очень привлекательна для пріятелей; его помнили, о немъ прекрасно отзывались всѣ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, начальники и подчиненные, нѣмцы и русскіе; сынь много разъ въ этомъ убѣждался. Въ сномешніяхъ съ людьми, которыхъ считалъ нужнымъ держать въ рукахъ, онъ былъ суровъ и авторитетенъ; оба зятя, довольно пустые дворянскіе сыники, боялись его; дѣти почитали и любили; Болотовъ былъ хорошъ и справедливъ съ ними, а единственный сынокъ на правахъ своего положенія былъ за просто съ родителемъ, хотя зналъ, что тотъ строго взыскивалъ за лѣнъ и глупыя шалости. Онъ умеръ въ 1750 г. на службѣ

¹⁾ Описаніе докум. и бумагъ Моск. Архива М. Юст. Т. 4-й. Протоколы Сыскаго приказа, № 97, за 1733 г. „Слушалось дѣло Шлиссельбургскаго пѣх. полка о подпоручикѣ Болотовѣ, о пріѣздѣ къ отцу его въ домъ Каширскаго у. села Русатинова попа Василья Никитина, о которомъ онъ Болотовъ, въ разспросѣ показалъ: пріѣхалъ къ нему, Болотову, оный попъ въ саняхъ самъ другъ, котораго посадивъ за столъ и наливъ вина сталъ ему подносить, а за нехотѣніе вина того попа ударили онъ, Болотовъ, въ щеку, а потомъ билъ палкой, которой можно подцираться“... И послѣ битья палкой сталъ паки подносить почу вино, которое онъ пить не сталъ. И приказалъ онъ, Болотовъ, стоявшимъ тутъ солдатамъ принести батожье, которое и принесли, и раздѣль, оные солдаты били батожьемъ съ четверть часа“. Даѣже изъ протокола видно, что побон попа, Болотовъ оправдываетъ тѣмъ, что попъ не слушался его; по мнѣнію помѣщика, сельскій попъ долженъ ему во всемъ повиноваться. Это дѣло одного изъ братьевъ Кирилы Матвеевича, двоюрод. дѣда мемуариста.

въ Выборгѣ, гдѣ стоялъ полкъ, и торжественно погребенъ въ самой соборной церкви. При немъ былъ тогда одинъ 12-лѣтній сынъ. Это событіе сильно повлияло на его будущность: записанный 8-ми лѣтъ въ солдаты, онъ успѣлъ получить только чинъ сержанта и долженъ былъ, самъ безъ покровительства отца, выслуживаться въ офицеры.

Тимофеи Петровичъ оставилъ сыну 343 ч. въ полѣ земли въ разныхъ уѣздахъ, не считая клочка, приобрѣтенного имъ въ Шацкихъ степяхъ, и не менѣе 60 крѣпостныхъ душъ; послѣднее число даетъ списокъ офицеровъ Измайловскаго полка. Къ сожалѣнію, ревизскія сказки по Каширѣ 1-й и 2-й ревизіи не сохранились до нашего времени, и потому нѣть возможности точно опредѣлить населеніе родовыхъ болотовскихъ деревень; приходится прибѣгать къ случайнымъ указаніямъ документовъ разныхъ временъ. Для службы въ гвардіи, а затѣмъ для званія командаира полка такое состояніе было весьма незначительно, особенно при малодоходности каширскихъ земель. Чтобы увеличить свои доходы, братья надумали завести деревенку на степномъ просторѣ въ Шацкомъ уѣздѣ. Есть указаніе, что Тимофеи у кого-то купилъ тамъ всего 10 ч. въ п.; Матвѣй Петровичъ ничего не покупалъ, но они вмѣстѣ заселили жалкій участокъ дворами; переводили ли они крестьянъ изъ другихъ невыгодныхъ деревенекъ или просто завлекли сюда бродившихъ бѣглыхъ или вольныхъ людей, неизвѣстно; только въ 60 гг. на половину мемуариста здѣсь приходилось 10 дв. съ 35 душ. муж. п. Кругомъ деревушки тянулась на десятки верстъ непочатая степь, покрытая ковылемъ, и на ней-то водворенные барскими иждивеніемъ мужички пахали и косили вволю, сколько силь хватало; сами кормились и снабжали хлѣбомъ своихъ помѣщиковъ.

Вотъ вмѣстѣ съ 600 р. жалованья состояніе небогатаго полковника, не касаясь неофиціальныхъ доходовъ; на это онъ жилъ хорошо, откладывая дочерямъ на приданое, платилъ 100 р. слишкомъ въ годъ за обученіе сына въ пансионѣ; но не возилъ всей семьи въ Петербургъ: тамъ содержаніе семьи было ему не по средствамъ, а лишнихъ доходовъ онъ не бралъ. При всемъ своемъ хлѣбосольствѣ, онъ обходи-

дился дома полковой прислугой, изъ крѣпостныхъ держаль при себѣ только троихъ людей. Семья радовалась, когда Архангелогородскій полкъ стоялъ въ оствѣйскихъ провинціяхъ; здѣсь, на мызахъ помѣщиковъ, имѣлись хорошие дома, отѣланные чисто и съ комфортомъ, съ мебелью и гарусными обоями. На эти удобныя квартиры Мавра Степановна выѣзжала заблаговременно, по хорошему пути, медленно перебираясь на своихъ подводахъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Передъ походомъ въ Петербургъ или въ Финляндію, гдѣ не было помѣщичихъ усадебъ, она отправлялась тѣмъ же путемъ въ Дворениново.

Веселѣе всего жилось семье во Псковѣ, когда полковникъ завѣдовалъ ревизіей. Тамъ вышла замужъ его старшая дочь уже 20-ти лѣтъ отъ роду. Отецъ не торопился выдавать до-черей; онъ твердо рѣшился не дробить своихъ имѣній, и не опредѣлилъ имъ на приданое ни клочка земли и ни одного крестьянскаго двора; на хорошихъ жениховъ въ своемъ уѣздѣ поэтому нельзя было разсчитывать; приготовивъ имъ въ приданое небольшую сумму денегъ да рухлядь, приходилось от-пушкатъ ихъ куда-нибудь вдалъ. Главной приманкой для жениховъ былъ чинъ отца и его слава, какъ достойнаго человѣка и семьянина. Во Псковѣ нашлись знакомцы, которые рекомендовали дочку Болотова мѣстному помѣщику Неклюдову; юноша былъ изъ самыхъ простыхъ недорослей, служилъ сержантомъ въ рижскомъ гарнизонѣ, но имѣлъ хорошій достатокъ; чтобы оstellenить его, родные искали не богатой невѣсты, а дѣвушку изъ хорошей, строгой семьи. Свадьба устроилась. Болотовъ занялся карьерой зятя, перевелъ его къ себѣ въ полкъ и произвелъ въ офицеры.

По поводу этой свадьбы въ Псковской провинціальной канцеляріи у крѣпостныхъ дѣлъ была явлена говорная за-пись. Въ ней сказано, что полковникъ благословилъ свою дочь Прасковью образомъ Казанской Божией Матери въ се-ребраномъ окладѣ, даъ деньгами 300 руб. да приданымъ платить на 300 р. Наряды модные, нѣмецкіе, и поражаютъ только странными сочетаніями цветовъ. Самый нарядный туалетъ—шлифортъ обѣриинный ¹⁾ зеленый на юбкѣ такой же

¹⁾ Одинъ обѣриинный шлифортъ небогатой женщины стоилъ 20 р. с.

алой; второй шлафорь алый, юбка голубая; полушиафорь желтый полуобъяринный, а юбка зеленая тронценелевая; всего 4 шлафрака и 3 полушиафрака. Парадныи матеріи здѣсь по большей части тѣ же, какія мы видѣли на епанчахъ и тѣлогрѣяхъ XVII в.

Выше перечислены туалеты показные, парадныи. Обычная одежда тогданихъ средней руки помѣщицъ представляла смысь русскаго съ нѣмецкими образцами; дома носили бостроки или кофты со складками, шугай, головы украшали низаными передками. У нашей невѣсты изъ повседневнаго наряда находимъ только канифасные балахоны. Имѣются еще пять корсетовъ¹⁾, одинъ обѣяринный, два штофныхъ; три головныхъ убора кружевныхъ, шесть шитыхъ шапочекъ, лисья крытая штофомъ шуба²⁾ и двѣ пары соболей.

Золотыхъ вещей мало, трое золотыхъ серегъ, одна пара съ алмазами, два кольца. Видно, женихъ дѣйствительно не смотрѣлъ на приданое; второй дочери на ту же сумму 600 р. дали какъ будто больше. И той и другой опредѣлили по равному числу дворовой прислуги: одинъ холостой слуга, одна степенная вдова для присмотра (наприданая нянька) и три горничныхъ дѣвушкі.

Вторая сестра вышла въ 1747 г. Эту свадьбу устроили свои полковые офицеры на винтеръ-квартире въ Эстляндіи; женихъ опять оказался мелкаго чина: того же полка сержантъ Травинъ, небогатый тверской помѣщикъ. По говорной записи Марфы Тимофеевны дали 3 образа въ серебряныхъ позолоченныхъ окладахъ да крестъ съ мощами. Туалеты ея моднѣе сестричныхъ; капирская маменька видимо присмотрѣлась къ заграничнымъ костюмамъ и, вѣроятно, пользуясь близостью столицы, подновила, чтѣ было припасено; къ обѣяриннымъ шлафрокамъ появился юбки полегче, грезетовыя, парценелевые, штофныя; первый шлафрокъ вмѣстѣ съ юбкой составляютъ цѣльный пунцовыи туалетъ. Нѣть уже въ этомъ приданомъ азиатскаго сочетанія цвѣтовъ. Есть по сточичному модный туалетъ, — серебряный газъ (сѣтка?) на малиновомъ

¹⁾ Лифъ на жесткомъ китовомъ усѣ.

²⁾ Штофная шуба стоила 45 р.

полушлафрокъ при черной гарнитурой юбкѣ; одинъ корсетъ шить серебромъ; къ этому являются у сержантши корнеты съ золотыми лентами. Ея трое серегъ аттестованы новоманерными; у Мареы имѣется цѣлый серебряный уборъ и 4 золотыхъ кольца; за то, впрочемъ, у нея нѣть соболей. Еще новость: для мужа въ ея приданое включена дюжина рубашекъ ворантдорского полотна; кромѣ того ткацкія три скатерти съ салфетками. Шуба, постель, дворовые люди, какъ у сестры. На пространствѣ трехъ лѣтъ замѣтно нѣкоторое развитіе вкуса и опытности въ семье.

Подобное приданое, при начинавшей уже развиваться роскоши среди дворянства, считалось скромнымъ. „Самого движимаго приданаго дано было весьма умѣренное количество“, свидѣтельствуютъ записки.

ВОСПИТАНИЕ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Приступая къ этой главѣ, всякий читатель уже заранѣе ожидаетъ, что встрѣтится здѣсь со многими тяжелыми явленіями, съ такими искусствами юныхъ душъ и организмовъ, какіе совсѣмъ не подъ силу молодымъ поколѣніямъ нашей эпохи; тогдашнія общественные отношенія, при слабомъ влияніи науки на западѣ и его полномъ отсутствіи у насъ, вырабатывали иной нравственный складъ. Уже многие и тогда сознавали всѣ недостатки воспитанія; писатели-моралисты, особенно сатирики прошлаго вѣка ядовито бичевали и родителей-воспитателей, и учителей, и школьніе пріемы своего времени. Это одна изъ самыхъ любимыхъ и самыхъ разработанныхъ темъ нашей русской сатиры. Судя по отзывамъ сатириковъ, можно, пожалуй, подумать, что нелѣпые преподаватели изъ кучеровъ и сапожниковъ выпадали главнымъ образомъ на нашу безтолковую русскую долю; что только у насъ, въ старой крѣпостной Россіи, могли такъ безгранично

царствовать розги и плети дьяковъ Брудастыхъ, штыкъ юнкеровъ и нѣмецкихъ каторжниковъ, и пр., что только у насъ поступали на службу едва грамотные мальчики. Ёдкое сознаніе пороковъ своего общества — большая заслуга лучшихъ людей прошлаго вѣка; но теперь, подводя итоги прошлаго, желательно прежде хотя бы въ краткихъ чертахъ намѣтить, что въ этихъ темныхъ явленіяхъ нашего, національного, и что составляло еще общее достояніе всей эпохи. Ради этого при обзорѣ учебныхъ лѣтъ русскаго юноши полезно имѣть въ виду, какъ шло воспитаніе на западѣ и у нашихъ ближайшихъ сосѣдей въ Польшѣ и прибалтійскомъ краѣ.

Философія и этика достигли въ XVIII вѣкѣ высокаго развитія, а главное — широкаго распространенія; онѣ захватили въ кругъ умственной жизни цѣлую массы общества. Во всѣхъ уголкахъ Европы съ восторгомъ принимали горячую проповѣдь французскихъ философовъ объуваженіи личности человѣка, свободы мысли и слова, религіозныхъ убѣждений; съ другой стороны, въ Германіи пріобрѣтали широкую популярность ученія нѣмецкихъ мыслителей объ обязанностяхъ человѣка къ самому себѣ и къ близкимъ, объ обязательномъ внутреннемъ самоусовершенствованіи, и проч. Но на дѣлѣ въ повседневной жизни еще тugo прививалось простое человѣческое отношеніе сильного къ слабому, старшаго къ младшимъ; древнее право сильного замѣтно сказывалось въ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Если кое-гдѣ мелькало сознаніе, что пора изѣять подрастающія поколѣнія изъ-подъ гнетущей власти сильныхъ и старшихъ, ввести большедержанности въ обращеніе съ дѣтьми, поставить ихъ ростъ въ болѣе разумныя условія, то и на западѣ, не только что у насъ въ Россіи, не оказывалось на-готовѣ средствъ, съ которыми можно бы было выполнять новые, зарождающіяся задачи воспитанія; долго не создавалось для нихъ исполнителей, и лучшіе мыслители-педагоги своего времени оказывались безсильны въ практическомъ примѣненіи новыхъ теорій. И на западѣ мы нерѣдко встрѣчаемся съ такими же мрачными сторонами въ воспитаніи и школьнай жизни, какими привыкли дивиться въ родныхъ литературныхъ памятникахъ прошлаго вѣка. Не даромъ великий Кантъ говори-

валь, что дѣтство въ тотъ вѣкъ было временемъ ига египетскаго: „Eine wahre ägyptische Jochzeit“.

Во Франціи во всю первую половину вѣка въ школахъ для средняго и низшаго класса сохранялись въ силѣ чуть не средневѣковыя преданія школьнай педагогики, хотя потребность въ образованіи, а тѣмъ болѣе въ грамотности здѣсь давно сложилась. До революціи, заключаетъ Тэнъ, говоря о среднемъ образованіи, во всякомъ департаментѣ было по нѣскольку коллежей; учили въ нихъ даромъ; платили только полные пансіонеры отъ 300—450 фр. Если мелкій землевладѣлецъ не могъ платить 300 франковъ, то отсыпалъ сына въ знакомую семью буржуа того городка или ремесленника съ платой по нѣскольку ливровъ въ мѣсяцъ. Подъ конецъ царствованія Людовика XV крестьяне и мастеровые начали посыпать сыновей въ такие коллежи маленькихъ городковъ, гдѣ жизнь была еще очень дешева. Населеніе серьезно цѣнило образованіе, а между тѣмъ изъ оконъ школъ еще слышались шлепанье розогъ, крики, стоны и рыданья¹). Въ концѣ XVII вѣка отъ высшаго начальства получались уже инструкціи школьнымъ учителямъ наказывать умѣренно и съ разборомъ, а по рукамъ и въ XVIII в. еще ходила популярная гравюра-реклама, изображавшая нѣмецкіе волчки и толпу школьнниковъ съ надписью²): „тѣмъ больше ихъ бьютъ, тѣмъ лучше они дѣйствуютъ“. Гравюра оправдывала существованіе многихъ свирѣпыхъ педагоговъ, одинъ видъ которыхъ внушалъ ужасъ школьнникамъ. Современники говорили, что послѣ известныхъ своей жестокостью шотландскихъ (?) учителей французскіе были самыми ярыми экзекуторами; многие изъ нихъ являлись только случайными педагогами. Одинъ состоятельный обыватель г. Апжу рассказываетъ, что началъ учиться въ школѣ сборщика городской таможни, оборваннаго, бѣдно одѣтаго старика, отъ котораго издали неслышеніе водкой и табакомъ; но этотъ старикъ обла-

¹⁾ Delahante. Une famille de finance. Въ 1760 г. авторъ учился приватно у хорошаго учителя письменности, а рядомъ, въ общемъ классѣ същался почти безъ перерыва воипль наказываемыхъ; при чемъ каждый урокъ длился по 2 часа. 4 Babeau: Les artisans et les domestiques.

²⁾ Plus on les frappent, mieux ils tournent.

далъ недюжинными педагогическими способностями, и въ 10 мѣсяцевъ выучивалъ ребятишкъ читать, писать и считать. За учебное дѣло брались самые разнообразные люди: учили мастеровые, потерявшіе способность къ физическому труду, учили набожныя старыя дѣвы, безхитростно передавая нѣсколькимъ ребятишкамъ все, что сами знали; но были учителя-специалисты, называвшіе себя учителями письменности.

Также безхитростно устраивались и штатныя школы во Франціи XVIII в. На помѣщеніе классовъ, мебель, и проч., не обращали вниманія. Въ началѣ этой эпохи городская школа Бриансона, въ которой кромѣ грамоты и счисленія преподавали латинскій языкъ, помѣщалась въ конюшнѣ одного обывателя за 36 ф. въ годъ. Въ такихъ школахъ учились дѣти разныхъ сословій отъ ремесленниковъ до провинціального дворянства; только первыхъ не обучали латыни, какъ предмету бесполезному въ ихъ дѣлѣ.

Дѣти титулованныхъ аристократовъ начинали свое воспитаніе дома въ своихъ замкахъ, и многимъ изъ нихъ приходилось поминать свое дѣтство главнымъ образомъ суровою строгостью родителей. Виеторъ Мирабо¹⁾ (род. 1715 г.), отецъ депутата, известный подъ именемъ „друга людей“, разсказываетъ въ поученіи своимъ дѣтямъ, что родители относились къ нимъ съ такой неуклонной строгостью, что ни онъ, ни братья его не запомняютъ отъ нихъ ни малѣйшей ласки. Всякое проявленіе откровенности или нѣжности считалось постыдной слабостью въ ихъ семье. — „Я никогда не имѣть чести прикоснуться къ кожѣ этого почтенного человѣка, этого добрѣйшаго отца“, — писалъ Мирабо. Дома мальчиковъ училъ какой-то учитель за 30 зеко въ годъ; по дешевизнѣ и ничтожеству онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ нашимъ педагогамъ той же эпохи. Потомъ мальчиковъ отдавали въ іезуитскій коллежъ, не имѣвшій ничего общаго съ военной службой, къ которой они готовились; оттуда, едва достигнувъ 4-го класса, каждый изъ нихъ лѣтъ 13, 14, поступалъ въ полкъ или во флотъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ воспитаніе пополнялось въ какой-нибудь военной привилегированной Академіи, гдѣ обучали

¹⁾ Loménie. Les Mirabeaux.

только военнымъ физическимъ упражненіямъ, и это время бывало обыкновенно самымъ бурнымъ періодомъ юношеской жизни. Брать друга людей, морякъ 15, 16 лѣтъ пилъ безъ просыпа; не проходило недѣли, чтобы онъ не посидѣлъ въ мичманской тюрьмѣ; однако, строгіе родители этимъ не беспокоились и начальство вовсе не сердилось; такой періодъ переживали все юноши.

Въ Германіи гуманныя начала въ воспитаніи прививались еще медленнѣе; поучительно—сатирическая литература рѣзко обличала родителей и особенно отцовъ въ безсмысленной жестокости ¹⁾). „Дѣти трепетали передъ ними какъ рабы передъ тираннами, подъ часъ боялись, какъ чертей“, свидѣтельствуютъ однѣ современные записки. Битье считалось повсемѣстно единственнымъ средствомъ противъ дѣтскихъ и юношескихъ увлеченій; власть отца и старшихъ тяжкимъ гнетомъ ложилась на дѣтей. На ряду съ этимъ встрѣчалось и безумное баловство, причемъ слѣпая нѣжность быстро переходила въ слѣпой же гнѣвъ. Даже образованные выдающіеся люди варварски обращались съ младшими, совершенно не понимали дѣтской души. Отецъ Гёте былъ прекраснымъ отцомъ для своего времени; но, слѣдя тогдашнимъ воспитательнымъ правиламъ, слишкомъ усердно пріучалъ дѣтей ко всяkimъ ужасамъ, привидѣніямъ, внезапному испугу; дѣтей заставляли спать однихъ, и если они въ первномъ волненіи бѣжали къ прислугѣ, то отецъ, натягивая шлафрокъ на голову, бѣльмъ неслышнымъ привидѣніемъ загонялъ ихъ въ дѣтскую. Южная Германія стояла въ культурномъ отношеніи выше сѣверной, но и тутъ встрѣчаются самыя нелѣпныя проявленія права сильного и старшаго.

Рыцарь фонъ-Лангъ, на мемуары котораго часто ссылается Бидерманъ, очень живо описывая свое дѣтство, приводить слѣдующій характерный эпизодъ ²⁾): будучи гимназистомъ, онъ сдружился съ честной семьей своего квартирнаго хозяина, золотыхъ дѣлъ мастера; чтеніе вслухъ стало любимымъ раз-

¹⁾ Biederman—Deutschland im achzehnten Jahrhundert.

²⁾ Дѣло было въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. Ritter fon Lang — Memoiren.

влечениемъ ихъ компаниі, и особенное наслажденіе доставляла имъ Римская Исторія Роллена въ нѣмецвомъ переводѣ. Лангу приходилось ходить за этими книгами очень далеко къ старшему брату, уже кончившему курсъ въ университете; братъ выдавалъ ему по одной изъ 16 книжечекъ всего изданія, и каждый разъ сопровождалъ эту выдачу разными издѣвательствами: то отказывалъ въ книгахъ, бранилъ и гналъ вонъ, тотчасъ же приказывая вернуться; то травилъ его собаками, наслаждаясь изъ-за угла зрѣлищемъ этой охоты. За малѣйшее возраженіе, недовольную мину, за каждую попытку вырваться, мальчика били, сѣвали, драли за волосы. А слушатели, между тѣмъ, съ нетерпѣніемъ ожидали дома любимаго увлекательного чтенія. 16-ть разъ приходилось начинать съизнова выхлоптанье книги все съ новыми мытарствами. Съ юморомъ, достойнымъ француза, Лангъ высчитываетъ, что чтеніе Роллена стоило ему болѣе 80 часовъ бѣготни по улицамъ, 150 розогъ и 200 полновѣсныхъ пощечинъ, не считая собачей травли, мелкихъ тычковъ и заушений. За-то, какъ только дочитали послѣднюю главу, братъ разомъ подарилъ ему все изданіе. Такое издѣвательство молодого образованнаго нѣмца надъ младшимъ и слабѣйшимъ, сознательно-жестокое, съ чувствомъ и толкомъ продѣлываемое, могло отражаться на дѣтскойатурѣ тяжелѣ и оскорбительнѣе, чѣмъ дикие и безтолковые пріемы нашихъ педагоговъ, дѣяковъ и отставныхъ солдатъ.

Въ Германіи гувернеру-воспитателю (гофмайстеру)¹⁾ не платили больше 40 талеровъ въ годъ, возвлажали на него веденіе книгъ по хозяйству, а обращались съ нимъ чуть-чуть лучше, чѣмъ съ прислугой. Въ школахъ, особенно провинциальныхъ масса учителей состояла изъ ремесленниковъ всѣхъ возможныхъ профессій; обѣ этомъ официально свидѣтельствуетъ прусскій указъ 1722 г.; въ пономари и школьніе учителя могутъ поступать: портные, ткачи, кузнецы, колесники и плотники; иныхъ ремесленниковъ не принимать. А въ школьніомъ уставѣ 1736 г. сказано: если учитель ремесленникъ, онъ

¹⁾ Въ домашнемъ обученіи, заучиванье наизусть играло главную роль во всемъ, что преподавалось. Часто мучили дѣтей выше всякой мѣры заучиваниемъ молитвъ, цѣлыхъ главъ библіи, гимновъ, катехизиса.

можетъ прокормиться; если же онъ не знаетъ ремесла, ему разрѣшается на шесть недѣль отходить на поденную работу. Что же въ самомъ дѣлѣ смѣшного и страннаго, что почтенный нѣмецъ Вральманъ, переселясь въ варварскую Россію, съ чистою совѣстью изъ кучеровъ поступалъ въ гувернеры, а изъ гувернеровъ въ кучера, и какими идеалистами были въ свое время Фонъ-Визинъ и всѣ тѣ, кто вполнѣ понималъ его творенія?!

Что касается прибалтійскихъ провинцій, то даже остзейскіе патріоты проговаривались, что учебное дѣло и вообще образованіе стояло у нихъ довольно низко въ XVIII-мъ в.¹⁾). На это приводилось много всякихъ оправдательныхъ причинъ, но сущность дѣла для настъ осталась та же. Въ Лифляндіи городскія и элементарныя школы самими туземцами назывались дѣтскимъ адомъ. Учителей для этихъ школъ выбирали непремѣнно изъ мѣстныхъ обывателей, и выше всего цѣнили у нихъ красоту почерка и умѣніе быстро считать; въ городѣ ихъ титуловали шульмейстерами, и, какъ мейстеры, они имѣли право нанимать себѣ подмастерьевъ и помощниковъ, а сами занимались конторскими книгами и счетами, которыми ихъ заваливали мѣстные купцы. По рассказамъ школьнаго учителя всегда величественно возсѣдалъ на высокой каѳедрѣ, и оттуда окидывалъ толпу учениковъ мрачнымъ взглядомъ „озлобленнаго кота“. Передъ нимъ на большомъ столѣ были разложены книги, которыхъ онъ переписывалъ, а рядомъ съ ними лежали плеть и большой запасъ розогъ. Между лавою ходили его помощники и спрашивали за него уроки изъ катехизиса и ариѳметической задачи; они имѣли право расправляться съ учениками только кулаками, тасканиемъ за волосы и за уши; настоящія порки выполнялись шульмейстеромъ самолично. Преподаваніе заключалось въ заучиваніи отвѣтовъ, и было лишено всякой осмысленности; просиживая въ такой школѣ по нѣскольку лѣтъ, дѣти едва выучивались грамотѣ и счету. Въ дворянской средѣ дѣтей, кажется, не тирианили битьемъ, но суровая подавляющая строгость держала ихъ въ тискахъ. Отецъ былъ

¹⁾ Eckardt, Lifland im XVIII Jahrh.

для нихъ только повелителемъ, домовладыкой; никакихъ рѣзвостей, веселыхъ выходокъ въ домѣ не допускалось. Образованіе было большою частью домашнее, съ помощью сосѣдняго пастора; а затѣмъ дѣти сами развивались и выходили въ люди, какъ умѣли. Немногіе имѣли средства посыпать дѣтей въ германскіе университеты. Графъ Сиверсь, напримѣръ, учился у домашняго учителя, о которомъ совсѣмъ нечего сказать, кромѣ развѣ того, что будущій замѣчательный администраторъ обязанъ ему своимъ прекраснымъ почеркомъ; въ дѣствѣ онъ не учился ни древнимъ, ни новымъ языкамъ; на 15-мъ году былъ отправленъ изъ деревни въ Петербургъ, къ одному родственнику, который состоялъ при дворѣ Елизаветы, и затѣмъ выучился самою жизнью и службой.

Еще строже въ семье и школѣ содержались дѣти польскаго шляхетства; школьнное образованіе шло по старымъ французско-католическимъ образцамъ. „Дома настѣ склоняли часто и много“, разсказываетъ мемуаристъ Охотскій, современникъ послѣднихъ лѣтъ рѣчи Постолитой. При его матери состояла немолодая девица-шляхтянка для занятій по хозяйству, и вмѣсть съ тѣмъ завѣдывала всѣми экзекуціями. Весь домъ, начиная съ дѣтей, отлично зналъ извѣстный тонъ, съ которымъ отсыпали къ ней хозяева. Обыкновенно давали 15-ть ударовъ плетью, и отсчитывали ихъ методически. До 15-ти лѣтъ Охотскій подвергался этому домашнему наказанію и за шалости и просто по раздраженію родителей. Въ школахъ тоже доставалось! И патеровъ и префектовъ родители усердно упрашивали не прощать намъ ничего. Директоръ-репетиторъ обязанъ былъ не прощать подъ страхомъ лишиться праздничнаго подарка. Бывали и такие счастливцы, которыхъ драли по два и по три раза въ день. Всльдѣ за идущимъ въ классъ патеромъ піаромъ несли нагайку и клали ее вмѣсть съ книгами на кафедру. Мы не должны были терять изъ виду этого монитора. Количество и качество плетей, надо впрочемъ отдать справедливость, были всегда сообразны съ лѣтами и силами ученика. Въ классѣ *infimy* (младш.) плеть была тонкая, и болѣе 10-ти ударовъ не давали. Съ каждымъ переводомъ въ высшій классъ воспитанникъ ознакамливается съ болѣе толстою плетью и получаетъ увеличенное число ударовъ. Въ

классъ философії ученикъ и плеть выростали въ нормальную величину; и въ этомъ классъ уже не давали менѣе 50 плетей". Тяжело жило юношамъ и дома послѣ окончанія курса. Когда къ отцу прїѣзжали гости, взрослые сыновья стояли въ струнку въ гостинной въ полномъ парадѣ при сабляхъ, не смѣя ни на минуту присесть, ни даже прислониться къ стѣнѣ; выходить безъ спроса тоже не смѣли. Имъ строго приказывали слушать внимательно разговоръ гостей, такъ какъ когда послѣдніе уѣзжали, отецъ требовалъ у сыновей по латыни отчета въ томъ, что они слышали.

Въ свою очередь Малороссія скопировала латинскія школы Польши, по необходимости присоединяя къ этой системѣ кое-что своего русскаго, и въ XVII-мъ в. настолько развила привычку къ школѣ въ своемъ населеніи, что оказалась далеко впереди Великороссіи. Въ XVIII-мъ в. ея высшему классу приходилось уже приспособляться къ великороссійскимъ требованіямъ, созданнымъ реформой, и отъ этого получалась странная смѣсь старыхъ и новыхъ, классическихъ и реальныхъ началъ. Вотъ, что разсказывается о своей юности малороссъ Винскій въ своихъ запискахъ, сообщающихъ вообще много любопытныхъ данныхъ для характеристики воспитанія человѣка XVIII стол. Учиться грамотѣ онъ ходилъ къ дѣячку; учитель изрѣдко наказывалъ учениковъ по всѣмъ учебнымъ днамъ; но суббота была днемъ исключительнымъ;—дѣякъ встрѣчалъ ребятишекъ грозными словами: „Треба сѣкти васт!" И начиналась общая экзекуція, при чемъ усердно приговаривали: „Учись, не лѣнись, помни субботку." Послѣ дѣячка, Винскій учился нѣкоторое время дома у инспектора, т.-е. домашнаго учителя, по нѣмецки гофмейстера; подготовленный немногого, мальчикъ быль отвезенъ въ Черниговъ, и поступилъ въ тамошнюю коллегію. Жить ему пришлось на одной квартире съ товарищами-земляками подъ надзоромъ ихъ инспектора; въ эту пору онъ много бѣдствовалъ по своему малолѣтству и беззащитности, часто переходилъ отъ одного инспектора къ другому, но учился хорошо. Лѣтъ 12-ти онъ поступилъ въ Кіевскую Академію; тамъ въ это время (около 1765 г.) учили: грамматикѣ, пітицѣ, риторикѣ, философії, богословії, языкамъ — латинскому, греческому, еврейскому,

польскому; но нѣмецкому и французскому учили мало. Винскій просидѣлъ 3 г. въ риторикѣ, „набилъ голову тропами и фигурами, и выѣхалъ изъ Киева настоящимъ дурнемъ“; если бы какой-то канонерскій штыкъ-юнкеръ не показалъ ему ариѳметики, то онъ бы считалъ по пальцамъ. Въ 1768 г. онъ поступилъ въ г. Стародубъ въ пансионъ Карповича для обучения французскому языку, и тамъ въ 16 лѣтъ кончилъ курсъ наукъ. Французскій языкъ и литературу Винскій полюбилъ на всю жизнь и цѣнилъ его таѣ же высоко, какъ Болотовъ нѣмецкій языкъ. Онъ находилъ, что французское вліяніе было въ высшей степени благотворно для Россіи, и что его не умѣли достаточно цѣнить. Онъ зачитывался французскими сочиненіями, особенно по общественно-политическимъ вопросамъ, и съ восторгомъ останавливается въ своихъ запискахъ на положеніи одного писателя (Mercier), что самая необходимая науки для ума человѣческаго—мораль и политика.

Вотъ нѣсколько краткихъ чертъ воспитанія па западѣ и у нашихъ ближайшихъ сосѣдей. Всюду, даже въ передовой Франціи встрѣчались и безалаберность и жестокость; всюду была масса учителей случайныхъ, ни мало не подготовленныхъ къ школьному дѣлу и самыи неприхотливыи задачамъ воспитанія; да и люди подготовленные, какъ патеры различныхъ орденовъ, сообщали непригодный въ жизни запасъ знаній, какой не всегда могъ удовлетворить и въ отсталой Россіи. А между тѣмъ разница между русскимъ обществомъ XVIII-го в. и обществами западными была громадна, и нигдѣ недостатки школы и пороки учителей не были такъ чувствительны, какъ у насъ. На западѣ школы и учителей было уже довольно много; грамотность и элементарное общее образованіе сдѣлались достояніемъ всѣхъ достаточныхъ классовъ; и сама жизнь, сложившіяся общественные отношенія и правовые порядки, въ которые вступалъ грамотный человѣкъ и съ которыми долженъ былъ считаться, довоспитывали его и поправляли недостатки школы. Съ другой стороны дѣятельность многочисленныхъ университетовъ, высшія школы, широкая литература, постоянно развивавшаяся на твердой почвѣ, унаслѣдованной отъ римскихъ временъ, продолжали дѣло воспитанія, поддерживали въ массѣ интересъ къ знанію и ум-

ственную жизнь вышедшаго изъ школы человѣка. У насъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка общественная жизнь еще не существовала; своя литература едва едва зарождалась; масса пробавлялась кое-какими переводами и пересказами западныхъ повѣстей въ рукописяхъ. Русская школа только заводилась; учителей нехватало и на скромное число жаждавшихъ просвѣщенія. Высшихъ школъ не было, кромѣ академіи наукъ, дѣятельность которой дала тогда 3, 4 русскихъ имени. Ничто не развивало, не довоспитывало русскаго человѣка, съ трудомъ и мученіями постигшаго элементарную науку, не поддерживало въ немъ заронившихся умственныхъ потребностей. Обстановка жизни, домашняя и служебная, неразвитость общественного смысла была такова, что мало-мальски научившійся человѣкъ только позабывалъ то, что постигалъ въ юности. Въ уѣздной глупи, въ деревнѣ, гдѣ сохранялся старый обиходъ XVII в. потухала всякая умственная жизнь, юные силы грубѣли и спускались до окружавшаго уровня. Нужны были недюжинная стойкость характера, не малое мужество и извѣстная дарованія, чтобы въ тогдашихъ условіяхъ стумѣть продолжать свое образованіе. Весь гражданскій строй XVIII в. представлялъ слишкомъ тяжелые искусы отдельнымъ просвященнымъ и нравственно развитымъ личностямъ, оттого то они часто ломались и разворачались. А другіе, сохранившіе до конца жизни жажду знаній и умственной дѣятельности, таились съ нею, отодвигали ее далеко отъ повседневной жизни и общественныхъ столкновеній, и часто обращались въ беспочвенныхъ, комичныхъ, часто безсмысленно жестокихъ съ близкими философами, лгистами, эстетиками, въ тѣ курьезные и жалкіе типы, которые давно извѣстны въ исторической литературѣ подъ именемъ „чудаковъ XVIII в.“.

Недаромъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ мемуаристовъ Винскій додумался, подъ вліяніемъ французскаго просвѣщенія, что существеннѣйша и необходимѣйша знанія для благоденствія человѣка именно тѣ, которыхъ не давала ему русская школа: „святая нравственность и составъ людскихъ обществъ или яснѣе: чѣмъ каждый человѣкъ обязанъ обществу, и, наоборотъ, общество человѣку“.

Авторъ записокъ, Андрей Тимофеевичъ, родился въ Дво-

рениновскомъ домѣ въ 1738 году 7 октября. Рожденіе его произошло при обычной въ старину обстановкѣ; бабушкой-повитухой служила самая старая и довѣренная женщина дворни. Глубокой ночью старуха дежурила одна при своей боярынѣ; прочая прислуга держалась подальше, сидѣла въ людской и спала или представлялась по старому обычая, что не знаетъ о совершающемся событии. Набожная женщина, въ ожиданіи разрѣшенія, начала молиться, истово и усердно кладя земные поклоны. Тутъ-то было и случилась бѣда: натѣльный крестъ бабки спустился до полу, да и завязъ въ щели половицъ; повитуха оказалась крѣпкимъ гайтаномъ туго привязанной къ полу, когда родильница позвала ее на помощь. Обѣ подняли крикъ и насилиу дозвались одну изъ запрятавшихся женщинъ, и освобожденная старуха едва поспѣла къ своему дѣлу. Первые годы жизни, проведенные на женскихъ рукахъ матери и мамки, той же старухи повитухи, были для единственного сынка временемъ ласкъ и баловства. Въ 1741 г. Болотовъ получилъ полкъ и вызвалъ жену съ дѣтьми къ себѣ въ селеніе Наровскъ, близъ Нарвы. Съ тѣхъ поръ начались продолжительныя странствія полковничьей семьи. Ребенокъ подрасталъ между впечатлѣніями стоянокъ въ Остзейскомъ краѣ, среди не-русской обстановки, и родной деревней. Тутъ же гдѣ-то въ Эстляндіи отецъ, на правахъ командира и пріятеля всего генералитета, записалъ 5-ти-лѣтнаго сына рядовымъ въ свой полкъ, и будущій литераторъ въ соблазну другихъ отцовъ офицеровъ,ѣздилъ въ салазкахъ на козлѣ получать отъ комиссара жалованье по нѣсколько копѣекъ деньгами.

Во Псковѣ на шестомъ году мальчикъ началъ учиться грамотѣ. Въ тотъ вѣкъ контрастовъ одни родители начинали учить дѣтей слишкомъ рано, другіе приступали къ этому весьма поздно; на раду съ Митрофанушками, отправлявшимися подъ вѣнецъ прямо изъ-подъ надзора своихъ мамокъ, встрѣчались 4-хъ, 5-ти-лѣтніе усердные грамотѣ; такъ, мать Державина выучила сына читать на 5 году и тотчасъ отдала его учиться писать; молодые Воронцовы съ пяти лѣтъ увлекались книгами. Знакомство съ остзейскими нѣмцами не могло дать полковнику никакихъ готовыхъ образцовъ по части воспитанія, и обученіе сына началось обычнымъ русскимъ поряд-

комъ. Во Псковѣ какой-то стариkъ малороссіянинъ занимался обученiemъ дѣтей, приходившихъ къ нему на домъ; къ нему отправили и нашего героя. Была ли это школа, или просто случайный учитель собиралъ вокругъ себя учениковъ, мемуаристъ не помнить. Весьма можетъ быть, что это были остатки цифирной школы того типа, какія основаны при Петrѣ во многихъ городахъ; эти школы не долго просуществовали въ своемъ первоначальномъ видѣ; иные закрылись, другія существовали кое-какъ, въ той формѣ, какую имъ придавалъ учитель. Обученіе грамотѣ шло здѣсь, конечно, по часослову и псалтирю. Болотовъ плохо помнить свои занятія съ этимъ учителемъ, но говорить, что его способностями и успѣхами были довольны. Но мудрена была наука того времени съ безконечными складами, тяжелыми упражненіями по книгамъ, недоступнымъ дѣтскому пониманію. Проучившись болѣе года, Андрей при всемъ своемъ стараніи плохо разбиралъ часословъ, и далеко не освоившись съ механизмомъ чтенія, уѣхалъ съ матерью въ деревню, когда отецъ, покончивъ ревизію, отправился въ полкъ.

Тутъ единственнымъ грамотѣемъ былъ его дядька, одинъ изъ многочисленныхъ представителей старинного типа способныхъ и дѣльныхъ боярскихъ людей, крѣпостной интеллигенціи ранняго времени. Такіе люди вырабатывались сами собой при общемъ складѣ жизни того времени. Помѣщикъ проводилъ время на службѣ; жена его бывала безграмотна или мало-грамотна; между тѣмъ, по хозяйству, по куплямъ и продажамъ нужно было имѣть грамотнаго человѣка; кромѣ того, всегда находились дѣла по приказамъ и воеводскимъ канцеляріямъ; часто случались тяжбы; еще въ XVII в. среди служилаго и землевладельческаго класса появилась страсть къ тяжбамъ, къ пріобрѣтенію юридическими уловками и тонкостями того, что плохо закрѣплено за владѣльцемъ. Приходилось поручать такія дѣла своимъ людямъ и снабжать ихъ полными довѣренностями; для этого выбирали людей сообразительныхъ и способныхъ, твердыхъ въ грамотѣ, которой ихъ, вѣроятно, и обучали съ особой заботливостью; вообще эти люди ни въ чёмъ не должны были уступать дьякамъ и приказнымъ; это были свои домашніе юристы и адвокаты. Крѣпостному чело-

въку такія занятія бывали и лестны, и выгодны; узкія рамки холопскаго бытія его расширялись; у богатаго барина онъ становился чиновникомъ; у средняго приходилось исполнять и должности слуги, но положеніе его все-таки было почетное, и вся способности его, какъ человѣка, развивались и шли въ дѣло. Но много тажелаго, трагичнаго встрѣчалось въ долѣ и этихъ раннихъ крѣпостныхъ грамотѣвъ.

Болотовскій дядька Артамонъ былъ по своему начитанъ, весьма силенъ въ Св. писаніи и въ Св. исторіи, зналъ кое-что о прошломъ Россіи, хорошо зналъ исторію святынь и памятниковъ Москвы, где долго живаль по господскимъ дѣламъ. Господамъ онъ служилъ повѣреннымъ по дѣламъ, перебывалъ во всѣхъ приказахъ и канцеляріяхъ столичныхъ и провинціальныхъ, и отлично зналъ всякое дѣлопроизводство; дома онъ былъ гофмейстеръ, гувернеръ барчука, дворецкій и секретарь барыни. Какъ гувернеръ, Артамонъ добросовѣстно посвящалъ воспитанника во всѣ знанія, какими обладалъ самоучкой; въ описываемое время онъ доучилъ его русской грамотѣ, покончилъ часословъ и прошелъ псалтирь. Стараніями ли учителя, преданнаго всей душой дому, или собственной охотой, только мальчикъ сталъ у него читать хорошо и съ толкомъ.

Письму Андрей Тимофеевичъ началъ учиться немного позже, когда они съ матерью снова пріѣхали къ отцу въ Эстляндію; отецъ назначилъ въ преподаватели своего лучшаго полкового писаря. Послѣдній принесъ не малую пользу будущему литератору, съумѣвъ быстро пріохотить его не только къ письму, но и къ рисованью, въ которомъ немногого марковалъ. Среди сельскаго и полкового досуга рисованье доставило нашему герою, какъ и его знаменитому современнику Державину, много приятныхъ минутъ.

Къ девяти годамъ Болотовъ произошелъ понемногу элементарную науку, подвергаясь при этомъ такимъ же помѣхамъ и неудобствамъ, какъ и всѣ дѣти дворянства средней руки. Иначе воспитывались только дѣти самыхъ могущественныхъ представителей придворной аристократіи. Р. И. Воронцовъ выписывалъ для своихъ дѣтей отличныхъ гувернантокъ, у которыхъ они шутя выучивались по французски; выписывалъ прекрасныя библіотеки, и сыновья его въ 12 лѣтъ были зна-

комы съ Буало, Корнелемъ, Расиномъ, Вольтеромъ и т. д. Но все это было пока доступно немногимъ избраннымъ; лучшая часть средняго дворянства, съ которой мы имъемъ дѣло, принимала отчаянныя мѣры, чтобы гдѣ нибудь раздо-быться познаніями.

Мы знаемъ, что Державинъ, рано осиротѣвшій, учился въ Оренбургѣ въ пансионѣ нѣмца Розе, ремесленника и каторжника. Дѣло въ томъ, что основатель города Неплюевъ просилъ выслать къ нему для построекъ преступниковъ изъ купцовъ и мастеровыхъ; въ томъ числѣ оказался и нѣкто Розе; человѣкъ смѣливый, онъ воспользовался потребностями только что сѣхавшагося населенія и открылъ школу для мальчиковъ и дѣвочекъ¹⁾). Учителъ былъ жестокъ и безнравственъ, однако, выучивалъ вокабулами нѣмецкому языку и кромѣ того каллиграфіи и рисованію перомъ; но поэтъ былъ благодаренъ и за это. Нѣмецкій языкъ въ половинѣ прошлаго столѣтія еще почитался принадлежностью образованнаго человѣка; французскій смыналъ его только при дворѣ.

Какъ ученикъ петровской школы, полковникъ Болотовъставилъ нѣмецкій языкъ и арифметику на первой планѣ въ обученіи сына; онъ самъ выросъ на нихъ, съ ихъ помощью выслужился; но даже въ балтійскихъ провинціяхъ онъ не могъ найти сыну порядочнаго нѣмецкаго учителя, а на выписыванье гофмейстера изъ-заграницы не хватало средствъ. Пришлось обратиться къ нѣмцамъ, служившимъ въ полку; тутъ Болотова ожидалъ своего рода Розе: учителемъ его сдѣлалсяunter-офицеръ Миллеръ, пріѣхавшій изъ Любека на русскую службу. „Богу известно, какого былъ онъ рода, но только то мнѣ известно, что онъ никакимъ наукамъ не умѣлъ, кромѣ одной арифметики, которую зналъ твердо, да умѣлъ также читать и писать очень хорошо по-нѣмецки, почему заключаю, что надобно быть ему простому купеческому сыну, и притомъ весьма небогатому и воспитанному въ простой городской школѣ весьма просто и низко“. Подобно Розе, Миллеръ не зналъ грамматики и училъ мальчика вокабулами и заучиваньемъ нѣмецкихъ словъ наизусть по сотнямъ и тысячамъ; оба по-

¹⁾ Гrotz. Жизнь Державина, 8 т.

ходили на лифляндскихъ шульмейстеровъ, счетчиковъ и каллиграфовъ, какими ихъ рисуютъ материалы Экардта.

Для мальчика начались ежедневныя продолжительныя занятия, несмотря на неудобства полковой жизни. Ундеръ усердствовалъ передъ начальствомъ, и при всей нелѣпости преподаванія, ученикъ довольно скоро началъ читать и писать по-нѣмецки; арифметика же шла вполнѣ успѣшно. Родители были довольны; при нихъ учитель хвалилъ его, но съ глазу на глазъ ученикъ никогда не могъ угодить на злой нравъ нѣмца. Яростную брань мемуаристъ и въ счетъ не ставить, но битье и сѣченье его сильно угнетало. Миллеръ колотилъ его чѣмъ попало, стараясь только не оставлять кровавыхъ слѣдовъ, чтобы не возбудить вниманія командинга; послѣдній былъ вполнѣ убѣжденъ, какъ и всѣ, что ученье безъ битья немыслимо, и преслѣдовалъ только самыя варварскія выходки учителя. Нѣмецъ же находилъ звѣрское наслажденіе въ самомъ процессѣ битья, часто досадовалъ на успѣхи ученика, потому что они лишали его предлоговъ продѣлывать свои экзекуціи; иногда онъ изощрялъ свои недальняя познанія на придуманныи запутанныхъ задачъ, чтобы затруднить мальчика. Разъ, заподозривъ какой-то обманъ, онъ звѣрски билъ его: „грызъ почти меня зубами и терзалъ, какъ лютый звѣрь безъ всякаго человѣчества и милосердія. Онъ такъ разъярился, что пѣна у него стояла во рту, и до тѣхъ поръ меня мучилъ, покуда выбился уже изъ силъ“. Эта экзекуція открылась, и учителю дали нагоняй, не особенно страшный, впрочемъ, потому что онъ скоро опять принялъся за то-же, велѣль заучить невѣроятное количество нѣмецкихъ словъ наизусть, и заблаговременно приготовилъ цѣлый запасъ розогъ; насчитавъ 200 позабытыхъ словъ, принялъ съ звѣрскимъ хохотомъ отсчитывать 600 ударовъ. На крики мальчика прибѣжала какая-то сосѣдка, отняла мученика и привела его къ матери. Тутъ только полковникъ запретилъ своему ундеру сѣчь безъ спроса.

Несмотря на все безобразіе учителя, Болотовъ обязанъ ему отличнымъ знаніемъ арифметики, которое дало ему возможность впослѣдствіи совершенно самостоятельно изучить геометрію и фортификацію; но успѣхи въ нѣмецкомъ языке

скоро застыли, мальчикъ не выучился у Миллера говорить. Тогда отецъ изыскалъ другой способъ обученія.

Въ 1748 г. въ виду большихъ успѣховъ Фридриха II-го въ борбѣ съ Австріей, наши войска сдвигали къ западнымъ границамъ, а Архангелогородскій полкъ ввели въ предѣлы польской Курляндіи. Тутъ полковникъ завелъ, по обыкновенію, знакомства среди мѣстныхъ дворянъ; узнавъ, что у одного изъ нихъ живетъ при дѣтяхъ прекрасный гувернѣръ, онъ постарался поближе сойтись съ нимъ и упросилъ, наконецъ, принять къ себѣ въ домъ мемуариста, чтобы дать ему возможность учиться вмѣстѣ съ своими сыновьями.

Русскій барченокъ въ званіи каптенармуса, испытавшій рядомъ съ баловствомъ матери всѣ мучительства нѣмецкой педагогики, оказался теперь въ совершенно новой обстановкѣ, среди чужой семьи. Самъ хозяинъ былъ почти старики, суровый и строгій, державшій семью и домъ въ ежевыхъ рукавицахъ, но по образованію выдавался изъ массы сельского нѣмецкаго дворянства. Его сыновья оказались старше Болотова, почти юношами, и жили въ особо выстроенному для нихъ флигелѣ; для нихъ былъ выписанъ изъ Лейпцигскаго университета учитель - саксонецъ Чаахъ, показавшійся Болотову феноменальной учености. Юноши уже прошли элементарныя науки, знали древніе и новые языки, и саксонецъ занимался съ ними главнымъ образомъ философией на латинскомъ языкѣ; съ нашимъ мальчикомъ онъ занимался немного особо чтенiemъ и разговорами по-нѣмецки, началъ учить его по-французски. Но у Болотова больше всего осталась въ памяти вся обстановка нѣмецкаго дома и обращеніе съ дѣтьми. Жизнь семьи текла чинно съ суровой аккуратностью; во всемъ домѣ царилъ строгій порядокъ, не допускавшій отступленій; дѣти не смѣли пикнуть передъ старшими. При своей суровости, дисциплина курляндца была разумна для того времени; дѣтей пріучали къ трудолюбію и сдержанности, но не застрачивали и не забивали. Болотовъ не слыхалъ въ этой семье ни одного браннаго слова, и никто его пальцемъ не тронулъ; самъ суровый хозяинъ былъ внимателенъ, иногда даже ласковъ къ русскому мальчику.

Всего полгода пробылъ у курляндца Болотовъ, но такъ

запомнилъ эту семью, что въ запискахъ преувеличиваетъ вліяніе этого эпизода на свое развитіе: „Въ семъ-то мѣстѣ и въ сie то время впечатлѣлись въ меня первыйшія склонности къ наукѣ, искусствамъ и художествамъ, произвѣдшія мнѣ толь безчисленные и пріятные часы и минуты въ жизни. Всему хорошему, что есть во мнѣ, положилось тутъ начало, а сверхъ того имѣль я и ту пользу, что живучи въ такомъ порядочномъ домѣ, имѣль я первый случай узнать о жизни нѣмецкихъ дворянъ и полюбить ону“.— Чинная нѣмецкая семья идеализирована ради поучительного примѣра дѣтей и потомству. — Но, конечно, пребываніе у курляндца произвело сильное впечатлѣніе на мальчика; послѣ Миллера, его поразила спокойная внушительность лейпцигскаго философа, и онъ быстро сообразилъ, гдѣ свѣтъ и гдѣ тьма. Едва мальчикъ приступилъ съ гувернеромъ къ изученію географіи, какъ Архангелогородскій полкъ передвинули въ Финляндію. Полковникъ отправилъ жену въ деревню, а сына перевезъ въ Петербургъ.

Тамъ въ эту пору (1749—50-й г.) возникали одинъ за другимъ частные пансіоны, устраиваемые всевозможными иностранными выходцами. Лѣтъ черезъ 5, 6-ть ихъ столько развелось въ обѣихъ столицахъ, а рядомъ съ ними такое множество учителей, темныхъ невѣжественныхъ личностей, что при открытии московскаго университета нашли необходимымъ провѣрять познанія этихъ выходцевъ. — Въ запискахъ Болотова мы встрѣчаемъ едвали не единственное описание пансіона того времени. Пансіонъ Ферри, съ которымъ они нась знакомятъ, былъ, вѣроятно, однимъ изъ раннихъ; его содержалъ въ дванадцати кадетскаго корпуса учитель французскаго языка этого заведенія. Этотъ пансіонъ считался тогда самымъ лучшимъ. Заботливый отецъ совѣтовался съ родственникомъ, ротмистромъ конной гвардіи, хорошо знавшимъ Петербургъ, и заведеніе было выбрано по его рекомендациі. Удобнѣй всего, казалось бы, отдать мальчика прямо въ корпусъ; но полковникъ почему-то находилъ это неудобнымъ; даже послѣ его смерти, когда друзья и родичи долго обсуждали вопросъ, какъ быть съ мальчикомъ, гдѣ его доучить и произвести въ офицеры, о корпусѣ и не поминаютъ.

Въ пансіонѣ было всего до 15 учениковъ живущихъ и приходящихъ; число послѣднихъ часто измѣнялось, то прибывало, то убывало. Для класса была отведена одна большая комната казенной квартиры; въ этой-же классной были отгорожены досками маленькая помѣщенія, канторочки, какъ выражаются записки, гдѣ жили самые знатные пансіонеры. Лучшую канторочку занималъ Болотовъ съ другимъ полковничымъ сыномъ, Нелюбохтинымъ; а рядомъ за перегородкой помѣщались два сына сенатскаго секретаря. Среди приходящихъ явилась учиться французскому языку взрослая девушка, дочь какой-то маюриши. При барчукахъ состояла пристуга, которая гнѣздила тоже гдѣ-то въ казенномъ зданіи. Вѣрный дядька Артамонъ являлся утромъ и вечеромъ одѣвать и раздѣвать своего маленькаго воспитанника. Въ столь строгого соблюдались скромные и постные дни; но кормили по всемъ днямъ плохо; барчуки голодали; только булочникъ, состоявшій при корпусѣ, и щи, приготовляемыя имъ слугами, подкрайпляли ихъ.

Ферре и его жена были люди старые очень тихіе и добрые характеромъ; оба полюбили и ласкали Болотова. Самъ французъ проводилъ почти цѣлый день въ корпусѣ, всего часа два въ сутки отдавая пансіонерамъ; а съ ними занимался его старшій сынъ, уже юноша, малый изрядный; младшій же былъ *enfant terrible* пансіона; за шалости и злые выходки его всѣ не терпѣли. Отецъ и сынъ учили одному французскому языку. Обычнымъ упражненіемъ служили переводы съ русскаго на французскій языкъ басенъ Эзопа и русскихъ газетъ¹⁾; другихъ легкихъ пособій или хрестоматій еще не водилось; а ученики были очень благодарны и за эту методу, несравненно болѣе живую и занимательную, чѣмъ зубренье вокабуль; они съ интересомъ читали газеты и кстати знакомились со всѣмъ происходившимъ въ свѣтѣ, съ именами странъ и государствъ. Под-

¹⁾ „Чтеніе вѣдомостей“ входило въ программы пансіоновъ того времени. Въ 1772—1774 г. почетный профессоръ Берландъ де-ла Бордельеръ, читая публичный курсъ на французскомъ языкѣ, объяснялъ газеты критически и исторически.—Исторія Имп. Моск. Университета. С. Шевырева.

рядившиесь обучать географії, французъ нанялъ ради этого нѣмца, который приходилъ одно время каждый день объяснять ученикамъ карту Европы, но скоро исчезъ, заронивъ кое-какія свѣдѣнія только въ головахъ такихъ усердныхъ мальчиковъ, какъ нашъ герой. Исторіи вовсе не преподавали. Болотовъ пополнилъ этотъ пробѣль чтеніемъ Фенелонова Телемака, сперва по-французски вслухъ самому Ферре, а потомъ по-русски, и найденной у отца древней исторіей Курраса.

Таковъ былъ лучшій пансіонъ въ Петербургѣ. За французскій языкъ, карту Европы и скудное содержаніе мальчика Болотовы платили очень большія для того времени деньги — болѣе ста руб. въ годъ, то-есть всю ту сумму дохода, какую получали деньгами со своихъ деревень; да кромѣ того платили рисовальному мастеру нѣмцу, приватно обучавшему сына рисованію. Чтобы извлечь изъ этого пансіонскаго обученія чѣ-нибудь дѣльное и прочное, нужно было имѣть всю старательность и раннюю серьезность мемуариста, съ интересомъ вникавшаго и въ басни Эзопа, и въ газетныя статьи, и въ Телемака.

У Ферре онъ не пробылъ и года; — болѣзнь и смерть отца прервала его школьнную жизнь. Потуживъ и погадавъ надъ его судьбой, родные отправили мальчика къ матери въ Дворяниново, гдѣ онъ и просидѣлъ 2 года безъ дѣла, пока горькая вдова не надумала опять снарядить его въ Петербургъ въ ученье; но ученье со смерти отца стало еще случайнѣй; мальчикъ учился самостоятельно.

Водворенный у дяди ротмистра, Андрея Тимофеевича, долженъ былъ ходить къ одному богатому генералу учиться у француза гувернера вмѣстѣ съ двумя его сыновьями. Тутъ онъ встрѣтилъ новый своеобразный типъ иностранного выходца. Mr. Лаписъ былъ по своему начитанный человѣкъ, образованный, даже, какъ полагали ученики, ученый; но его познанія и мысли оставались тайной для нихъ и, кажется, для всего дома. Прибывшій недавно изъ Франціи, онъ не зналъ ни слова по-русски; о преподаваніи не имѣлъ понятія, и видимо не зналъ, чѣмъ дѣлать съ учениками. Цѣлый день онъ сидѣлъ, почти не отрываясь, за своими французскими книгами, а мальчикамъ давалъ списывать статьи изъ огромнаго

словаря французской академіи и выучивать ихъ наизусть. Статьи были скучны и совершенно непонятны для мальчиковъ; и ничего бы не вышло изъ занятій съ Лаписомъ, еслибы не приходилось по-невольѣ говорить съ нимъ по-французски; веселый и добродушный, онъ прекрасно обращался съ мальчиками и никогда ихъ не наказывалъ.

Генеральские сынки, подобно Болотову, съ раннихъ лѣтъ числились въ полкахъ, и въ 1452 г. состояли въ званіи сержантовъ артиллеріи; въ виду близкаго экзамена на офицерскій чинъ имъ назначали артиллерійскаго капрала для обучения геометріи, и инженернаго кондуктора для фортификації. Сынки были тузы и лѣнивы на ученье; учителя по-долгу бились съ ними надъ каждой задачей; а Андрей Тимофеевичъ, сидя въ уголку, внимательно слушалъ и все перенималъ: завелъ себѣ циркуль и все необходимое для черченія и чистенько составилъ для себя чертежи всѣхъ геометрическихъ задачъ, заимствовалъ кое-что по фортификації. Скоро онъ опять уѣхалъ въ Дворениново по случаю смерти матери, и уже тамъ дополнить свои знанія по прекраснымъ тетрадямъ дяди премьеръ-майора, списавшаго ихъ у самого Ганнибала.

На этомъ покончилось обученіе сержанта; онъ учился весьма беспорядочно, прихватывая урывками, гдѣ что придется; цѣльнѣе прочаго усвоилъ онъ математику, отчасти потому, что съ петровскихъ временъ относительно этихъ знаній были поставлены самыя опредѣленныя требованія; а между тѣмъ Болотовъ вполнѣ подходилъ къ тому уровню знаній, который требовался отъ образованнаго офицера того времени. Единственнымъ заведеніемъ, дававшимъ общее образованіе дворянскимъ дѣтямъ, былъ тогда Шляхетный корпусъ; до нашего времени дошелъ маленький печатный списокъ кадетъ съ аттестатами, какіе имъ выдавались при выпускѣ, весьма неполный, правда, заканчивающійся выпускомъ 1747 года. Въ аттестатахъ перечислены всѣ науки, какія кто проходилъ; поэтому эти аттестаты можно съ достаточнымъ основаніемъ принять за общую норму требованій отъ образованнаго по тому времени дворянина. Прикладывая эту норму къ познаніямъ нашего героя, легко замѣтить, что многіе ка-

деты не проходили и того, чему онъ хоть немного научился; далеко не всѣ учились французскому языку, фортификації, даже географіи, а выпускались прaporщиками, тогда какъ Болотовъ явился въ полкъ сержантомъ. Прaporщикъ Гнѣвшевъ вышелъ съ слѣдующимъ аттестатомъ: „Геометрію и практику окончалъ, иррегулярную фортификацію началь; понѣмецки говорить и пишеть нарочито, имѣть доброе начало во французскомъ языкѣ, исторію и географію началь“. Все это близко подходитъ къ уровню знаній автора записокъ; какъ старателъ самоучка, онъ долженъ быть знать это немногое тверже и отчетливѣй многихъ кадетъ; онъ умѣлъ рисовать и чертить, древнюю исторію прошелъ по Куррасу, читалъ историческія книги даже по военной исторіи. Вотъ еще аттестать болѣе успѣшнаго кадета прaporщика Колобова: „Геометрію и иррегулярную фортификацію окончалъ, обучается регулярной, рисуетъ ландшафты красками, переводить на французскій языкѣ, разумѣеть и говорить хорошо по-нѣмецки, переводить съ россійскаго на нѣменскій языкѣ, сочиняетъ нѣмецкія письма по диспозиції; учится исторіи универсальной, географіи по Гоманскимъ картамъ и исторіи специальной новѣйшихъ временъ“.

Ни въ аттестатахъ, ни въ домашнемъ обученіи Законъ Божій не поминается, какъ предметъ преподаванія. Всякое обученіе начиналось съ церковныхъ книгъ, и потому предполагалось, что всякий учащийся самъ собою знакомился съ основами своей вѣры. О священной исторіи не было и помину; всякий могъ вычитывать ее откуда угодно. Набожный по своему Болотовъ ни разу въ запискахъ не напоминаетъ объ Евангелии, какъ будто онъ его вовсе не читалъ, или находилъ излишнимъ говорить о немъ. Впрочемъ онъ долго жилъ подъ вліяніемъ людей непосредственной вѣры и людей, занимавшихся иногда религіозными вопросами. Дядька Артамонъ, перечитавшій не мало божественныхъ книгъ, рассказывалъ питомцу о сотвореніи міра, о разныхъ событияхъ священной исторіи; а поселившійся въ деревнѣ дядя майоръ снабдилъ племянника Четью-Минеями и книгой Яворского „Камень Вѣры“. Внимательное чтеніе того и другого на сельскомъ досугѣ пріучило юношу вдумчиво и серьезно отно-

ситься къ религіознымъ вопросамъ. И многимъ, вѣроятно, барчукамъ XVIII-го в. крѣпостные дядьки грамоты послужили единственными учителями своей народной вѣры; въ высшемъ же слоѣ дворянства, гдѣ дѣти вовсе не соприкасались съ людьми народного склада, они часто оказывались внѣ всякихъ религіозныхъ понятій.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ И ХОЗЯЙСТВО ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII-ГО ВѢКА.

За всю первую половину XVIII-го в. сельскій бытъ дворянства средней руки весьма мало измѣнился. Неизбѣжная служба по прежнему держала помѣщиковъ вдалекѣ, даже дальше прежняго, отъ родныхъ усадебъ. По прежнему въ деревняхъ жили только отставные старики да помѣщицы съ дѣтьми, охотно сохранявшіе старый обиходъ XVII-го в. Особенно охотно и крѣпко сохранился онъ въ деревенькахъ старыхъ московскихъ областей; южный и западный дѣло шло нѣсколько иначе, въ силу географическихъ и этнографическихъ особенностей. Зять Болотова, кашинскій помѣщикъ Травинъ, забѣжалъ въ 50-хъ гг. къ тепѣ въ Дворениново, и остался совершенно доволенъ его обстановкой, которую самъ мемуаристъ, вернувшись изъ Пруссіи въ 1762 г., призналъ убогой, и его обществомъ сосѣдей; видно, что и по ту сторону Москвы сельская жизнь текла тѣмъ же порядкомъ, какъ и подъ Каширой. За то у другого зятя въ Исковскомъ уѣздѣ жили комфорtabельный и веселый; тамъ заводился уже тотъ складъ помѣщичьей жизни, какой распространился при Екатеринѣ на всю крѣпостную Россію.

Въ 50-хъ гг. околодокъ Болотовскихъ владѣній былъ почти пустъ; всѣ помѣщики побогаче увозили съ собой свои семьи въ столицы или на мѣста своей службы; усадьбы кн. Горчаковыхъ, Писаревыхъ, Тимирязевыхъ пустовали. Кое-гдѣ въ убогихъ усадебкахъ сидѣли только помѣщицы побѣденный,

кому было ни подъ силу слѣдоватъ за мужьями, да совсѣмъ бѣдняки, отставные радовые, капралы и сержанты петровскихъ и аннинскихъ временъ; эти помѣщики отходали свой вѣкъ за полкомъ безъ надежды на офицерство по своей безграмотности, и за выслугой лѣтъ или ранами отправлялись на теплые печи своихъ избушекъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ крестьянскихъ.

Въ Двореиновѣ, близъ деревеньки въ 15-ть, 16-ть крестьянскихъ дворовъ, стояли группами среди своихъ садовъ и огородовъ три барскія усадьбы въ 30, 40 саженяхъ другъ отъ друга. Одна изъ нихъ стояла совсѣмъ пустая до самаго года смерти императрицы Елизаветы Петровны, въ другую наѣзжала мать мемуариста, а въ третьей еще при жизни брата поселился майоръ въ отставкѣ Матвѣй Петровичъ, ученикъ рижской школы. Обѣ первыя были усадьбы старыя, хорошей постройки, сооруженные при помощи издѣлій своихъ каширскихъ желѣзныхъ заводовъ; они помнили еще дѣловитаго помѣщика Кирилу Ерофеева, собиравшаго по клочекамъ наслѣдства послѣ погибшихъ родичей. Первая усадьба, окруженнная стариннымъ садомъ его посадки, принадлежала теперь его внуку Кириллу Матвѣевичу; послѣдній далеко обогналъ чинами всѣхъ своихъ родичей; въ самомъ концѣ царствованія Елизаветы Петровны онъ получилъ отставку съ переводомъ въ штатскіе чины тайнымъ советникомъ, и вернулся въ дѣдовскую усадьбу, гдѣ и умеръ, пальцемъ не тронувъ старины XVII-го в. Усадьба, принадлежавшая мемуаристу, была подобна генеральской, и основаніе ея записки относятъ къ тѣмъ же временамъ и приписываютъ Ларіону Осипову. За много лѣтъ «устованья», она ни мало не улучшилась; все въ ней старѣло и гнило своимъ порядкомъ; службы, когда-то прекрасно крытыя тесомъ изъ роскошныхъ старинныхъ лѣсовъ, теперь покрывались соломой поверхъ истлѣвшихъ досокъ; собственная дворянская винокурня исчезла; высокая крыша дома вся покрылась отъ моха, и единственная труба на ней развалилась; испортилась старинная рѣзьба на толстыхъ вычурахъ воротъ подъ широкой, поросшей кустами крышей. Самъ крѣпкій домикъ понемногу вросталъ въ землю, такъ что изъ окошка рука легко касалась земли.

Самая усадьба широко раскидывалась по обѣимъ сторо-
намъ деревенского проѣзда, по одну сторону барскій дворъ,
по другую овины, скирдникъ, конопляніе и пруды. Домъ
стоялъ среди двора и отдѣлялъ чистую переднюю половину
отъ заднаго двора. Одноэтажный, безъ фундамента, онъ вмѣ-
щалъ очень мало жилыхъ комнатъ; огромныя, по старинному,
сѣни и кладовая занимали болѣшую часть его. Передняя и
заднія сѣни отдѣляли три жилыхъ покоя отъ двухъ холодныхъ
кладовыхъ; изъ переднихъ дверь вела въ переднюю же ком-
нату, заль; самая большая изъ всѣхъ, эта комната была хо-
лодная безъ топки, и въ ней никогда не жили; ея тесовыя
стѣны и потолокъ почернѣли и закоптились отъ времени, что
при маленькихъ оконечкахъ придавало комнатѣ мрачный видъ;
вдоль темныхъ стѣнъ, по старинному, тянулись узкія деревян-
ныя лавки, а у переднаго угла стоялъ длинный стычной столъ,
покрытый ковромъ. Кіоты и множество образовъ одни укра-
шали покой. Только разъ въ годъ необитаемая комната ожи-
влялась и наполнялась народомъ, именно на пасху, когда
причетъ приходилъ со крестами и служилъ въ ней молебень.
Вторая угольная комната была главнымъ, почти единствен-
нымъ жильемъ хозяевъ; въ ней было больше оконъ и свѣту,
а огромная печь изъ разноцвѣтныхъ кафель давала много
тепла. Эта печь не мало забавляла просвѣщенного мемуариста:
„не скоро можно было добратся, откуда она топилась; над-
лежало лѣзть напередъ за печь, а тамъ поворачиваться на-
право и искать устья, ибо оно сдѣлано было отъ стѣны и
совсѣмъ въ темнотѣ. Тапливали ее обыкновенно дворовые бабы
поочередно и таскали превеликія ноши хворосту, и съ нимъ
залѣзали къ устью, прятывались и завѣшивались власно какъ
въ конурѣ“. Здѣсь опять сіяло многообразовъ; древній кіотъ
съ мощами и неугасимой лампадой занималъ передній уголъ.
Нѣсколько стульевъ, почернѣвшій комодъ одни напоминали
Европу. Здѣсь же стояла и кровать, постоянное мѣсто пребы-
ваніе полковницы. Третья меньшая комната имѣла много на-
значеній; она сообщалась съ задними сѣнями, и служила
одновременно дѣвичьей, лакейской и дѣтской. Здѣсь родился
авторъ записокъ, и подолгу живаль мальчикомъ въ уголкѣ,
отгороженномъ досками отъ прислуги.

Заднія сѣни вѣли въ пристроенную отдельно кухню или черную горницу. Тутъ жили дворовые со своими семьями, жилъ дядька Артамонъ и всѣ бывшіе „на сѣнахъ“, то-есть люди для домашней услуги. Вотъ и всѣ помѣщичи хоромы, впрочемъ, изъ простыхъ еще лучшія. На востокѣ отъ Москвы дворяне побогаче Болотовыхъ жилище еще проще; стоитъ вспомнить арзамасскія усадьбы Даниловыхъ¹⁾: высокія хоромы на омшаникѣ, съ двумя горницами, черной или кухней, и чистой, гдѣ жилъ помѣщикъ; тамъ вся семья умывалась въ одномъ жильѣ.

Въ добroе старое время мало цѣнили красоты природы; усадьба Болотовыхъ хотя и стояла на красивой вершинѣ близъ рѣки, но самыи домикъ былъ такъ поставленъ и такъ застроенъ службами, что изъ его окошекъ ничего не было видно, кромѣ двора. Молодой помѣщикъ екатерининского времени, вернувшись изъ-за границы, не мало огорчался этимъ равнодушіемъ своихъ предковъ къ ландшафту.

Даже отъ сельской улицы домикъ былъ загороженъ амбаромъ и колясочнымъ сараемъ. У древнихъ воротъ стояла курная людская избушка, въ которой всегда жилъ отдельно отъ прочаго люда прикащикъ. Задній дворъ глаголемъ окружалъ барскій; на немъ тѣснилось много построекъ; на первомъ планѣ къ улицѣ стояли людскія избы, курныя, ничѣмъ не отличавшіяся отъ крестьянскихъ; ближе къ откосу горы были разбросаны коровники, овчарники, кѣти и кѣтушки, лошадиный загонъ; ближе къ кухнѣ еще избы, ткацкая и огородъ съ начельникомъ, раскинутый надъ горой на самомъ лучшемъ мѣстѣ усадьбы; за нимъ шелъ крутой спускъ къ загрязненному скотомъ ручью заваленный мусоромъ и навозомъ, впрочемъ обсанженный кое-гдѣ и деревьями.

Усадьба почти со всѣхъ сторонъ была окружена зеленью; за чернымъ дворомъ росла прекрасная рощица, разведенная полковницей; а со стороны дома стоялъ садъ, густо заросшій чернолѣсемъ; прадѣдовскія фруктовыя дерсыя почти всѣ погибли отъ старости. Въ саду близъ заросшей тиной сажалки ютилась башка.— Два большихъ пруда, обычная принадлеж-

¹⁾ Майоръ Даниловъ, Записки. Русскій Архивъ. 1883 г., кн. 3-я.

ность барского хозяйства находились по другую сторону улицы близъ гумна, овина и сараевъ съ сѣномъ и соломой. Эту часть усадьбы тоже окружала молодая саженая рощица, тщательно разведенная и поливаемая при полковнице; ею же на прежнемъ коноплянике былъ разведенъ плодовый и вишневый садикъ. Хлѣбопашество было такъ неудобно на этихъ мѣстахъ, что еще ранѣе мемуариста, извѣстнаго садовода, его безхитростная мать безъ сожалѣнія отводила части своей пашни подъ рощи и сады. И такъ, въ усадьбѣ въ миниатюрѣ было все необходимое для помѣщичьяго хозяйства, до заброшенной винокурни включительно; но все въ крайне первобытномъ, неприхотливомъ видѣ; — даже овины оказывались не лучше и не больше крестьянскихъ.

По сосѣдству среди другой половины прадѣдовскаго сада стояла другая усадьба; ее отстроилъ въ царствованіе Анны маиръ Матвѣй Петровичъ, какъ только раздѣлился съ братомъ по старинѣ. Опытный инженеръ и фортификаторъ, строившій укрѣпленія Миниху, маиръ не придумалъ ничего нового для жилья, и вывелъ свои хоромы вполнѣ подобными дѣдовскими, даже нѣсколько менѣе. Мемуаристъ и выставляетъ свою усадьбу, какъ общий типъ дворянскихъ жилищъ, самый распространенный въ уѣзда.

— Впрочемъ, надобно замѣтить, говорить онъ далѣе съ своей точки зрѣнія, уже екатерининскаго времени, что «аковъ бѣденъ былъ нашъ домъ и дворъ, таковы же были и всѣ деревни наши».

И правда, сельское хозяйство шло плохо у мелкихъ дворянъ Каширскаго уѣзда. Почва обладала всѣми свойствами нечерноземныхъ центральныхъ уѣздовъ; да и той для нашей первобытной культуры оказывалось мало; еще въ XVII в. помѣщики густой толпой засѣли у Оки и ея притоковъ; въ XVIII-мъ — жить на одномъ здѣшнемъ помѣстѣ мелкому служилому человѣку стало очень тяжело; всѣ стремились посредствомъ купли или приданаго заполучить клочекъ деревеньки за степнымъ рубежомъ. Мы видѣли, что полковница Болотова охотно разводила рощи и сады на дворениновской пашнѣ; вмѣстѣ съ мужемъ она очень дорожила клочками своихъ владѣній въ Чернскомъ уѣзда и подъ Епифанью. За то въ тѣхъ

мѣстахъ хозяевъ донимала разбросанность и череззолосица земель. Изъ владѣній Андрея Тимофеевича только старое Трухино-Болотово да материнское Калитино лежали подъ руками; въ каждомъ изъ нихъ было всего по два крестьянскихъ двора; въ послѣднемъ стоялъ господскій домъ, такія же низенькие полныя древнихъ образовъ хоромы, какъ и Болотовская; тамъ выросъ Степанъ Бакѣевъ, герой шведскихъ войнъ, и воспитывалась мать мемуариста. Недалеко было и Тулеино, имѣнья бабушки Бабиной; тамъ въ 1762 г. оказалось цѣлыхъ шесть крестьянскихъ дворовъ; очевидно, этотъ клочекъ земли почитался самымъ доходнымъ изъ Каширскихъ владѣній, потому что тамъ поселили самое большое число крестьянъ, прикупленныхъ или переведенныхъ съ малодоходной земли, въ точности неизвѣстно. Но по документамъ значится, что Мавра Степановна въ 1737 г. продала свои приданыя 60 четей въ полѣ въ Серпуховскомъ уѣздѣ за 100 руб. безъ крестьянъ; можетъ быть ихъ то и перевели въ Тулеино. Нѣсколько позже полковникъ Болотовъ выкупилъ обратно ту землю этой деревни, которую его отецъ Петръ Ларіоновъ продалъ Палицыну. Всего въ Тешиловскомъ стану близъ береговъ Скниги у мемуариста сосредоточивалось въ 4-хъ деревняхъ 11-ть дворовъ.

Далѣе въ Ростовскомъ стану въ деревнѣ Бурцовой одноко стоялъ одинъ крестьянскій дворъ¹⁾ (тоже наслѣдство Бабиныхъ); другой дворъ отошелъ при раздѣлѣ къ Матвѣю Петровичу. Продавая свои земли въ подмосковныхъ еще болѣе заселенныхъ уѣздахъ мать Болотова очень охотно взяла за неуплату долга маленький клочекъ въ 15 ч. въ Чернскомъ уѣздѣ по р. Плавѣ. Эта земелька находилась среди недавнихъ еще дикихъ полей; здѣсь и въ 40-хъ гг. XVIII-го в. могли еще лежать кое-гдѣ нетронутыя мѣста, и бывали лишнія сверхъ дачъ самовольные распашки; при незначительности клочка ($22\frac{1}{2}$ дес.) и при одномъ крестьянскомъ дворѣ это владѣніе было очень выгодно по количеству хлѣба, доставляемаго помѣщику. Такъ же доходенъ по прекрасной земль

¹⁾ Къ этому двору Тимофеи Петровичъ выкупилъ часть земли другого наслѣдника изъ Бабиныхъ.

и урожаемъ былъ участокъ въ Епифанской деревнѣ Романцовѣ, гдѣ на 15 чет. числившeйся по документамъ земли жили и работали на помѣщика два крестьянскихъ двора. Сдѣлавшись опытнымъ, выдающимся для своего времени хозяиномъ Болотовъ твердо держался своей дѣдовской Бабинки, не смотря на ея отдаленность.

Но самой значительной и хлѣбной деревней была самая отдаленная степная Болотовка въ Шацкомъ уѣздѣ. Она еще не числилась во владѣніяхъ полковника, хотя онъ положилъ ей основаніе вмѣстѣ съ братомъ чуть ли не въ 30-хъ гг. Еще въ молодости онъ купилъ у кого-то ничтожныхъ 10 ч. въ п. около самой непочатой ковыльной степени¹⁾; и оба брата нашли, что этого вполнѣ достаточно, что бы завести тамъ селеніе; исполнителями явились довѣренный приващикъ и еще кое кто изъ каширскихъ людей или крестьянъ. Въ то время для небогатаго дворянина можно было рисковать деньгами и людьми, что бы улучшить свое помѣщичье состояніе; помѣстья и вотчины сравнялись въ одну частную дворянскую собственность, переходившую въ наслѣдство отъ поколѣнія въ поколѣніе.— Прекрасной дѣственной земли было вдоволь вокругъ болотовскаго клочка, и начальство долго не вступалось въ вольную распашку никому не принадлежавшихъ дикихъ полей. Въ первую половину XVIII-го в. весь Тамбовскій край пребывалъ еще въ хаотическомъ состояніи; помѣщики и крестьяне законными и незаконными способами завладѣвали тамъ землями и лѣсами. Его заселеніе началось рано и работало потихоньку въ теченіи XVII-го в., но сопровождалось большими неудобствами и опасностями, борьбой съ местными языческими племенами, съ набѣгами татаръ и ногайцевъ и со своими же разбойничими шайками; но въ XVIII-мъ в. только эти послѣдніе и тревожили мирныхъ жителей, и населеніе стало прочнѣй усаживаться на мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе и при Екатеринѣ II-й этотъ громадный край отличался патріархальной некультурностью; города казались слишкомъ маленькими и ничтожными даже и для каширскихъ помѣщи-

¹⁾ Записки т. 2-й стр. 682. Земля куплена въ однодворческихъ селеніяхъ до запретительного указа 1727 г.

ковъ; они состояли изъ деревянной ветхой крѣпости и сло-
бодокъ, отстроенныхъ какъ деревни. Были, впрочемъ, здѣсь
обширныя села, основанныя богатыми боярами, очень людныя,
со своими торгами и ярмарками; таковы Лысые Горы, Ло-
мовичъ, Разсказово; но въ общемъ степные деревушки имѣли
печальный видъ. Промышленность стояла на самомъ низкомъ
уровнѣ; путей сообщенія не было; многие необходимые пред-
меты, какъ желѣзо, привозились съ большими трудомъ.

Болотовъ съ дядей посѣтилъ впервые свой поселокъ въ 1764 г.
Ни отецъ, ни дядя никогда не заглядывали сюда. Селеніе
состояло въ вѣдѣніи прикащица и старосты, которые и до-
ставляли въ Дворениново или куда укажутъ оброкъ и хлѣбъ.
Тотчасъ за Козловымъ путешественники нашли изрядное
степное пространство, тянувшееся до Лысыхъ Горъ. Пере-
ѣхавъ Цну за Тамбовомъ, онъ оказался въ громадномъ строе-
вомъ лѣсу, болѣе чѣмъ на 100 в. въ длину; почти сутки
ѣхали этимъ лѣсомъ; а отдохнувъ въ знаменитомъ селѣ Раз-
сказовъ, путники пустились по поросшей ковылемъ необоз-
римой степи, и еще черезъ сутки прибыли въ свои владѣнія.
Деревенька поразила помѣщиковъ своимъ неопрятнымъ, жал-
кимъ видомъ. Рядъ кое какъ сколоченныхъ хибарокъ уто-
палъ въ накопленномъ почти до крыши навозѣ; да и крыши
то не было; хибарки стояли почти раскрытыя или едва за-
киданныя соломой; ихъ крошечныя слѣпныя оконечки были
затянуты пузыремъ. Во всемъ селеніи не оказалось ни одной
сколько нибудь сносной избенки. Здѣсь водился и такъ на-
зываляемый господскій дворъ, гдѣ жилъ прикащикъ изъ ла-
кеевъ; но и тамъ стояли лачуги ни мало не лучше крестьян-
скихъ съ дверками, какъ въ свиной хлѣбѣ въ аршинъ съ
чѣмъ нибудь вышиной, хотя лакей былъ малый бывалый, и
не одинъ годъ провелъ съ бариномъ въ Пруссіи. Въ такой
обстановкѣ существовали цѣлые поколѣнія трудового люда,
колонизовавшаго одну изъ нашихъ хлѣбороднѣйшихъ областей.
У заброшенныхъ за лѣса и степи людей былъ только хлѣбъ,
добываемый то тутъ, то тамъ съ новины, распаханной не-
брежно, самыми плохими орудіями; и при всемъ томъ они
были самыми вѣрными кормильцами своихъ господъ. Впро-
чемъ, и у нихъ случались неурожаи; тогда лишенная своего

единственного имущества деревенька теряла свои жидкія со-
ломенные крышки и еще глубже зарывалась въ навозъ.

У мемуариста здѣсь оказалось 10 дворовъ съ 35 душами
населенія; почти столько же было у его дяди, хотя тотъ ни-
какой земли здѣсь не покупалъ; онъ только присоединился
къ брату и прислалъ крестьянъ распахивать степь. Мы не
знаемъ точно къмъ засѣяли Болотовы этотъ участокъ; вѣ-
роятно частью выведенными своими людьми, частью мѣстными
пришлыми и купленными; оказывались здѣсь и бѣглые. Въ
XVIII-мъ в. здѣсь стояла очень низкая цѣна на крѣпостную
душу; за 20 съ небольшимъ рублей можно было приобрѣсти
цѣлую семью съ дѣтьми.

Послѣ указа о вольности дворянства 1762 г. тамбовскія
степи стали быстро украшаться помѣщичими усадьбами; въ
1764 г. Болотовъ нашелъ близъ своей грязной заброшенной
деревушкѣ сосѣдей - номѣщиковъ, прочно устроившихся на
житѣ.

Итакъ, авторъ записокъ наслѣдовалъ отъ своихъ роди-
телей 27 крестьянскихъ дворовъ. На 10 дворовъ въ Шац-
скомъ имѣніи приходилось по дѣламъ 3-ей ревизіи 35 душъ;
въ остальныхъ деревенькахъ населеніе жило тѣснѣй, и мы
можемъ смѣло положить до 5 душъ на дворъ¹⁾; получимъ
приблизительное общее число въ 120 душъ, а съ дворовыми
у нашего героя могло набраться и 140. Такое имущество
въ половинѣ прошлаго вѣка обеспечивало существованіе дво-
рянской семьи; оно доставляло готовое пропитаніе хлѣбомъ
и запасами, и давало слишкомъ 100 р. чистыми деньгами;
но на воспитаніе и обученіе дѣтей такихъ средствъ, конечно,
не могло хватить. Даже гораздо позже, послѣ 1771 г., ба-
бушка Энгельгардта, какъ свидѣтельствуютъ его записки,
имѣя 100 душъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ, получала съ нихъ
всего 100 р. деньгами и жила безбѣдно. На ту же цифру до-
хода указываютъ и записки Болотова. Когда авторъ жилъ съ

¹⁾ Дѣла молод. лѣтъ, кн. 20-я, № 11-й. У двоюроднаго дѣда автора,
Кирилы Матвѣевича, въ Дворениновѣ приходилось до 6 д. на дворъ, а на
усадѣбѣ жило 26 чел. дворовыхъ. Въ Болотовѣ приходилось ровно по 4
ревизскихъ души на крестьянскій дворъ. Самъ авторъ говоритъ въ за-
пискахъ, что на дворъ полагалось въ его время болѣе 4-хъ душъ.

полкомъ въ Остзейскомъ краѣ, а затѣмъ въ Кенигсбергѣ въ эпоху семилѣтней войны, дворовые люди, иногда крестьяне разъ въ годъ привозили ему изъ Каширы на подводахъ деревенские доходы и припасы. За первые два года онъ не помнить суммъ: разъ привезли ему „довольное количество денегъ“, а другой только „нѣкоторое количество“. Но въ 1758 г. онъ съ радостью получилъ болѣе ста рублей деньгами и, кромѣ того, нѣсколько покупныхъ вещей для похода въ Пруссію. Затѣмъ, черезъ 2 года, мужичекъ привезъ ему въ Кенигсбергѣ всего 200 р. чистыми деньгами; онъ ѿхалъ въ непріятельскую землю съ опаской, деньги спряталъ въ выдолбленную ось телѣги, а самъ одѣлся нищенски, не желая возбуждать подозрѣній. Баринъ нашелъ, что такой доходъ недостаточенъ; „видно была въ нихъ изрядная экономія?“ — говорить онъ про свои имѣнья. Слѣдовательно нормальнымъ денежнымъ доходомъ со своихъ деревень авторъ считалъ 120—130 руб. въ годъ, то есть около рубля съ души; ста рублями онъ бывалъ недоволенъ. Какъ при матери, такъ и за время его малолѣтства и походной жизни все хозяйство лежало на рукахъ старость и приказчиковъ изъ дворовыхъ, и главнымъ образомъ старшаго приказчика, проживавшаго въ Дворениновѣ старика, служившаго кучеромъ при покойномъ полковнику. Въ эту важную должность управителя сельскими хозяйствомъ возводили не за знаніе дѣла и хозяйственныхъ способностей, а за вѣрную службу въ домѣ барина, за внушительную старость.

Въ критическихъ финансовыхъ затрудненіяхъ молодаго помѣщика не разъ выручали преданные дворовые. Еще 14 лѣтнимъ мальчикомъ, учась въ Петербургѣ, Болотовъ съ помощью дядьки отдалъ одного изъ своихъ слугъ въ работники на фабрику, и тотъ не только самъ себя содержалъ, но еще приносилъ такой доходъ, что барчукъ заработанными имъ деньгами оплачивалъ свое ученье у М-г Лаписа. Въ другой разъ въ Кенигсбергѣ чуть ли не тотъ же слуга, записки не называютъ его, еще болѣе одолжилъ барина. Получивъ въ 1762 г. неожиданный приказъ о своемъ назначеніи въ кирасирскій полкъ Корфа, мемуаристъ горько задумался, на какія средства ѿхать въ Петербургѣ, шить себѣ форму но-

ваго образца, завести хорошую лошадь, съдло и т. д. Одинъ изъ его крѣпостныхъ, видя такое горе, тотчасъ принесъ ему полтораста рублей. „Возьмите ихъ, сударь, а мнѣ когда-нибудь отдадите ужо, а теперь на что мнѣ они? я, сударь, и самъ вашъ, извольте ихъ взять, и я радъ, что они у меня на ту пору случились“, уговаривалъ онъ обрадованнаго барина. Отпущеній на собственное иждивеніе, сметливый человѣкъ нанялъ квартиру съ конюшней и началъ промышлять покупкой, мѣной и продажей лошадей, добывая ихъ изъ русскихъ обозныхъ и браковокъ, и, какъ непьющій и дѣльный малый, нажилъ цѣлый капиталъ. Но люди съ беззаботной рабской преданностью были таки рѣдки. Другой дворовой во время похода позаботился прежде всего о своей свободѣ, и бѣжалъ отъ Болотова въ Польшу; „вѣроятно, потому, что я его никогда не былъ“, — иронизируетъ авторъ. Грустно разстался съ бариномъ и умный дядька Артамонъ. Всю привлекательную для поклонниковъ старины патріархальность отношеній между дворяниномъ-воспитанникомъ и рабомъ-педагогомъ портилъ единственный недостатокъ дядьки: онъ былъ подверженъ „той проклятой слабости, которой такъ многие наши рабы подвержены бываются, т.-е. любилъ выписывать“, говорить записки. Находясь безотлучно при барчукѣ, онъ не могъ всегда скрыть отъ него свою слабость; поэтому, пропрѣжившись, наставникъ Закона Божія валялся въ ногахъ ученика, умоляя наказать его тутъ же, чѣмъ попало, только не говорить роднымъ. Позже страсть усилилась; Артамонъ сталъ такъ пить, что своихъ средствъ ему не хватало; онъ подобралъ ключи къ шкатулкѣ Болотова и бралъ оттуда деньги по мелочамъ. Когда дѣло открылось, произошла тяжелая сцена моленій, земныхъ поклоновъ и проч. Авторъ, тогда уже офицеръ, полагая, что исправленіе невозможно, отправилъ его въ деревню съ письменнымъ приказаніемъ приказчику употреблять его на всякую работу. „Симъ образомъ принужденъ я былъ наказать сего изшалившагося человѣка; но признаюсь, что при подписываніи сего письма, смущала меня нѣсколько совѣсть. Я вспомнилъ всю прежнюю его службу и обо мнѣ въ малолѣтствѣ попеченіе, и мнѣ казалось, что я наказываю его уже слишкомъ строго“, пишетъ авторъ, но совѣсть его скоро

успокоилась; Артамону нашли дѣло по способностямъ; ему поручили хлопотать въ Москвѣ о вводѣ его питомца во владѣніе всѣми имѣньями, полученными отъ родителей. Чѣмъ кончился этотъ заурядный эпизодъ изъ исторіи нравовъ крѣпостной Россіи, мы не знаемъ; повидимому гофмейстеръ умеръ ранѣе отставки и вдоворенія Болотова въ Дворениновѣ.

Какъ же жили каширскіе дворяне среди своей сельской обстановки?

Множество историческихъ матеріаловъ указываютъ на то, что реформа въ дворянской службѣ и въ образованіи встрѣтила массу противодѣйствій, уклоненій, побѣговъ; жалобы на уклоненія отъ службы встрѣчаемъ безпрестанно и въ царствованіе Анны и въ царствованіе Елизаветы. Однако въ общемъ реформа глубоко захватила весь служилый классъ, заставивъ его надолго оторваться отъ старыхъ насиженныхъ гнѣздъ и даже увести съ собой свои семьи, своихъ дѣтей, которые въ силу этого росли и воспитывались въ иной обстановкѣ. Описывая уединенную жизнь своей матери, нашъ мемуаристъ говоритъ: „околодокъ нашъ былъ тогда такъ пустъ, что никого изъ хорошихъ и богатыхъ сосѣдей въ близости къ намъ и не было. Все дворянство находилось тогда въ военной службѣ, и въ деревняхъ живали одни только престарѣлые старики, немогущіе болѣе нести службу или за болѣзнями и дряхлостью отставленные, и всѣхъ такихъ было не много“. Тѣмъ не менѣе вокругъ полковницы, какъ самой чиновной особы околодка, составился кружокъ лицъ, очень любопытныхъ для характеристики того времени.

Сама помѣщица по сознанію сына была женщина нравная и неуступчивая, хотя въ сущности не злая. Старинная деревенская дворянка, она плохо сходилась съ мужемъ, человѣкомъ своего времени по воспитанію. Въ лицѣ ея передъ читателемъ встаетъ одинъ изъ самыхъ незамысловатыхъ типовъ старо-русской женщины; эта единственная дочка отца воспитывалась подобно той старушкѣ, которая говорить въ воспоминаніяхъ Дмитріева: „Мы у батюшки съ матушкой отлично воспитаны были: одного меду не въ проѣдь было“. Полковница крѣпко хранила свой старый закалъ; житѣе въ нѣмецкомъ краѣ, общество мужа и его пріятелей не имѣли

на нее вліяніе, и она осталась до смерти „старого вѣка госпожей“, какъ находилъ сынъ. Незамѣтно, чтобы она знала грамоту, а, впрочемъ, сынка строго заставляла учиться. Овдовѣвъ, еще не старая, она крѣпко засѣла въ единственной уютной комнатѣ своего домика, очень рѣдко выѣзжала, и то только на богомолья, скоро отвыкла выходить за порогъ, и наконецъ, совсѣмъ слегла въ постель, чувствуя слабость ногъ и преждевременную дряхлость. Привыкнувъ къ лежанью, она уже боялась спускаться съ постели, а если и рѣшалась, то съ отвычки падала, зашибалась, и затѣмъ надолго отказывалась отъ движения. Сынъ видѣлъ, что не лѣта уходили мать, а обрюзглость, слабость и хилость, что по словамъ иностранцевъ часто бывало удѣломъ русской женщины старыхъ временъ; это являлось слѣдствиемъ сидачей неподвижной жизни въ теплѣ и нѣгѣ, при отсутствіи всякой живой дѣятельности, всякихъ возбуждающихъ интересовъ.

По своей набожности Болотова входила въ тѣсныя сношенія съ духовенствомъ своего прихода, и ея духовникъ, священникъ погоста Николы Чудотворца въ Русатинѣ, былъ главнымъ совѣтникомъ и дорогимъ гостемъ. Записки относятся къ этому лицу съ тонкой, но щекой ироніей; мемуаристъ всю жизнь былъ глубоко религіозенъ, но это не мѣшало относиться къ духовенству иронически, иногда съ отвѣнкомъ презрѣнія. Это пренебрежительное отношеніе нашего дворянства отмѣтилъ изслѣдователь Знаменскій въ своемъ труде „Приходское духовенство въ Россії“; среди грамотнаго дворянства оно вызывалось низкимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ сельского духовенства и его несамостоятельнымъ положеніемъ, заставлявшимъ заискивать у помѣщиковъ; сельскій священникъ весьма мало соответствовалъ скромнымъ требованіямъ, съ которыми сознательно набожный человѣкъ того времени могъ относиться къ церковному пастырю.

Но духовникъ помѣщицы Болотовой съ выгодой для себя отличался отъ многихъ своихъ товарищей: „Сія духовная особа, говорять записки, была совсѣмъ отмѣнного характера, нежели прочие деревенскіе попы... отецъ Илларіонъ былъ не только умнѣе сотни другихъ поповъ, но и вель сеѧ сте-

пенно, важно, осанисто, и такъ, что не можно было не имѣть къ нему почтенія". Онъ любилъ говорить, и говорилъ складно и занимательно; но главной темой его разсказовъ были повѣствованія о его приказныхъ дѣлахъ и хлопотахъ, которымъ онъ предавался со страстью чуть ли не весь своей вѣкъ вслѣдствіи непримиримой вражды къ своему товарищу, другому попу того же прихода, отцу Ивану. „Чудное по истинѣ дѣло, воскликаетъ мемуаристъ, цѣлый свой вѣкъ старались они другъ друга погубить, но никто не могъ ничего другому сдѣлать, и вся польза отъ ихъ вѣчной тяжбы была та, что оба они обѣднѣли, и обоихъ въ консисторіи обирали, а безъ того бы они были богатые люди, ибо приходъ былъ богатый". Духовникъ обращалъ особенное вниманіе на полковницу, какъ на самую чиновную и знатную особу прихода; у нея на дому онъ часто служилъ всенощная и молебны, и помимо того часто заходилъ побесѣдоватъ. Набожная, безпомощная вдова сильно поддавалась его влиянию, слушая его „сладкіе разсказы", и никакого семейнаго дѣла не предпринимала безъ его совѣта; съ своей стороны она всячески старалась ему угождать и помогала въ его хозяйственныхъ нуждахъ. Чтобы держать въ рукахъ духовную dochь, отецъ Илларіонъ пускалъ иногда въ ходъ мѣры весьма схожія съ тѣми, какими въ позднѣйшее время сельское духовенство устрашаетъ крестьянъ; „мстительный и злопамятный", по мнѣнію автора записокъ, онъ „связалъ на духу" помѣщицу, т.-е. не далъ ей отпущенія грѣховъ, за то, что она не исполнила какой-то его просьбы; къ этой карѣ онъ давно внушалъ ей смертельный страхъ. Бѣдная женщина захворала отъ ужаса; а духовникъ заставилъ себя долго умилостивлять, чтобы выхлопотать отпущеніе. Но и послѣ этого случая добрыя отношенія ихъ не измѣнились. Если Болотова рисковала иногда выѣхать на богоомолье, отецъ Илларіонъ, несмотря на преклонные годы, сопровождалъ ее верхомъ на своемъ конѣ.

Оставшись послѣ смерти матери совсѣмъ одиночимъ въ своей усадьбѣ, 14-ти-лѣтній помѣщикъ не только примирился съ сельскимъ духовенствомъ, но даже радовался этому обществу, какъ обществу грамотныхъ людей. Отецъ Илларіонъ хорошо зналъ сельское хозяйство, былъ знакомъ со всѣмъ

околоткомъ и давалъ юношѣ очень практические совѣты, какъ жить и хозяйство вести. Въ его братѣ, дьяконѣ, Болотовѣ цѣнился веселый нравъ и шутливость. Пріѣзжали иногда и другіе священники сосѣднихъ приходовъ. Юноша пускался съ ними и въ длинныя богословскія бесѣды. Начитавшись Читей-Миней и Яворскаго, онъ скоро началъ поражать гостей своими познаніями, совершенно забивалъ ихъ, запутывая вопросами, въ которыхъ они, никакихъ премудростей не читавши, ничего не понимали. Смущенные „попы“ прославляли его въ околодкѣ чуть не „богословомъ“, а онъ въ своихъ запискахъ называлъ ихъ „неучами“, которые „не могутъ даже судить о томъ, что бѣло, что черно“. Такимъ образомъ, учителемъ мемуариста въ библейской исторіи, въ основныхъ догматахъ вѣры является крѣпостной дядька, сдѣлавшійся впослѣдствіи прикащикомъ въ его деревняхъ; а деревенскій духовникъ, который былъ несравненно умнѣе и поченіе множества другихъ сельскихъ поповъ, поучалъ духовнаго сына веденію хозяйства и тяжѣбныхъ дѣлъ, тому, какъ поддерживать свое достоинство, чтобы заслужить хорошую славу у сосѣдей; онъ же наводилъ иногда страхъ на весь свой приходъ суевѣрной возней съ колдовствомъ и чарами, которые будто бы насылались на него врагами по тяжbamъ.

Другимъ интересомъ въ жизни вдовы-помѣщицы была давнишняяссора съ братомъ мужа, Матвѣемъ Болотовымъ; оба они были людьми нравными, неуступчивыми; вдова, кроме того, придирчива и вспыльчива, а майоръ скупъ и питалъ страсть къ сутяжничеству; при невоспитанности и неодержанности, обычными въ обществѣ того времени, для такихъ характеровъ довольно было малѣйшаго столкновенія, и вражда разгоралась. Важную роль въ подобныхъссорахъ родичей-сосѣдей играли дворовые люди; при такихъ рамкахъ сельскаго быта помѣщики жили съ ними въ самомъ тѣсномъ общеніи, а дворовые привыкали принимать живѣйшее участіе въ интимной жизни своихъ господъ, и своими наговорами, перебранками и сплетнями разжигали несогласія между повелителями.

Какъ старшая чиномъ въ околоткѣ, вдова Болотова справляла у себя храмовые и другіе самые важные праздники и

созывала свое бѣдное сосѣдство и кое-какихъ родственниковъ. Обычными гостями были три семьи; ея двоюродный братъ, Писаревъ, отставной дворянинъ изъ нижнихъ чиновъ, невыслужившійся по незнанію грамотъ, но любимый сосѣдями за шутливый нравъ и веселость въ компаніи; „жена его была старушка самая плюшечка и человѣкъпрепростой“; они были такъ бѣдны, что ихъ дочь, дѣвушка на возрастѣ, проживала на хлѣбахъ у Болотовой; а сыновъ старишка „была самая неугомонная, вѣтряная и такая голова, что нерѣдко онъ его на щѣль приковывалъ“. Другого гостя и пріятеля матери авторъ тоже называетъ „наипростѣйшимъ старикомъ“ и „сущую курочку“; солдатъ гвардіи, отставленный канцлеромъ, Картинъ, помнилъ еще самую старинную службу; зато жена его была бойчѣе всѣго прочаго женскаго персонала. Родственникъ полковницы, Бакѣевъ, бывшій гвардейскій офицеръ, почитался умникомъ и „философомъ“ среди этой компаніи; онъ былъ грамотенъ, пожилъ въ столицахъ, вообще пообтерся на службѣ; въ этомъ и заключалось его образованіе. Гости съѣзжались на праздники въ странныхъ долгополыхъ кафтанахъ, въ такихъ старинныхъ уборахъ, что 12-тилѣтній ученикъ пансиона Ферре поразился ихъ внѣшнимъ видомъ и обхожденiemъ и съ трудомъ привыкъ къ нимъ. Въ будни же мелкопомѣстные нисшей дворянской статьи нашивали, вѣроятно, и крестьянские армяки. Ихъ жены носили русскіе шушуны, голландскіе бостроки (кофты со сборками), часто съ короткой юпкой, по старинной модѣ нѣмецкой слободы.

Хозяйка была хлѣбосольна и угощала гостей на убой, по старинному. „За обѣдами и ужинами гуляли чарочки, рюмки и стаканы, а нерѣдко гуляли они по рукамъ и въ прочее время; старики наши вставали отъ того изъ-за стола подгулявши, и они праздновали у насъ днѧ съ три и болѣе. По утрамъ бывали у насъ обыкновенно праздничные завтраки; тамъ обѣды и за ними подчиванья; тамъ закуски и заѣдки; послѣ того чай, а тамъ ужины. Спали всѣ на землѣ повалкою, а по утру, проснувшись, опять принимались за ъду и за прочее тому подобное“. На Рождество прїехалъ разъ зять Травинъ, тверской помѣщикъ и офицеръ; гостей съѣхалось

тогда больше обыкновенного. Зять весельчакъ завелъ тогда святочные игры, старинныя деревенскія забавы; катанья, пляски и пѣсни, и маленькая компанія шумно провела праздники. Въ двухъ теплыхъ и тѣсныхъ покойцахъ Болотовой веселились вмѣстѣ, какъ умѣли, три поколѣнія — отставные солдаты и капралы Петровскаго регулярства, молодой офицеръ щеголеватыхъ Елизаветинскихъ временъ и 12-ти-лѣтній почитатель книгъ и науки, будущій Екатерининскій помѣщикъ-литераторъ.

Эти немногіе типы и черты нравовъ сельского дворянства служать нѣкоторымъ образомъ пояснительной иллюстраціей къ комедіямъ фонъ-Визина; это та почва, на которой росли Скотинины, Простаковы со своимъ потомствомъ, мирными неучами или звѣроподобными Митрофанами въ родѣ того юноши, котораго отецъ собственноручно сажалъ на цѣпь. Эта глава записокъ вполнѣ объясняетъ неизбѣжность существованія извѣстнаго контингента совершенно безграмотныхъ дворянъ, за которыхъ подъ наказами 1767 г. прикладывали руки по довѣренности.

Бакѣевъ и отецъ Илларіонъ являлись иногда вмѣстѣ въ Дворениново по особому приглашенію помѣщицы; они были непремѣнными членами ея семейства по особо важнымъ дѣламъ, который собирался у ея постели при неизбѣжномъ участіи дядьки Артамона въ качествѣ секретаря и стряпчаго. На этомъ совѣтѣ рѣшено было путешествіе дядьки въ Петербургъ съ членовитной въ военную коллегію, где онъ долженъ былъ выхлопотать своему воспитаннику отпускъ до 16-ти-лѣтнаго возраста, и порученіе было выполнено имъ блистательно. Тѣ же совѣтчики принимали живое участіе въ любопытной тажбѣ Болотовыхъ, рисующей смутныя понятія общества того времени о законности и печальное состояніе судопроизводства. Полковникъ имѣлъ какія-то дѣла съ однимъ каширскимъ подьячимъ, и когда-то спасъ его своимъ внимательствомъ отъ суда и кары за его мошенническія проказы. Между тѣмъ у подьячаго бѣжала крѣпостная женщина, укрылась въ Шацкой дальней деревнѣ Болотовыхъ, вышла замужъ за ихъ крестьянина и обзавелась домомъ и семьей. Подьячій, зная все это, молчалъ, пока живъ былъ

благодѣтель, а на его беззащитную вдову подасть вдругъ жалобу, обвиняя въ укрывательствѣ бѣглой и искъ на огромную сумму. Совѣтъ полковницы рѣшилъ, что на первую посыпку изъ суда не стоитъ обращать вниманія, нужно ждать второй и третьей, а тѣмъ временемъ разузнать обстоятельства дѣла. Собравъ всѣ свѣдѣнія, всѣ три совѣтчика предупредили вдову, что законы и указы всѣ противъ нея; остается только одинъ выходъ — тормозить дѣло и всѣми мѣрами склонять противника на полюбовную сдѣлку съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ что-нибудь изъ своего иска. Но въ Каширѣ воевода и приказные были своими людьми отставному подьячему, и всѣ какъ слѣдуетъ задобрены. Перепуганной женщинѣ пришлось самой тащиться въ городъ. Воевода принялъ ее сперва надменно, но, получивъ по чину приношеніе, смягчился и обѣщалъ затянуть дѣло, что вполнѣ отъ него зависѣло и даже уговаривать противника. Дѣло, дѣйствительно, затянулось, но истецъ продолжалъ требовать громадную сумму. — „Подозрѣвали, что самъ воевода съ нимъ шильничалъ, — пишетъ мемуаристъ, — и его наущалъ, дабы ему самому тѣмъ болѣе отъ нась и отъ него поживиться было можно“.

Какъ ни хлопотали Болотовы, но дѣло кончилось черезъ годъ съ громадными для нихъ убыtkами; они должны были отдать подьячему его женщину съ мужемъ, дѣтьми и всѣмъ дворомъ, который перевезли къ нему на свой счетъ и выплатили 800 р. деньгами, огромную сумму для того времени. Такъ неблагополучно окончилось знакомство полковника съ нечистымъ на руку подьячимъ съ „крапивнымъ сѣменемъ“.

Особнякомъ отъ всего дворяниновскаго околодка держался Матвѣй Болотовъ, геометръ и фортификаторъ выучки Ганибала. Подобно брату полковнику, онъ немногому учился въ юности, но несложная программа петровской эпохи была имъ твердо усвоена, и интересъ къ знанію не покидалъ его и въ сельской глухи. Майоръ помогъ племяннику закончить необходимую для офицера программу математическихъ свѣденій; самъ любилъ почитать, любилъ писать и переписывалъ для себя особенно понравившіяся книги. Въ то время книгъ было очень мало, а въ Каширскихъ деревенькахъ онъ

являлись цѣнной рѣдкостью, и любителямъ книжности волей-неволей приходилось воспроизводить для себя рукописные экземпляры. Матвій Петровичъ былъ все-таки самыи образованнымъ человѣкомъ изъ всего сосѣдства; и племянникъ послѣ смерти матери очень сошелся съ дядей и съ пользой проводилъ у него время. Старикъ охотно разсказывалъ о своей военной службѣ, о Миниховскихъ походахъ, объ укрѣпленіяхъ, которыхъ онъ строилъ на правахъ инженера. Въ отставкѣ въ деревнѣ ученикъ рижской школы сдѣлался дѣльнымъ, практичнымъ хозяиномъ; племянникъ про него одного изо всѣхъ сосѣдей говорить, что дядя любилъ свое сельское хозяйство.

Но подъ старость хозяйственныи наклонности майора омрачились непривлекательной скучностью; отказывая себѣ въ платьѣ и щѣдѣ, онъ не изнашивалъ одного кафана въ нѣсколько лѣтъ, а столъ его долго удивлялъ племянника грубымъ безвкусiemъ. Кромѣ того онъ, живя въ деревнѣ, сдѣлался рѣдкимъ законовѣдомъ, законы и указы заучилъ чуть не наизусть, предался страсти къ сутяжничеству, и часто злоупотреблялъ своими знаніями, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы заводить ссоры и тяжбы съсосѣдями, отважно пускался въ „ябедническія предприятия“.

На немногихъ страницахъ записокъ пришлось уже встрѣтить не малое число лицъ, отличавшихся любовью къ тяжбамъ и умѣньемъ вести приказныи дѣла. Въ первой главѣ этой книги была уже отмѣчена эта наклонность тягаться изъ-за участковъ помѣстій среди помѣщиковъ до-реформенной эпохи; къ концу XVII в. когда судопроизводство усложнилось, указы и толкованія ихъ умножались, страсть къ сутяжничеству, къ приобрѣтеніямъ на основаніи перетолкованной въ свою пользу буквы закона стала замѣтно охватывать все московское общество. Реформа своими законодательными мѣрами далеко не остановила развитія этой страсти, и въ первой половинѣ XVIII в. она проявлялась среди всѣхъ сословій. Приглядываясь къ любопытнымъ типамъ, которые даютъ живые памятники эпохи, подобные запискамъ Болотова, поражаешься, до чего сутяжничество и ябедничество искажало нравственную

природу человѣка. Это искаженіе показываетъ какъ громадно для общества воспитательное значеніе законодательства и учрежденій. Неясность законодательства, печальное состояніе судопроизводства не развивали въ людяхъ чувства законности; напротивъ, они создали цѣлое сословіе приказныхъ, промышлявшее именемъ закона, слившее въ народѣ подъ презрительной кличкой „крапивного сѣмлнн“; своими темными свойствами оно скоро заразило и прочія сословія; знаменитый Татищевъ настойчиво совѣтуетъ сыну въ своей „Духовной“ изучать не только законы, но и ябеднические пріемы, чтобы не проигрывать въ тяжбахъ. Такіе же совѣты давали юношѣ Болотову отецъ Илларіонъ и дядя майоръ.

Мы знаемъ, что зять Болотовыхъ, Тверской помѣщикъ Травинъ, заѣхавъ въ Каширу, остался вполнѣ доволенъ обстановкой жизни дворениновскихъ помѣщиковъ и ихъ гостями; нѣсколько иначе относился къ нимъ старшій зять Неклюдовъ, помѣщикъ Псковской губерніи. Самъ онъ ни разу не заѣжалъ въ Дворениново; но когда 16-ти-лѣтній каширецъ, проживъ года полтора одинъ въ своей деревнѣ, навѣстить ихъ проѣздомъ въ Лифляндію, Неклюдовы нашли, что юноша одичалъ и распустился; пожилая сосѣдка, недавно перебравшаяся изъ Петербурга, взялась пообтесать и вышколить его. Дѣйствительно, въ этой губерніи складывалась болѣе веселая, свѣтская, на европейскій манеръ, дворянская жизнь; самое домашнее хозяйство велось иначе.

Псковская губернія издавна отличалась производствомъ льна; всѣ тамошніе помѣщики занимались разведеніемъ его, сбывали въ Нарву, а оттуда за-границу; онъ служилъ самой доходной статьей ихъ хозяйства. Неклюдовъ, имѣя обширныя помѣстья, засѣвалъ ленъ въ большемъ количествѣ, кромѣ того, скупалъ у своихъ и сосѣднихъ крестьянъ; осенью особые наемные рабочіе трепали, перечищали этотъ ленъ и вязали въ опрятные тюки для продажи. Обработка доходнаго продукта очень оживляла хозяйство, вызывала постоянныя сношения съ торговыми пунктами, близкими къ столицѣ. Самъ помѣщикъ, кромѣ начальной грамоты, никакимъ наукамъ не обучался и не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ книжнымъ занятіямъ, за то очень любилъ всякия мастерства и художества;

для себя лично онъ держалъ ящики разнообразныхъ инструментовъ, самъ точилъ и рѣзаль, и всѣхъ своихъ дворовыхъ обучилъ мастерствамъ; у него были хорошия ткачи, портные, сапожники, свои токари, рѣзчикъ, слесарь, кузнецъ, даже съдельникъ; и чтобы никто не сидѣлъ безъ работы и не ъѣль даромъ хлѣба, хозяинъ всѣмъ находилъ заказы и работу.

Дома Псковскихъ помѣщиковъ, по словамъ мемуариста, строились особеннымъ образомъ,—всегда на двѣ половины, одну жилую занимали хозяева, другую чистую, всегда прибранную, готовили для гостей и пріѣзжихъ. Домикъ Неклюдова, какъ достаточнаго человѣка, былъ хорошо отѣланъ, стѣны оштукатурены и даже раскрашены масляными красками. Болотовъ по-долгу гостили у зятя и благодаря его открытой жизни перезнакомился съ его псковскимъ сосѣдствомъ. По имениннымъ и праздничнымъ днямъ у Неклюдовыхъ собирались очень многочисленное общество; многія помѣщичьи семьи являлись во всемъ своемъ составѣ, съ прислугой, такъ какъ пріѣзжали не на одинъ день. Самымъ выдающимся гостемъ былъ полковникъ Сумароцкій, державшій даже свою „музыку“; но эта музыка еще мало походила на помѣщичьи оркестры конца XVIII в.; она состояла изъ трехъ или четырехъ человѣкъ дворовыхъ, игравшихъ на скрипкахъ самые употребительные танцы, а помѣщики возили музыкантовъ съ собой за колясками въ качествѣ лакеевъ. Именины у Неклюдовыхъ спрашивались большимъ обѣдомъ, за которымъ много бесѣдовали; мальчика Болотова, пріѣхавшаго разъ прямо изъ Петербурга, усердно распрашивали, интересовались всѣмъ, что дѣжалось въ столице. Вскорѣ послѣ обѣда появлялся оркестръ Сумароцкаго, и молодежь принималась за танцы; всѣ старательно выводили менуэты и контрансы. Пожилыя барыни садились играть въ карты, которыхъ уже начинали распространяться въ провинціяхъ; любимой игрой былъ тогда панфель. Что касается мущинъ въ лѣтахъ, то „сіи упражнялись, держа въ рукахъ то и дѣло подносимыя рюмки, въ разговорахъ, а какъ подгуляли, то захотѣли и они танцами повеселиться“. По ихъ приказанію музыка стала играть русскія плясовыя; барыни бросали карты и присоединялись къ пляшущимъ. „Къ музыке присовокуплены были дѣвки со

своими пѣснями, а на смѣну имъ созваны были умѣющиѣ пѣть лакеи; и такъ поперемѣнно то тѣ, то другіе утѣшали подгулявшихъ господъ до самаго ужина". Европейскіе танцы являлись только принадлежностью молодежи въ уѣздной глупши, и служили первымъ шагомъ къ сближенію общества; когда праздникъ разгорался, переходили къ старымъ русскимъ забавамъ. У сосѣднихъ псковскихъ помѣщиковъ, въ которымъ Болотовъ Ѵзилъ вмѣстѣ съ родными, веселились точно также. Эти комнатныя забавы часто замѣняли охотой разныхъ видовъ, огромными рыбными ловлями, неводами и въ прорубяхъ и проч.

О столичной жизни дворянства Болотовъ говорить мало; онъ много разъ бывалъ въ Петербургѣ въ дѣтствѣ и моло-дости, но всегда былъ занятъ ученьемъ или службой, и его отзывы о людяхъ и нравахъ столицы приходится разнести по разнымъ главамъ нашего обзора. Эту главу мы закончимъ нѣсколькими словами по поводу пребыванія нашего героя въ Петербургѣ въ 1751 году; это отѣнить и хорошо дополнить очеркъ дворянской жизни и нравовъ въ половинѣ прошлаго вѣка, какъ ихъ рисуютъ записки.

Въ 1751 году мальчику пришлось жить у дальняго род-ственника, ротмистра конной гвардіи Арсеньева. Послѣдній помѣщался при казармахъ, „свѣтлицахъ“ своего полка, и занималъ цѣлый домъ пополамъ съ другимъ офицеромъ; его половина состояла изъ 4-хъ просторныхъ комнатъ; первая составляла залу или, по старинному, переднюю комнату и вмѣстѣ столовую, вторая спальню, третья и четвертая—дѣтская и лакейская; обѣ первыя были отдѣланы обоями и хорошо приbraneы. Ротмистръ жилъ аккуратно и степенно, но въ довольствѣ, имѣлъ кружокъ хорошихъ знакомыхъ. Его молодая жена была „великая щеголиха“, по словамъ Болотова, и предана вполнѣ свѣтской жизни, однако не выходила изъ повиновенія мужу; у нея была пріятельница, такая же свѣт-ская модница, и онѣ вмѣстѣ часто выѣзжалы и принимали гостей. Въ обществѣ женщины и мужчины занимались картами, вошедшими уже въ столицѣ во всеобщее употребленіе; но игра еще не сдѣлалась въ массѣ такой дорогой и раззори-тельной, какъ при Екатеринѣ II-й; играли только по вече-

Но и въ свѣтскомъ гвардейскомъ кружкѣ встрѣчались странные контрасты, свойственные неустановившемуся обществу: въ компанію щеголихъ заходилъ почти каждый день конно-гвардеецъ, пріятель Арсеньева, носившій, постоянно тулуясь; находясь подъ слѣдствиемъ, онъ не надѣвалъ мундира; впрочемъ, офицеръ былъ начитанный человѣкъ, очень любилъ

сентиментальные романы и, сойдясь съ Болотовымъ, развилъ въ немъ вкусы къ этому чтенію.

Такъ кратко, но вѣско для изслѣдователя старины характеризуетъ нашъ мемуаристъ три фазы въ общественной жизни Елизаветинской эпохи: въ его родной Каширѣ глушь, пустота, старая усадьбы XVII в., простые люди старого закала, не прикасавшіеся къ этой старинѣ; въ одной изъ западныхъ губерній усадьбы подновлены и не пустуютъ; по-мѣщики устраиваются удобно и весело, обзаводятся пріятными и полезными новишками; третья фаза въ Петербургѣ, куда привлекались лучшія силы служилаго класса; здѣсь автора охватила свѣжая атмосфера веселой новой жизни молодого только что складывавшагося общества. Эта новая жизнь была тѣсно связана съ воцареніемъ Елизаветы Петровны, внесшимъ съ собой много успокойительного и вмѣстѣ оживляющаго; люди вздохнули свободнѣе и зажили вольнѣе и веселѣе. Съ паденiemъ исключительно кѣмѣцкаго вліянія ослабѣвала дисциплина и прежняя строгости; служилые люди, чувствуя себя свободнѣе отъ служебныхъ обязанностей, отдавали больше времени своей частной жизни и смѣлѣе слѣдовали въ ней индивидуальнымъ склонностямъ. Личная и общественная жизнь начали развиваться самостоятельнѣе. И прежде, при Петрѣ I, устраивались шумные, грандіозныя увеселенія, за которыми отдыхали отъ усиленныхъ трудовъ работники и помощники преобразователя, но они носили официально-государственный характеръ, совершались по поводу побѣдъ, удачныхъ предприятій и вполнѣ соответствовали нравамъ и настроенію главы и кружка его сподвижниковъ. Въ слѣдующую эпоху вся общественная жизнь сосредоточивалась вокругъ двора, и маскарады, и праздники сохраняли придворный, тоже официальный характеръ. При Елизавете и въ среднихъ слояхъ дворянства, вдали отъ высшаго и придворнаго, явилась потребность въ общественной жизни, начали составляться веселые семейные кружки.

Центромъ кружковъ, зачинщицами веселья являются женщины, пересиливая старое первенство вина; это уже не тѣ женщины, которыхъ вслѣдъ за юнымъ царемъ — „выѣзжали

изъ терема на улицу¹⁾ , и немедленно бывали захвачены неопрятнымъ разгуломъ улицы; это въ извѣстномъ, довольно условномъ смыслѣ, конечно, сдержанная нравственно сложившаяся личности, сами устраивающія себѣ „свѣтское“ положеніе; за ними появились въ общежитіи и болѣе мягкая взаимная отношенія людей, больше вкуса и разнообразія въ удовольствіяхъ, больше живости и занимательности въ повседневной домашней жизни. При всѣхъ уродливыхъ крайностяхъ этой эпохи щеголей и щеголихъ, нельзя не признать за нею цивилизующаго значенія.

Въ кружкахъ мужчинъ въ эту пору играетъ роль живой общей разговоръ; это тоже до извѣстной степени историческое явленіе; возникновеніе общаго разговора въ общежитіи имѣло значеніе культурное, развивающее; на это указываетъ С. М. Соловьевъ, говоря объ европейскомъ значеніи Франціи и ея салоновъ въ XVIII в. Разговоръ является признакомъ выдѣленія индивидуальной жизни изъ массовой и обрядовой, появленія личныхъ мнѣній, которыхъ требуютъ обмѣна и подтвержденія. Но въ русскомъ быту умѣніе вести общей разговоръ развивалось весьма медленно. Винскій, долго жившій въ отдаленной провинціи за Волгой, писалъ въ началѣ XIX вѣка, что тамъ, въ компаніи, какой-нибудь ораторъ, человѣкъ бывалый, разсказываетъ, а все общество, собираясь вокругъ него, молча слушаетъ, и такъ проводятъ время.— Модныя любовныя пѣсенки, распространяемыя щеголихами, какъ выраженія личныхъ чувствъ, служили въ свое время средствомъ въ сближенію людей, смягченію нравовъ и оживленію общежитія. Болотовъ напрасно полагаетъ, что пѣсенки „получали тогда (1751 г.) только первое надъ молодыми людьми господствіе“; любовныя пѣсенки появились значительно раньше Сумарокова²⁾; ихъ складывали галланты эпохи преобразованій. Всльдъ за переводными и своими русскими стишками и пѣснями появился интересъ къ французской и вообще западной беллетристикѣ и поэзіи; сентиментальные романы въ томъ же духѣ съ описаніями нѣжныхъ

1) Соловьевъ. Эпоха преобразованій. Т. 1.

2) Майковъ. Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени.

чувствъ переводились и списывались съ увлечениемъ, и этотъ легкій материалъ сослужилъ свою службу тѣмъ, что пріучалъ и заохочивалъ къ чтенію.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА.

Въ 1754 г. осенью Болотову минуло 16 лѣтъ, возрастъ, до которого онъ, по распоряженію военной коллегіи, числился въ отпуску для обученія наукамъ. Еще съ лѣта отъ страха и печали у юнаго помѣщика кошки скребли на сердцѣ, и деревенская жизнь на полной волѣ, безграниценнымъ властелиномъ своихъ домашнихъ, казалась ему особенно сладка, когда мрачной тучей надвигалась печальная необходимость обратиться въ сержанта армейскаго пѣхотнаго полка „и быть самому въ повиновеніи у многихъ“. Кромѣ начальства, избавившагося барчука страшилъ еще экзаменъ, безъ котораго сироту безъ покровителей могли надолго обойти производствомъ въ офицеры;—въ деревнѣ онъ позабылъ иностранные языки, практикуясь только по лексикону; за геометрію и фортификацію онъ не такъ боялся. Ему очень бы хотѣлось выпросить себѣ отсрочку; но отпуски вполнѣ зависѣли отъ военной коллегіи, и юношѣ все-таки приходилось разстаться со своимъ гнѣздомъ и выбирать между 2-мя исходами:ѣхать прямо въ свой полкъ, или отправляться въ Петербургъ попытать счастья въ коллегіи. Дядькѣ Артамону тоже не хотѣлось надолго покидать свою семью, и онъ стоялъ за эту попытку.

Любопытно, что юный новикъ въ половинѣ XVIII-го в. оказывался въ болѣе неопределенномъ положеніи, чѣмъ его предки, новики XVII-го в. О тѣхъ заботились на мѣстѣ, въ своемъ уѣздѣ, свои окладчики переписывали ихъ и отправляли куда слѣдуетъ, а сирота 1754 г. былъ предоставленъ самому себѣ; ни изъ полка, ни изъ Петербурга ему не присыпали приказаний; и мальчикъ, сидя со своимъ дядькой, сильно трусилъ, какъ бы неправильнымъ поступкомъ не навлечь на себя взысканія. А тутъ еще безденежье, хозяйственная хлопоты, заго-

товка форменного платья домашними руками задерживали выездъ. Только поздней осенью могли свезти хлѣбъ въ Москву на продажу и пріобрѣсти сумму, необходимую для обмундировки и выѣзда. Не мало курьезовъ приключилось во время сборовъ; но результатомъ возни съ деревенскими портными и бѣлошвейами оказалась рѣшительная мѣра для улучшенія домашнаго хозяйства: одинъ камердинеръ былъ отданъ въ Москву въ портные, чтобы въ будущемъ выручать барина изъ затрудненій по части гардероба.

Въ Москвѣ юноша встрѣтился съ однимъ изъ старѣшихъ офицеровъ своего полка и получилъ отъ него дѣльный совѣтъ,—отправляться прямо въ Лифляндію въ полкъ, гдѣ его уже давно ждутъ; поѣздку въ Петербургъ и хлопоты объ отсрочкѣ онъ считалъ напрасными, такъ какъ у Болотова не было тамъ милостивцевъ, которые бы похлопотали за него у Шувалова. Дворениновцы доѣхали, однако, до Твери, но тутъ и дядька согласился, что здоровье будетъ направиться въ Лифляндію, не торопясь, черезъ Псковскую деревню Неклюдова, а тѣмъ временемъ послать слугу домой и выписать къ себѣ дорожный обозъ, то-есть полный штатъ прислуги, верховыхъ лошадей, коляску и телѣги съ запасами.

Все пока устраивалось хорошо. Неклюдовъ, сверхъ ожиданія, оказался дома въ отпуску; эти льготы, благодаря своимъ средствамъ, онъ себѣ довольно часто выхлопатывалъ. Родственники успѣли повеселиться на святкахъ и приятно провести мясоѣдъ, и только по послѣднему зимнему пути двинулись въ полкъ. Поѣздъ неретивыхъ служакъ былъ довольно громоздкій; сами они ѿхали еще въ саняхъ, а зі ними двигался двойной обозъ съ ихъ лѣтними экипажами и колясками; каретами помѣщики стали обзаводиться нѣсколько позднѣе.

Отсюда начинается описание полковой жизни автора, страницы, полныя высокаго интереса для бытовой и военной исторіи прошлаго вѣка; по обилію фактовъ и подробностей, описание самое цѣнное въ этомъ родѣ; но, признавая эту цѣнность, нельзя не оговориться, что оно все-таки односторонне, однозначно и требуетъ поправокъ и дополненій. Причина односторонности, какъ уже указано, самая личность мемуариста, его удивительное душевное равновѣсіе и рѣдкое по тому

времени благонравіе; онъ не вникалъ въ темныя стороны быта, въ несчастіи и пороки. Кроме того слѣдуетъ помнить, что если въ описаніи сельскаго хозяйства и своихъ литературныхъ увлеченій онъ является вполнѣ самимъ собой и заставляетъ подумать надъ каждымъ своимъ показаніемъ, то въ военномъ мундирѣ онъ представляеть довольно странную фигуру, подчасъ смѣшную. Онъ не только не проявлялъ никакихъ способностей къ военной службѣ, наоборотъ, питалъ внутреннее отвращеніе къ ней, въ которомъ долго не рѣшался сознаться самому себѣ. По своему трудолюбію и аккуратности онъ училъ солдатъ, блистательно постигалъ самые запутанные планы маневровъ, но и въ лагерь, и въ походахъ оставался неизмѣнно тѣмъ же кроткимъ и боязливымъ книжникомъ, чуждымъ военныхъ тревогъ, если онъ не угрожали его жизни; онъ чаще и охотнѣе интересовался военными событиями, среди которыхъ жилъ, когда они доходили до него въ реляціяхъ и газетныхъ пересказахъ. Оттого-то многое, что занимало другихъ современниковъ, какъ напримѣръ, остроумнаго Данилова, совершенно не касалось сосредоточеннаго въ себѣ Болотова, не взирая на его отзывчивость.

Архангелогородскій полкъ въ 1755-мъ г., по прежнему, кочевалъ по Остзейскимъ провинціямъ; по прежнему, надъ массой русскихъ солдатъ господствовалъ весьма смѣшанный составъ офицеровъ; имъ тогда командовалъ полковникъ Планта де-Вильденбергъ, родомъ швейцарецъ, не говорившій ни слова по-русски. При немъ въ качествѣ ближайшаго довѣреннаго лица безсмѣнно состояль переводчикъ, подпоручикъ Зеллеръ, женатый на метрессѣ полковника и произведенный имъ въ офицеры. Командиръ былъ такой тихій и скромный старичокъ, что супруги Зеллеръ безконтрольно распоряжались имъ и его полкомъ, получали дань съ офицеровъ, давали отпуска и отставки за „барашка въ бумажкѣ“. Изъ двухъ полковыхъ майоровъ секундъ-майоръ былъ тоже кровный нѣмецъ, но образованный и дѣланный. Свирѣпый педагогъ Миллеръ, страстный любитель ручной расправы, оказался теперь уже въ числѣ иностранныхъ офицеровъ.

Среди генералитета находимъ тоже мало русскихъ на этой нѣмецкой окраинѣ, не смотря на народно-патріотическое на-

правлениe правительства Елизаветы Петровны. Когда автору записокъ пришлось выхлопатывать себѣ отпускъ въ Петербургъ, онъ имѣлъ дѣло съ представителями разныхъ націй отъ благодушнаго полковника швейцарца до бригаднаго генерала, не менѣе добродушнаго де-Бодэнъ¹⁾, чистѣйшаго француза старичка, и начальника всѣхъ войскъ края, строгаго оѣтзѣца, Матвѣя Ливена. Послѣдній доставлялъ не мало непріятностей русскимъ подчиненнымъ, иногда, не стѣсняясь, выражалъ свое презрѣніе къ нимъ и открыто покровительствовалъ своимъ землякамъ. „Я, сударь, лучше одному чухнѣ повѣрю, нежели всѣмъ офицерамъ полку вашего, а не только твоей командѣ и корчмарю, котораго ты, можетъ быть, закупилъ“, сказалъ этотъ русскій генералъ Неклюдову по поводу обвиненія его съ зятемъ въ покупкѣ завѣдомо краденой лошади.

Изъ лучшихъ офицеровъ самыми дѣльными, по отзыву записокъ, были все-таки ученики кадетскаго корпуса; о старайшихъ Гнѣвшевѣ и Колобовѣ есть свѣдѣнія въ маленькомъ сборникѣ аттестатовъ²⁾. Капитанъ grenадерской роты Гнѣвшевъ считался лучшимъ ротнымъ командромъ въ полку; онъ зналъ языки, и былъ очень любимъ полковникомъ Болотовымъ, но грѣшилъ страстью къ карточной игрѣ и завлекалъ въ игру товарищѣ. Вообще сынъ нашелъ довольно много отцовскихъ сослуживцевъ, и былъ ими принятъ самымъ сердечнымъ образомъ. На первое время юный сержантъ сошелся, впрочемъ, только съ ближайшими сосѣдями по ротной стоянкѣ, начитаннымъ нѣмцемъ майоромъ, снабжавшимъ его книгами, и молодымъ офицеромъ Гриневымъ, тоже изъ кадетъ, но позднѣй-

¹⁾ Въ 1736—38 гг. де-Бодэнъ служилъ майоромъ въ Сухоп. Кад. Корпусѣ, гдѣ дорожили практикой въ иностранныхъ языкахъ, и оттуда выпущенъ генераломъ въ армію.

²⁾ Иванъ Гнѣвшевъ вступилъ 1732 г., выпущенъ изъ подпрапорщикovъ въ комерцъ-колледжъ для обученія со слѣд. аттестатомъ: геометрію, планометрію, стереометрію окончалъ съ доказательствомъ, съ Росс. на нѣмец. языке переводить хорошо, по-нѣмецки пишетъ хорошо, въ переводахъ съ нѣмец. на Росс. имѣеть начало изрядное, въ фехтованіи лексіоны принимаетъ хорошо, ариѳметику всю окончалъ, танцуетъ балетъ, въ универсальной исторіи въ окончаніи новой отвѣтствовалъ изрядно, въ географії окончалъ. Итальянскую карту, нѣмецкую орфографію знаетъ изрядно.

шихъ; онъ бѣгло говорилъ по-нѣмецки и по-французски. Рядомъ съ этими исправными и подготовленными къ службѣ офицерами записки ставить добродушного капитана кн. Мышецкаго, первого ротнаго командира автора, его друга и сожителя. Полковая поговорка позднѣйшихъ временъ „хорошій товарищъ, любимъ въ полку“ — вполнѣ подходила къ нему; никого такъ не любили въ полку, какъ добрѣйшаго и честнѣйшаго простака князя. Въ тѣ времена грубаго произвола и злоупотреблений властью онъ былъ за панибрата съ подчиненными, оберегалъ низшихъ и покровительствовалъ младшимъ; любого солдата товарищи могли уговорить участвовать въ шуткѣ надъ веселымъ, лѣнивымъ капитаномъ, и солдатъ шелъ съ увѣренностью, что не получитъ и щелчка, что его благородіе самъ нахоочется до-сыта съ щутниками. Князь ухаживалъ, какъ нянѣка, за Болотовымъ, заболѣвшимъ горячкой, въ тревогѣ за близкаго позабывалъ даже свою неизлечимую страсть къ водкѣ. А лѣнь и водка совершенно искажали эту благородную натуру. Своимъ прямымъ дѣломъ, своей ротой, князь вовсе не занимался, довѣряя во всемъ младшимъ офицерамъ; по недѣлямъ нечесаный и немытый, лежаль безшабашный добракъ на постели, не снимая нагольнаго тулупа и разставивъ вокругъ себя бутыли съ водкой. Предчувствуя наступленіе буйнаго запоя, онъ приказывалъ себя заблаговременно связывать. Пиль онъ всегда въ одиночку, не давая младшимъ офицерамъ и понюхать своей водки. Скоро, на глазахъ у мемуариста, этотъ честнѣйшій человѣкъ оказался настолько неспособенъ къ дѣлу, что передъ прусскимъ походомъ полковое начальство очень охотно отпустило его въ чистую отставку.

Былъ въ полку и комикъ, подпоручикъ изъ новгородцевъ, сохранившій во всей чистотѣ грубоватый говоръ своей мѣстности; кроме того, онъ былъ упрямъ, своенравенъ и не понималъ шутокъ, свойства, которыхъ, по отзыву мемуариста, общественное мнѣніе приписывало всѣмъ новгородцамъ. Его соры съ денщикомъ, ворчня и новгородская брань служили обычнымъ предметомъ довольно юдкихъ шутокъ товарищей, а Болотовъ на нѣкоторое время прославилъ себя въ ихъ

кругу, сложивъ на походженія подпоручика цѣлую пѣсню въ куплетахъ.

За очень немногими исключеніями, всѣ почти офицеры и сержанты полка были изъ дворянъ; только нѣмецъ Миллеръ считался мѣщаниномъ; русскихъ офицеровъ изъ низшихъ сословій Болотовъ не указываетъ. Полковыя дѣла и порядки по службѣ велись въ Архангелогородскомъ полку довольно просто и патріахально; какъ и въ другихъ полкахъ они зависели отъ личныхъ свойствъ командировъ. Полковникъ Планта и французъ генераль-маиръ были добряки и справляли свое дѣло, не мудрствуя лукаво, не вступая въ близкія отношенія съ подчиненными, такъ какъ не понимали по русски. Вернувшись изъ отпуска, какіе довольно часто получалъ, не въ примѣръ прочимъ, черезъ всесильного Зеллера, Неклюдовъ поднесъ деревенскіе гостины полковнику и его фавориту переводчику. Болотовъ стыдливо умолчалъ о свойствѣ этихъ приношеній, но его смѣлый и остроумный современникъ Даниловъ свидѣтельствуетъ, что полковой секретарь за продолжительный отпускъ бралъ съ богатаго офицера до 12 душъ крѣпостныхъ, а полковой писарь за прописку паспорта—по одной душѣ; это—дорогая канцелярская такса; за нею слѣдовали безчисленныя подачки во всѣ протягиваемыя руки.

Къ новому сержанту-сиротѣ полковникъ отнесся довольно жалостливо и обласкалъ его. Вмѣсто экзамена онъ поговорилъ съ юношой немного по-нѣмецки, посмотрѣлъ его тетрадки съ чертежами по геометріи и фортификаціи, сдѣлалъ видъ, что понимаетъ по-русски, и вернулъ, похваливъ ихъ чистоту; этимъ формальность была выполнена; отъ сына бывшаго командаира ничего больше не потребовали.

Незамѣтно, чтобы людей неволили работой въ этомъ полку; о тяжелыхъ временахъ Миниха, когда находили нужнымъ морить людей на одной верховой Ѣзда, остались одни воспоминанія; тогда „почитали оную верховую Ѣзду за солдатскую исправку и крѣпость, дабы скакать день и ночь, сутокъ 10 не спать, чего слабые люди не могли вынести, получали чахотку, лишались вовсе здоровья и даже жизни“, писалъ Даниловъ. При Елизаветѣ продолжительный миръ побаловалъ

служилое сословие; гвардейцы изъ дворянъ¹⁾ бѣжали на караулы въ бархатныхъ шубахъ съ муфтами, а слуги на запятахъ держали шпаги и форменные шапки своихъ господъ. Курьеры не скакали верхомъ, а мчались въ повозкахъ, проѣзжая тоже пространство быстрѣе и здоровѣе прежняго. — Сильно облегчившаяся съ эпохи преобразованій служба стала еще легче.

На сержанта Болотова не возложили никакихъ обязанностей, приказали только состоять при квартирмейстерскихъ дѣлахъ, т.-е. позволили жить съ зятемъ, квартирмейстеромъ и ничего не дѣлать. Мемуаристъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ это время и беззастѣнчиво высказываетъ по этому поводу весь тотъ просвѣщенный эгоизмъ, который составлялъ прочную подкладку его обычному душевному равновѣсію и пріемѣрному добропрагію. „Ибо черезъ то избѣжалъ я опять несенія сержантской своей и многотрудной должности, не былъ принужденъѣхать въ роту, стоять въ какомъ-нибудь латышскомъ рею, жить съ солдатами вмѣстѣ и угождать во всемъ своеуправію своего капитана“... „У меня была собственная моя коляска“, описываетъ онъ далѣе свои полковые походы, „трое людей (поваръ, лакей и дядька), а сверхъ того, верховая лошадь, почему и не имѣть я ни въ чёмъ никакой нужды и не несъ никакой должности, аѣхалъ себѣ въ прохвалъ въ своей коляскѣ, между тѣмъ, какъ прочие трудились и несли службу“. Тоже самое, если не худшее, могли сказать про свою службу и многие изъ его полковыхъ товарищѣй; честнѣйшій изъ нихъ, капитанъ Мышецкій, находилъ возможнымъ ровно ничего не дѣлать; Неклюдовъ тянулся лямку какъ попало, стараясь почаше возвращаться къ своему хозяйству и по возможности не упускать своихъ выгодъ и на службѣ, дѣлилъ командировкіи на выгодныя и невыгодныя и принималъ послѣднія, какъ немилость начальства, отъ которой не могъ откупиться.

Вообще офицерамъ и привилегированнымъ въ Архангелогородскомъ полку жилось недурно, нужно полагать, лучше и веселѣе, нежели въ глубинѣ и на востокѣ Россіи. Войска

¹⁾ Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти.

давно уже скучивались на прибалтийской окраинѣ въ виду тревожныхъ подвиговъ скоропалительного короля Фридриха II; товарищи однополчане жили недалеко другъ отъ друга, часто сближались съ другими полками, сбѣзжаясь на шумные лагерные сборы и маневры. Офицеры, побойчье и пообщительнѣе, обзаводились знакомствами среди помѣщичьихъ семействъ, густо заселявшихъ весь край своими мызами. Наши военные, судя по ихъ отзывамъ, ничего не имѣли противъ стоянокъ въ балтийскихъ провинціяхъ. Почтенный маіоръ Даниловъ, избалованный службой въ столицахъ, остался очень доволенъ обходительной привѣтливостью рижанъ и находилъ, что тамъ прекрасно принимаютъ русскихъ офицеровъ.

Остзейскіе помѣщики въ виду частыхъ постоевъ, отстраивали близъ своихъ усадебъ отдѣльные домики для русскихъ офицеровъ, чтобы не стѣснять ихъ присутствіемъ свои семейныя помѣщенія. На долю полковыхъ квартирмейстровъ выпадали квартиры въ 4 комнаты, гдѣ они устраивались съ семьями еще удобнѣе, чѣмъ въ русскихъ дѣдовскихъ домикахъ; ротные командиры часто роптали, когда имъ давали только двѣ комнаты. У кого квартира оказывалась побольше, къ тому сбѣзжались поболтать и поиграть въ карты. Неклюдовъ, дальше грамоты ничему на своемъ вѣку не учившійся, настолько отшлифовался полковой жизнью и своими псковскими сосѣдями, что водилъ компанію съ образованными нѣмцами и съ питомцами шляхетнаго корпуса; онъ былъ хлѣбосоль, имѣлъ средства и принималъ гостей, не стѣсняясь.

Тяжеленъко, конечно, приходилось сержантамъ и младшимъ офицерамъ, которымъ отводили квартиры по крестьянскимъ дворамъ. Болотовъ съ ужасомъ вспоминаетъ свой „чухонскій рей“ въ Эстляндіи. „Сіи реи составляютъ у тамошняго и гнуснѣйшаго въ свѣтѣ народа, вкупѣ и избы ихъ, и овины. Они и живутъ въ нихъ, и сушать свой хлѣбъ, и кормятъ свою скотину, а чтѣ того еще хуже, изъ тѣхъ же корыть, изъ которыхъ сами Ѣдятъ свою пудру или мѣсиво“. Здѣсь не было ни оконъ, ни дверей, ни лавокъ, и свѣтъ проходилъ только въ задвигающуюся дверь. Мелкій чинъ спасался отъ такой квартиры только дружбой съ кѣмъ-нибудь изъ старшихъ;

добрый ротный позволялъ подчиненному поселиться въ каморкѣ на своеѣ подмызѣ.

Въ Лифляндіи крестьяне жили несравненно лучше эстонцевъ; ихъ избы, черныя и дымныя, строились съ окнами и разными пристройками, въ которыхъ устраивались русскіе постоянцы. Мемуаристъ, уже произведенный въ офицеры, выбралъ себѣ кладовую въ избѣ получше, сдѣлалъ въ ней потолокъ изъ рогожъ, перегородку изъ палаточнаго холста и бумажную окончину, и такъ дождался до благополучнаго времени, когда ему сдали роту и ротную квартиру.

Щегольство, охватившее гвардію въ царствованіе Елизаветы Петровны, замѣтно проявлялось въ армейскихъ полкахъ только во время маневровъ и лагерныхъ сборовъ, когда съезжался генералитетъ. Щеголяли, кромѣ маршировокъ и экзерцицій, убранствомъ лагерей; полки старались отличиться имъ другъ передъ другомъ. „Наилучшее украшеніе состояло тогда въ пирамидахъ и въ убираніи ротныхъ улицъ;“ ихъ усыпали разноцвѣтнымъ пескомъ и обкладывали дерномъ, по свидѣтельству записокъ.—Военные люди находили тогда, что „цѣлое лѣто въ палаткахъ жить не сколько жутко и скучно“. Всикій, имѣвшій сколько нибудь денегъ, приказывалъ солдатамъ добыть лѣсу, и тѣ въ недѣлю сооружали ему избушку-свѣтличку съ сарайчикомъ и коморкой. Въ избушкѣ мемуариста было два оконка съ бумажными рамами, „каравать“, небольшой складной столикъ, скамейка и складной стуль. „Я могъ въ ней себѣ сидѣть, читать и писать себѣ спокойно“, прибавляетъ преисполненный самыхъ мирныхъ наклонностей герой. Такимъ образомъ, вмѣсто походнаго лагеря, подъ мирнымъ женскимъ правленіемъ привыкали отстраивать цѣлую деревню.—Солдаты рыли себѣ тутъ же землянки, и, глядя на офицеровъ, тоже избавлялись отъ неудобствъ плохихъ, быстро промокавшихъ палатокъ.

Вотъ главныя черты изъ объемистаго болотовскаго повѣствованія о полковомъ житѣ-бытѣ служилаго сословія въ мирное время. О своей личной жизни и немногихъ товарищахъ, съ которыми доводилось сталкиваться, авторъ распросраняется очень охотно; но составить себѣ общую картину военной жизни, по его повѣствованію, все-таки невозможно;

при всей своей правдивости въ мелочахъ, оно очень односторонне и монотонно, и потому рисуемая имъ картина далеко не обнимаетъ действительности; эта односторонность очевидна при сравненіи съ немнѣе правдивыми рассказами другихъ современниковъ. Записками Данилова не разъ уже приходилось дополнять свидѣтельства Болотова; возьмемъ краткія и малоизвѣстныя записки Лукина¹⁾, служилаго человѣка совершенно иного закала, и всего лѣтъ на 7, 8 старше нашего мемуариста. На невразумительно дикомъ разговорномъ языкѣ провинціи того времени мелкопомѣстный дворянинъ разсказываетъ, какъ его 16 л. взяли изъ герольдіи въ солдаты, и какимъ испытаніямъ онъ подвергался первое время своей службы. Не имѣя ни слугъ, ни лошадей, онъ шелъ пѣшкомъ изъ Москвы въ Выборгъ къ своему полку съ командой солдатъ и рекрутъ. Дорогой у него похитили съ общей повозки всѣ его вещи, мундиръ и деньги, и онъ остался въ шубѣ и нижнемъ деревенскомъ платьѣ. Въ Выборгѣ, истомленный усталостью, мальчикъ заснуль на часахъ и подвергся тяжкому штрафу. Чтобы умилостивить своего капрала, ему посовѣтовали угостить его виномъ, на что и пришлось затратить послѣднія 4 коп.—Затѣмъ оставленный при ротной квашиѣ для печенія хлѣбовъ, онъ что-то попортилъ въ ней; капраль опредѣлилъ взыскать съ него натурой 3 четверика муки, и Лукинъ въ тоскѣ прожилъ цѣлый мѣсяцъ безъ хлѣба.—А едва кончился этотъ искусствъ, какъ стряслась другая бѣда; поставленный на караулъ на самомъ берегу моря, мальчикъ заснуль, несмотря на всѣ усилия побороть дремоту. Капраль, проходя дозоромъ, взялъ у спящаго ружье и передалъ одному изъ стоявшихъ на слѣдующихъ постахъ. Проснувшись, Лукинъ хватился ружья, вспомнилъ, что по артикулу за его проступокъ солдату полагается смерть, и съ отчаянія чуть было не бросился въ море, но одумался и пошелъ къ фронту самъ объявить свою вину.—„Но добродѣтельный и самый христіанскій часовой, стоящій во фронтѣ, обновилъ жизнь мою такимъ объявленіемъ, что онъ подлинно видѣлъ, какъ дозоръ у меня спящаго стоялъ и ружье мое взялъ съ

¹⁾ Рус. Архивъ, за 1865 г.

собой, и совѣтуя мнѣ, чтобы я о немъ не страшился, увѣряя, что капраль честный человѣкъ, о томъ командѣ не донесетъ.“ —Лукинъ, немного успокоенный, вернулся на постъ ждать нового дозора со шпагой въ рукѣ, и при появлѣніи капрала просилъ пощады.— „Но сей капраль, хотя породою изъ крестьянства, но стоилъ доброго благоразумнаго солдата: вступилъ въ экспликацію моего поступка, доказывая важность вины и силу артикула, раздѣляя изрядно имя дворянское обсервировать, и тѣмъ больше чувствительно ободрилъ, сказавъ, что ружье мое не пропало, которое и приказалъ подать тому часовому и по отдачѣ мнѣ съ довольноымъ подтвержденіемъ простили. Я же по принятіи ружья, не иначе себя счелъ, что изъ мертвыхъ всталъ, и своль въ благодарности словъ моихъ находилъ, а паче объяснялся, чтобы въѣхъ мой его помнить и заслуживать: что мнѣ потомъ многократно, какъ уже былъ того полка сержантъ и за адьютанта, трафлялось“.

Какъ ни облегчалась дворянская служба, но для бѣдняковъ безъ покровителей тяжелая школа Лукина была обычнымъ удѣломъ; ее прошелъ въ солдатахъ Преображенского полка и Державинъ, казанскій гимназистъ, родившійся въ лучшихъ условіяхъ. И въ арміи, и въ гвардіи жило много людей, проходившихъ службу „съ фундамента“. Наивные и вмѣстѣ трагические эпизоды въ родѣ тѣхъ, о которыхъ рассказываетъ Лукинъ, должны были часто слушаться въ массѣ нашей арміи, когда подростки дворяне смѣшивались въ одни ряды съ закаленными опытными солдатами изъ податныхъ словоій. Для такихъ служилыхъ людей вся жизнь зависѣла отъ личной выслуги.— Получивъ послѣ семилѣтней войны чинъ секундъ-майора въ гарнизонѣ, Лукинъ пишетъ: „Но могу по справедливости признаться, что сей чинъ дорого здоровью моему стоилъ: ежели бы каждый золотникъ крови моей, которая испортилась, всего дешевле поставить, то однако же великую сумму составить могло“.— Вотъ тѣ самые— „прочие, которые трудились и несли службу,“ въ то время, какъ Болотовъ катался въ коляскѣ отъ стоянки до стоянки. Екатерининскій любословъ и философическій писатель не замѣчалъ, да съ высоты своихъ просвѣтительныхъ стремленій не находилъ

диль для себя интереснымъ замѣтить старыхъ русскихъ солдатъ, героеvъ безотрадной службы и ихъ питомцевъ, новиковъ-подростковъ, подавленныхъ бѣдностью; и не черствость сердца, не холодность дѣлали это, а своего рода просвѣщенный индифферентизмъ, для которого многія явленія жизни казались слишкомъ обыденны и грубы.—Въ сущности нашъ мемуаристъ по своему мирному душевному складу былъ гораздо гуманнѣе своихъ товарищѣй; а какія жестокости творились въ полку онъ высказываетъ невольно, между прочимъ, желая только оттѣнить свою дѣятельность и свое обращеніе съ солдатами.

Со введеніемъ регулярнаго строя къ отбыванію военной службы стали массами привлекаться податныя сословія; эти люди служили безъ сроковъ, безъ выслуги, за рѣдкими исключеніями, такъ какъ съ нихъ не требовали никакого образовательного ценза; офицерскіе чины становились привилегіей дворянства, которое этимъ пріохочивалось къ школьному образованію. Рекрутчина сдѣлалась одной изъ самыхъ тяжкихъ народныхъ повинностей; сдачей въ солдаты замѣняли уголовныя наказанія, иногда ссылку въ Сибирь и каторгу. Помѣщики отдавали въ солдаты провинившихся дворовыхъ и крестьянъ, и защищали отъ рекрутчины исправныхъ. Рекруты изъ волостныхъ крестьянъ спасались отъ своей участіи въ бѣгахъ¹⁾; иногда съ отчаянія накрѣпко запирались въ своихъ избахъ и защищались до послѣдней крайности, а старосты со своими людьми приходили осаждать избы и овладѣвали ими приступомъ. Въ виду всего этого рекрутовъ новобранцевъ заковывали въ кандалы и отправляли въ полки этапнымъ порядкомъ, какъ каторжниковъ. Чѣмъ легче отѣлывалось отъ службы одно сословіе, тѣмъ тяжелѣе дѣлались ея условія для другого.—Въ полкахъ битье солдатъ доувѣчій, иногда заколачивание до смерти было дѣломъ обыкновеннымъ, какъ бы присущимъ самой службѣ, не даромъ же солдатчина оказалась въ числѣ уголовныхъ наказаній.

Когда передъ самой войной П. И. Шуваловъ замѣнилъ привычный порядокъ строевого обучения, т.-е. экзерцицію совершенно новой, руки командировъ заработали особенно

¹⁾ Дубасовъ.—Очерки изъ истории Тамбовского края.

усердно; даже дѣльные, понимавшіе службу офицеры такъ неумѣренно спѣшили обученіемъ, что, „будучи уже слишкомъ строги, только что дрались, тѣмъ не только что солдатъ съ пути сбивали, но многихъ принудили бѣжать или итти за увѣчье въ лазареть“¹⁾). Самъ Болотовъ, замѣняя своего добраяка кн. Мышецкаго, предпочитавшаго постель и тулуль выслугѣ и почестямъ, усердствовалъ надъ ротой денно и нощно, „но безъ строгости и всякихъ побоевъ“ даже. Трудолюбивый, внимательный ко всякой работѣ самоучка, онъ, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ въ полку постигъ длинное описание новой диспозиціи, и лучше, яснѣе другихъ объяснялъ ея хитрости; поэтому солдаты его роты скорѣе другихъ понимали новые приемы, учились охотнѣе, даже подстрекали другъ друга, кто отчетливѣе „промечетъ артикуль“, и при вступленіи въ лагерь рота получила публичную похвалу. „Солдаты были мною чрезвычайно довольны, говорить въ заключеніе авторъ, ни одинъ изъ нихъ не могъ пожаловаться, чтобы онъ слишкомъ убить или изувѣчить былъ; ни одинъ изъ нихъ у меня не ушелъ и не отправленъ былъ въ лазареть или прямо на тотъ свѣтъ“. Въ концѣ авторъ правдивѣе, чѣмъ въ началѣ: не былъ же онъ въ самомъ дѣлѣ въ то еще жестокое время такимъ удивительнымъ феноменомъ, чтобы и легкой острассти не задать подчиненному; битый и сѣченый педагогами въ юности, онъ слишкомъ просто относился къ карательнымъ мѣрамъ, практикуемымъ относительно малыхъ и взрослыхъ, чтобы представлять собою настолько исключительное явленіе среди товарищѣй. Но чтѣ продѣлывалось другими командирами, то легко можетъ представить себѣ всякий читатель записокъ, дополнивъ воображеніемъ бѣглыя замѣчанія мемуариста; особенно должны были отличаться нѣмецкіе выходцы, совершенно чуждые массѣ подчиненныхъ, отданныхъ имъ въ полную власть. Не въ характерѣ благодушнаго книжника разсказывать на поученіе потомкамъ, сколько солдатъ бѣжало отъ его бывшаго учителя Миллера, было имъ изувѣчено и забито; онъ даже самъ какъ будто забылъ всѣ истязанія, которымъ подвергалъ его почти на глазахъ родителей палачъ педагогъ.

1) Записки, т. I-й, стр. 357.

Относясь недовѣрчиво къ полному воздержанію Болотова отъ легкихъ колотушекъ и наказаній, нельзя за то не довѣрять его словамъ, когда онъ говорить о порядкѣ и дисциплинѣ, въ которыхъ онъ содержалъ роту. Хорошій хозяинъ, человѣкъ сдержанній и аккуратный, онъ не допускалъ никакихъ своевольствъ среди солдатъ относительно мирныхъ нѣмцевъ, у которыхъ они квартировали, и своею личной жизнью подавалъ примѣръ доброиравія. Нѣмецкіе помѣщики, лифляндцы и курляндцы, не могли нахвалиться примѣрнымъ юношемъ.

Мало замѣчая жизнь внизу, въ солдатской массѣ, мемуаристъ довольно ярко обрисовываетъ свое петербургское начальство; очень любопытенъ его разсказъ о своемъ производствѣ въ офицеры. Тимофей Петровичъ, записывая сына въ полкъ, для приличія прибавилъ ему лишній годъ возраста; вслѣдствіе этого, явясь на службу 16 лѣтъ, юноша узналъ, что по спискамъ онъ просрочилъ годъ въ отпуску, и за это будетъ обойденъ производствомъ, — наказаніе очень чувствительное дворянчику, служившему только ради чиновъ. Близайшее полковое начальство не могло помочь этому горю. Взявъ отпускъ и со слезами выпросивъ себѣ у офицеровъ атtestать, необходимый для производства, сержантъ съ неизмѣннымъ дядькой побѣжалъ самъ въ Петербургъ поправлять бѣду. Опытные полковые товарищи не ждали толку отъ такихъ рѣшительныхъ попытокъ одинокаго незнаннаго мальчика. И дѣйствительно, первое время чelобитчики оказались въ Петербургѣ, какъ въ лѣсу; ни одного покровителя, ни одного свойственника не нашлось тамъ на ту пору, а безъ участія покровителей и милостивцевъ, въ тотъ вѣкъ фаворитовъ и случайныхъ счастливцевъ, никакія дѣла не дѣлались.

Только неожиданный случай и память о старыхъ отцовскихъ заслугахъ помогли юношѣ. Канцеляріей всесильнаго Петра Ивановича Шувалова, начальника военной коллегіи, правилъ тогда подполковникъ Яковлевъ и былъ въ свою очередь всесильнымъ любимцемъ фаворита; никакое производство, никакая просьба въ военную коллегію не миновали его рукъ. Просители отъ мелкихъ до генеральскихъ чиновъ съ ранняго утра толпились въ его приемной и ждали выхода

изъ спальни; тутъ же толкалось нѣсколько десятковъ дворянъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ, жаждавшихъ производства. Фаворитъ второго ранга былъ большой самодуръ, подобно большинству чиновнаго и властнаго люда того времени. Онъ не сразу благоволилъ обратить свое вниманіе на просителей и ихъ просьбы, а смотря по ихъ положенію и состоянію болѣе или менѣе долгое время то издѣвался надъ ними, то подвергалъ ихъ особому воспитательному режиму или испытанію въ благочестіи. Въ тонъ благочестивому настроенію императрицы и ея приближенныхъ, Яковлевъ выказывалъ большую набожность, ходилъ ежедневно къ обѣднѣ и къ другимъ службамъ по разнымъ церквамъ. Принимая просьбы, Яковлевъ строго приказывалъ молодымъ сержантамъ бывать у обѣднї въ одной съ нимъ церкви и каждый день являться на его приемъ. Многіе по мѣсяцамъ ходили за начальникомъ по церквамъ, усердно обтирали стѣны его приемной, и, не получая отвѣта на просьбы, бросали дѣло. А графскій любимецъ наблюдалъ за ними въ церкви, кто какъ себя ведетъ и молится; „на утріе, какъ они прихаживали къ нему, и когда было ему досужно, забавлялся онъ съ ними иногда шуточными разговорами и тутъ бывали обыкновенно инымъ похвалы, а другимъ выговоры и осмѣянія. Кто болѣе всѣхъ учинилъ проступокъ, тому опредѣлялось наказаніе. Иной долженъ былъ за то итти пѣшкомъ молиться въ Невскій монастырь, а другой властъ определенное число поклоновъ, или стоять въ церкви передъ нимъ и молиться наиприлежнѣйшимъ образомъ“.

Счастливая звѣзда помогла тутъ Болотову, а за одно съ нимъ произвели и другихъ, изнывавшихъ въ ожиданіи. Самодуръ, узнавъ, что онъ сынъ Тимофея Петровича, сказалъ: — „Батюшка твой былъ мнѣ милостивецъ, и я никогда не забуду его къ себѣ пріятства. Хорошо, мой другъ, ходи только къ обѣднѣ и чтобы я тебя всякий день здѣсь видѣлъ“. Всего только нѣсколько дней походилъ счастливецъ къ обѣднѣ, заслужилъ своимъ благочестіемъ и кроткимъ поведеніемъ публичную похвалу Яковlevа и оказался подпоручикомъ. Сторожа канцеляріи первые сообщили объ успѣшномъ производствѣ, бросившись обрывать съ него унтеръ-офицерскіе позументы.

Новый подпоручикъ былъ такъ радъ офицерству, что не возропталъ, что ему приходилось послужить первое время безъ жалованья; въ Архангелогородскомъ полку не случилось вакансіи его чина, а въ другой полкъ онъ ни за что не хотѣлъ переходить.

Не велико было, однако, это жалованье; по штатамъ Анны Ioannовны всего 84 р. въ годъ. Офицеръ жилъ главнымъ образомъ своими деревенскими доходами; небогатымъ, подобно нашему герою, приходилось крутенько, а бѣднѣйшимъ и совсѣмъ плохо. Трудно себѣ представить, какъ они изворачивались во время похода, если не имѣли кое-какихъ безгрѣшныхъ доходовъ по командѣ. Вотъ, чтѣстоили въ то время необходимыя для обмундировки вещи ¹⁾:

Строевой мундиръ англійскаго сукна съ камзо-	
ломъ и двумя штанами	35 р. — к.
Шляпа, строевая, съ позументомъ и перьями .	12 „ 50 „
Шарфъ золотой съ однимъ золотымъ темлякомъ	
по подряду въ построеніи отъ полка — цѣлое.	27 „ 50 „
Шляпа черная, съ плумажемъ чернымъ . . .	3 „ 50 „
Шпага томпаковая	5 „ — „

Не имѣть собственной прислуги и обходиться съ однимъ деньщикомъ офицеру казалось уже весьма печальнымъ; при тогдашнемъ хозяйствѣ служилаго человѣка, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, рѣдкости городовъ и торговыхъ мѣстъ его существованіе состояло въ прямой зависимости отъ прислуги. Если изъ деревни долго не присыпали ни денегъ, ни припасовъ, или не знали, гдѣ стоитъ баринъ, гдѣ его найти, баринъ посыпалъ въ деревню отъ себя человѣка, опытнаго, заслуживавшаго довѣrie, снабдивъ его наставленіями, что заготовить и привезти. Шубы, тулупы, теплая обувь, бѣлье и проч., все это сооружалось хозяйственнымъ образомъ и доставлялось на домашнихъ саняхъ или повозкахъ. Мы знаемъ, что у мелкаго помѣщика сержанта была своя коляска, троє

¹⁾ Масловскій, вып. II-й. Списокъ пропавшихъ подъ Цорндорфомъ вещей.

людей и обозъ, т.-е. 2, 3 повозки съ кухней и багажемъ; у другихъ, побогаче, особенно у семейныхъ, какъ зять автора, Неклюдовъ, возвившій съ собой жену и дѣтей, бывалъ настоящій обозъ съ поварами, няньками, горничными.

Даже въ дальнихъ походахъ военного времени дворяне старались сохранить съ собой какъ можно больше того скарба, который они привыкли возить по отечеству. Начальству приходилось прибѣгать къ самымъ строгимъ угрозамъ, чтобы заставить чѣмъ нибудь поступиться. Когда на походѣ въ Пруссію въ 1756 г. приказали сохранить только по одной повозкѣ на офицера, всѣ пришли въ отчаяніе и подняли вопль; боялись, какъ бы не остаться безъ припасовъ, боялись за своихъ людей, которые при неудобномъ путешествіи еще охотнѣе бѣжали въ Польшу; многие не послушались; несмотря на устрашающихъ размѣровъ обозъ, сохранили много лишняго, вовсе не походнаго скарба; прикрываясь чиномъ, титуломъ или покровительствомъ, возили въ Пруссію ученыхъ поваровъ и цѣлыми кухни. Одинъ каширскій сосѣдъ, Вельяминовъ, постоянно угощалъ Болотова прекрасными обѣдами на походѣ. Страдали отъ строгостей только смиренные и беззащитные офицеры. Ихъ положеніе было особенно тяжело, когда при послѣднемъ возвращеніи Апраксина въ Курляндію потребовали, чтобы офицеры умѣстились по два на одной повозкѣ; нѣкоторымъ дѣйствительно пришлось побросать много вещей, но Болотовъ съ большинствомъ ухитился провезти съ собой даже громоздкія вещи, въ родѣ кроватей домашней конструкціи.

Несомнѣнно, что полковая жизнь и военное общество представляются въ запискахъ съ своей самой лучшей, самой опрятной стороны; по большей части, авторъ, въ рассказахъ о своей молодости просто дѣлить своихъ товарищѣй по службѣ и постороннихъ знакомыхъ на двѣ категоріи: одни болѣе образованные и воспитанные, съ которыми онъ водилъ компанію и входилъ въ дружбу; о нихъ онъ болѣе или менѣе распространяется; другие кутилы, неразвитые, безъ умственныхъ интересовъ; авторъ держался подальше отъ нихъ и характеризуетъ ихъ кратко и неохотно; такъ онъ отзываются о своемъ капитанѣ Коржавинѣ, о походномъ квартирмейстрѣ Похвисневѣ и многихъ друг. Наоборотъ, авторъ особенно подчеркиваетъ

свои знакомства съ развитыми людьми, раздѣлявшими его потребности въ образованіи и умственной жизни, говорить о нихъ охотно, часто съ увлеченіемъ. Средину занимаютъ товарищи добрые малые, обходительные и покладистые, безъ опредѣленной физіономіи; таковъ хлѣбосоль Вельяминовъ, который умѣль хорошо угостить и устроить товарищей при самыхъ тяжелыхъ походныхъ условіяхъ.

Въ письмахъ о службѣ и походахъ перечисляется и описывается масса лицъ; самое время представляеть наиболѣе интересный моментъ въ исторіи прошлаго вѣка, послѣ эпохи преобразованій; рамки болотовскаго описанія очень широки, но, тѣмъ не менѣе, какъ уже говорилось выше, общій характеръ его одностороненъ; Болотова рѣдко занимаютъ, напримѣръ, служебные и общественные интересы лицъ, съ которыми онъ сталкивался; онъ хватается прежде всего за внутренняго человѣка, человѣка самого по себѣ; его занимаетъ умственное развитіе, нравственные наклонности лицъ; поэтому строй общественныхъ группъ, общественная дѣятельность, взаимныя отношенія людей часто остаются у него въ тѣни, черта, весьма любопытная не только для характеристики автора, но и умственного настроенія всего интеллигентнаго русскаго общества прошлаго вѣка.

Касаясь только мимоходомъ самыхъ неопрятныхъ сторонъ полковой и походной жизни, кутежей, бѣщенаго разгула въ нѣмецкой Капуи—Кенигсбергѣ, авторъ стыдливо оговаривается, просить даже извиненія у читателей, что разсказывается „такой глупый вздоръ“. Самъ онъ былъ красной дѣвицей и поражалъ своей скромностью и выдержаніемъ поведеніемъ всѣхъ товарищѣй; надъ нимъ даже рѣдко подсмѣивались; дѣльного юношу, серьезнаго, и вмѣстѣ веселаго и обходительнаго цѣнили и уважали.

Главнымъ занятіемъ военныхъ людей въ свободное время были карты; самые серьезные служаки увлекались игрой, и за нею часто позабывали добрыя и честныя отношенія къ товарищамъ. Капитанъ Гиѣвшевъ, не взирая на пріязнь съ покойнымъ отцомъ мемуариста и симпатіи къ нему самому, принялъ участіе въ той компаніи, которая удачно завлекла юношу въ единственную интересовавшую его игру, какъ

только въ полку узнали, что ему привезли деньги изъ деревни. Болотовъ быстро вырвался изъ этой компании, но другіе, болѣе увлекающіеся, запутывались въ игру на все времена службы. Въ первый періодъ своей служебной жизни, то есть до возвращенія въ Кенигсбергъ, автору рѣдко приходится отмѣтить товарищѣй, которые бы серьезно интересовались литературой. Первымъ названъ сеѧ. майоръ нѣмецъ Л. и съ нимъ его пріятель Гриневъ, воспитанникъ корпуса; записки называютъ нѣмца даже ученымъ человѣкомъ, и книги его оказались слишкомъ серьезными для автора-самоучки. Остальные товарищи способны были только схватывать пѣсенки, да изрѣдка почитывать забавные романы, въ родѣ Жиль-Блаза; впрочемъ, нашлись въ полку и почитатели „Аргениды“, политического романа привезенного Болотовымъ изъ петербургской академической лавки. Кой кто читалъ и трагедии Сумарокова; одинъ унтеръ-офицеръ полка зналъ „Хорева“ наизусть, и, побывавъ, вѣроятно, въ петербургскомъ театрѣ, декламировалъ всю трагедію съ выкриками, пафосомъ и жестами завзятаго актера. Онъ оказался такъ любезенъ, что подарилъ Болотову рукопись трагедіи и выучилъ его самого „покрикивать“ по модному стихи; мемуаристъ, отъ рода не видавшій театральныхъ представлений, приходилъ въ восторгъ отъ этихъ выкриковъ. Но какъ бы то ни было, подобные любители стиховъ, да еще стиховъ въ то время образцовыхъ, по своему распространяли въ обществѣ интересъ къ литературѣ; среди армейскихъ полковъ, стоявшихъ на окраинахъ, они встрѣчались еще не часто.

ПОХОДЫ АПРАКСИНА.

Семилѣтняя служба Болотова совпадаетъ какъ разъ съ годами семилѣтней войны; почти 4 г. изъ нихъ онъ провелъ заграницей и главнымъ образомъ въ Кенигсбергѣ. Большая половина первого тома записокъ и первая половина второго посвящены этимъ годамъ, поэтому записки являются един-

ственнымъ въ своемъ родѣ матеріаломъ для культурной исто-
ріи центрального событія прошлого вѣка. Даже новѣйший
военный историкъ семилѣтней войны признаетъ ихъ значеніе,
хотя очень строго относится къ мемуаристу, разсуждавшему
о военныхъ дѣйствіяхъ, не имѣя ни интереса, ни способно-
стей къ своей обязательной службѣ. Эта строгость понятна
со стороны военного изслѣдователя; но для неспеціалистовъ
откровенное сознаніе автора въ небрежности по службѣ, въ
отвращеніи къ ней, въ отсутствіи необходимой храбрости,
иногда въ наивномъ эгоизмѣ, съ которымъ онъ радуется, что
Провидѣніе не разъ избавляло его отъ активнаго участія въ
бояхъ, полно и законченно дорисовываетъ эту типичную лич-
ность прошлого вѣка. Со смѣшными, слишкомъ беззастѣнчи-
выми признаніями, даже съ эгоистичной трусивостью, настѣ-
до известной степени примиряетъ высказываемый авторомъ
кое-гдѣ протестъ противъ войны вообще, какъ безмыслен-
наго зла, протестъ еще не сознательный, но довольно рѣ-
шительный.

Болотова мучаетъ отчаянное положеніе и смерть заболѣвшаго въ походѣ товарища, его торопливое погребеніе въ ямѣ при дорогѣ; онъ охотно повторяетъ вслѣдъ за нѣмецкими га-
зетами, что русская армія, особенно казаки и степные наѣзд-
ники, варварски обращалась съ мирными жителями, но вовсе
не отъ избытка довѣрія и симпатіи къ нѣмцамъ; душа его
такъ глубоко возмущалась разгромомъ страны, который всегда
наносится всякой войной, что онъ охотно готовъ былъ вѣ-
рить, что присутствуетъ при исключительныхъ жестокостяхъ,
могущихъ очернить нашу армію въ глазахъ Европы. Въ са-
мыхъ тяжелыхъ минуты спѣшнаго обратнаго похода среди глу-
бокой осени, авторъ скорбитъ о деревняхъ, погибающихъ въ
пожарахъ.— „Боже мой, какія горестныя послѣдствія прино-
сить съ собою война! Чѣмъ бѣдная сія деревня виновата,
что случилась быть въ этомъ мѣстѣ“? ¹⁾). И далѣе: „Особли-
ваго въ сіе время ничего не случилось кроме того, что мы,
какъ сущіе варвары, жгли повсюду села, дворянскіе дома и
деревни, и днемъ курился везде дымъ, а ночью повсюду ви-

¹⁾) Записки т. I-й, стр. 600.

димы были заревы и пожары. Какое зрелище для жалостливаго и человѣколюбиваго сердца!“ заканчиваетъ мемуаристъ уже въ тонѣ сентиментализма конца XVIII-го вѣка; — и все это для того только, чтобы не позволить 2-мъ эскадронамъ прусской кавалеріи слѣдоватъ по пятамъ за нашей арміей!“ Эти опустошенія такъ глубоко возмущали его мирную душу, что онъ боялся ихъ не менѣе сраженій. — „Мнѣ самому таки случилось однажды командировану быть для истребленія огнемъ одной прекрасной деревни; но я радовался, что упросилъ другого офицера принять на себя сію комиссию, отъ которой я внутреннее имѣль отвращеніе“.

Болотовъ былъ чуждъ своей обстановкѣ, условіямъ военной жизни, не могъ правильно судить о нихъ, и потому былъ недовѣрчивъ къ тѣмъ, отъ кого они зависили. Когда человѣкъ очень дорожитъ собой, неспособенъ на самопожертвованіе и къ тому же скорбитъ объ угрожающей его разрушительной дѣятельности, вопросы почему? для чего? чрезвычайно обостряются въ его мозгу. Онъ жадно прислушивается къ обычнымъ пересудамъ распоряженій сверху и военныхъ дѣйствій въ средѣ товарищей, и мнительность побуждаетъ его критиковать своихъ командировъ съ озлобленіемъ; ему кажется, что они на каждомъ шагу подвергаютъ его то излишнимъ опасностямъ, то напраснымъ трудамъ, то не съумѣютъ воспользоваться плодами этихъ трудовъ. Фельдмаршала Апраксина, съ которымъ сдѣлалъ весь первый походъ, мемуаристъ разносить въ пухъ и прахъ; но достается и его преемникамъ, хотя при нихъ критикъ мирно жилъ въ Кенигсбергѣ и могъ судить только съ чужихъ словъ. И такъ, приступая къ эпохѣ семилѣтней войны въ запискахъ, слѣдуетъ помнить, что рассказъ ведетъ кабинетный книжникъ и сельскій хозяинъ, человѣкъ мирнаго порядка, ненавидящій разрушеніе и истребленіе.

Въ письмахъ о походѣ особенно замѣтно, что авторъ старался обработать свои записки въ цѣлое литературное произведеніе; въ основаніе онъ положилъ, вѣроятно, тотъ короткій журналъ¹⁾, который началъ вести съ выступленія въ походѣ,

¹⁾ Томъ I-й, стр. 407.

и многое дополнилъ по памяти; рассказы очевидца здѣсь перемѣшаны съ выписками изъ нѣмецкихъ газетъ и реляцій о томъ, что въ это время происходило на другихъ театрахъ войны; все касающееся до войны сгруппировано вмѣстѣ. Онъ начинаетъ говорить объ этомъ событии только съ наступленія походныхъ сборовъ, и тутъ прибавляется, что слухи о войнѣ давно уже волновали армію; онъ не касался ихъ въ предыдущихъ письмахъ, очевидно, желая расположить материалъ своихъ записокъ въ извѣстномъ порядке.

По словамъ Болотова его полкъ принадлежалъ ко второй дивизіи, какъ тогда выражались, состоявшей подъ командой генералъ-аншефа Василія Абрамовича Лопухина, въ бригадѣ генерала Вильбу; первой дивизіей командовалъ самъ Апраксинъ, а третьей Ферморъ, направленный другой дорогой къ Мемелю. Но по Масловскому Лопухинъ командовалъ въ началѣ похода первой дивизіей или лѣвой колонной, а вторая, правая колонна, шла подъ непосредственнымъ начальствомъ Апраксина; дорога же, по которой двигалась колонна Лопухина вполнѣ совпадаетъ съ мѣстечками, какими шелъ полкъ Болотова; вѣроятно мемуаристъ перепуталъ первую со второй дивизіей. О Лопухинѣ онъ говоритъ, какъ о своемъ командирѣ: это былъ самый любимый начальникъ въ арміи; при замѣчательной личной храбости онъ обладалъ умѣніемъ обходиться съ солдатами, говорить съ ними, во время награждать и поощрять; человѣкъ родовитый и независимый, съ огромнымъ состояніемъ, онъ не стѣснялся награждать золотыми изъ своего кармана; какъ командиръ, держался лицомъ самостоятельнымъ, не дрожалъ передъ петербургскими стратегами-фаворитами, окружавшими императрицу. Между Ферморомъ и прочими нѣмцами, ловко дѣлавшими свою карьеру и тяжелыми на подъемъ русскими, эта личность выдѣлялась особенно выгодно; и авторъ невольно отѣняетъ общаго любимца, вспоминая вслѣдъ за нимъ втораго начальника Вильбу, строгаго къ дисциплинѣ, надменнаго, чуждаго солдатамъ иностранца, къ тому же необходительного и крайне вспыльчиваго. У Ковно произошло новое дѣленіе колоннъ; Архангелогородскій полкъ перешелъ отъ Лопухина къ генералъ-аншефу Брауну, въ бригаду Берха. Оба командира не играютъ ни-

какой роли въ повѣствованіи; авторъ былъ слишкомъ мало военнымъ человѣкомъ, чтобы интересоваться далекими отъ него и блѣдными личностями начальниковъ.

Изъ нѣмцевъ въ арміи особенно не любили братьевъ Ливенъ, и главнымъ образомъ Матвѣя, того самого покровителя нѣмцевъ и чухонъ, съ которымъ Болотовъ имѣлъ столкновеніе изъ-за краденой лошади; впрочемъ онъ иногда путаетъ въ своихъ отзывахъ имена Матвѣя и Юрія Ливенъ, такъ что приходится догадываться, о комъ онъ именно говоритъ. Про Георга, или Юрія, записки говорятъ, что онъ — „войсками не командовалъ, а находился при свитѣ фельдмаршальской, и приданъ былъ ему для совѣта или власно, какъ въ дядьки; странній по-истинѣ примѣръ! Но какъ бы то ни было, онъ имѣлъ во всѣхъ операціяхъ военныхъ великолѣпное соучастіе; но мы не покрылись бы толикимъ стыдомъ передъ всѣмъ свѣтомъ, еслибы не было при насъ сей умѣици и сего мнимаго философа“¹⁾. Между тѣмъ, списки генераловъ въ новѣйшемъ изслѣдованіи о первомъ прусскомъ походѣ свидѣтельствуютъ, что Юрій Ливенъ командовалъ кавалеріей въ дивизії Фермора а Матвѣй при вступленіи въ Пруссію состоялъ въ авангардѣ. Первому, старшему чиномъ, молва приписывала роль злого генія въ военномъ совѣтѣ Апраксина: онъ отсовѣтовалъ фельдмаршалу преслѣдоватъ прусскую армію послѣ Гроссь-Эгерсдорфскаго боя; своими запугиваньями заставилъ русскую армію повернуть назадъ въ Россію послѣ побѣды; наконецъ его прямо обвиняютъ въ измѣнѣ; а недовѣрявшій начальству Болотовъ охотно повторялъ эту молву. Въ арміи чувствовалось смутное сознаніе своихъ недостатковъ и промаховъ, сдѣланныхъ въ этомъ первомъ послѣ продолжительного мира тяжеломъ походѣ, и всѣ эти промахи охотно сваливали на голову насолившаго русскимъ солдатамъ нѣмца.

Изслѣдователь походовъ Апраксина и Фермора признаетъ, что излишняя медленность движеній и избытокъ осторожности были главными недостатками обоихъ главнокомандующихъ и въ особенности Фермора, который къ тому же „отличился особенною заботливостью о нѣмецкомъ населеніи Восточной Пруссіи въ ущербъ русской арміи и русскимъ финансамъ“¹⁾.

¹⁾ Масловскій, Походъ Фермора.

Такимъ образомъ его поведеніе оправдало до извѣстной степени непріязненное отношеніе арміи къ нѣмецкимъ совѣтникамъ Апраксина, котораго не смягчала храбрость, выказанная этими нѣмцами въ Гроссь-Эгерсдорфскомъ сраженіи, когда оба Ливена, Вильбуа, Мантейфель, Веймарнъ и др. нѣмцы пострадали не меныше прусскихъ.

Сильно достается въ запискахъ и самому Апраксину. Привѣряя отзывы Болотова съ другими извѣстіями объ этомъ генералѣ и съ детальнымъ изслѣдованіемъ Масловскаго, нельзя не признать, что огульное осужденіе его дѣйствій является опять-таки результатомъ мнительности мемуариста, его крайней молодости и неспособности вникать въ военное дѣло. Причинъ отступленія послѣ побѣды онъ вовсе не понималъ, какъ и почти всѣ его современники. Но очеркъ домашней жизни фельдмаршала очень любопытенъ, какъ хорошая иллюстрація смѣси французскаго съ нижегородскимъ, которая господствовала въ высшемъ обществѣ Елизаветинского времени. На походѣ Апраксинъ помѣщался въ огромныхъ калмыцкихъ кибиткахъ убранныхъ кошмами и коврами; кибитка, служившая спальней, нагревалась всю ночь жаровнями и горящими спиртомъ, при немъ состоялъ лейбъ-медикъ, который спалъ тутъ же противъ своего командира. Адютанты и ординарцы, вызываемые къ нему ночью, заставали своего фельдмаршала утопающимъ въ пуховикахъ, а въ головахъ за столикомъ сидѣлъ солдатъ-гренадеръ и разсказывалъ ему во все горло сказки для успокоенія душевнаго на сонъ грядущій. „То-то прямо приличное упражненіе для фельдмаршала такой великой арміи и въ такое время!“ восклицаетъ Болотовъ, бывшій ординарцемъ въ глубокую осень, когда армія, утопая въ грязи, возвращалась въ Курляндію. Когда авторъ доложилъ Апраксину, въ какомъ печальномъ состояніи оказались команды, ночующія въ пути, онъ „только приказалъ мнѣ итти въ свое мѣсто, а гренадеру продолжать сказывать сказку, прерванную моимъ приходомъ. Вотъ какого фельдмаршала имѣли мы въ тогдашнемъ нашемъ походѣ!“

Рядомъ съ Шуваловыми и Воронцовыми, первыми русскими корреспондентами Вольтера, при дворѣ жило много вельможъ съ открытою приверженностью къ народнымъ при-

вычкамъ и стариннымъ успокоительнымъ развлеченіямъ. Екатерининский литераторъ стыдится такого командира; за одно слушаніе сказокъ, „нелѣпаго вздора“, онъ готовъ отнять у Апраксина право на знаніе дѣла и здравый смыслъ, и представить недостойнѣйшимъ предшественникомъ просвѣщенного Кутузова, читавшаго съ тою же цѣлью нелѣпые французскіе романы. Какъ командира, армія, впрочемъ, почти не знала вельможнаго придворнаго Апраксина; она вообще мало знала своихъ шефовъ,—результатъ неустойчивости порядка, господствовавшей въ тогдашней военной администраціи; генералитетъ безпрестанно смѣнялся, и полки, даже на походѣ, безпрестанно переходили отъ одного бригаднаго или дивизионнаго командира къ другому, не успѣвая иногда ихъ хорошоенько разсмотрѣть; о нравственныхъ связяхъ не бывало и рѣчи; они складывались кое гдѣ, какъ блестящее исключеніе, такова была любовь солдатъ къ Лопухину. Настоящіе отцы командиры вырабатывались въ слѣдующую, Екатерининскую эпоху.

Ни частныя извѣстія, ни офиціальные данныя не даютъ точныхъ свѣдѣній о личныхъ распоряженіяхъ и поведеніи Апраксина во время Гроссъ-Эгерсдорфской битвы; а между тѣмъ несчастный главнокомандующій, связанный въ своихъ дѣйствіяхъ Петербургской конференціей и дипломатіей, явился единственнымъ отвѣтчикомъ за неудачи похода и за всѣ недостатки русской арміи передъ правительствомъ и передъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ запискахъ очень рѣзви и вмѣсть неясны заключительныя слова обѣ Апраксинѣ, обѣ его смерти отъ волненія въ ожиданіи суда: обѣ немъ „никто не жалѣть, кромѣ однихъ его родственниковъ и клиентовъ, ибо впрочемъ все государство было на него въ неудовольствіи. Симъ образомъ погибъ сей человѣкъ, бывшій за короткое передъ тѣмъ время только знатнымъ и пышнымъ вельможею, и наказанъ самою судьбою за вѣроломство отечеству и поступку, произведшую толь многимъ людямъ великое несчастіе“. Въ тотъ моментъ порадовались даже назначенію нѣмца Фермора, увѣряясь мемуаристъ, высказывая не свое мнѣніе,—у юнаго служаки его еще не было, а повторяя слова другихъ офицеровъ.

О численности арміи Болотовъ сперва приводить офиціальные списки того времени, по которымъ оказвалось до

134 тыс., но затѣмъ оговаривается, что ни въ одномъ полку не было полнаго комплекта людей, и потому на дѣлѣ въ арміи стояло въ строю едва ли $\frac{2}{3}$ того, что числилось по спискамъ, то-есть не болѣе 100 тыс. человѣкъ; это подтверждается и новѣйшей исторіей похода.

Съ первого дня похода обозы сдѣлались самыми больными мѣстомъ начальства и подчиненныхъ. При большомъ количествѣ крѣпостной прислуги, поваровъ, лакеевъ, имѣвшихъ тоже свой скарбъ, тогдашній полковой обозъ изъ тяжелыхъ громоздкихъ повозокъ, кишащій пестрымъ народомъ, передвигался шумно и беспорядочно, какъ орда старыхъ временъ. Всѣдѣ за каждымъ полкомъ тянулся подобный обозъ съ полковыми вещами и съ частнымъ живымъ и движимымъ имуществомъ, и сильно замедлялъ движеніе какъ своего полка, такъ и другого, который слѣдовалъ за нимъ по пятамъ по той же дорогѣ; если этотъ послѣдній обходилъ въ маршѣ обозъ своего предшественника, то случалось, что, отставая понемногу, обозы двухъ, трехъ полковъ перепутывались между собой, опаздывали на стоянки, заставляли людей пролежать всю ночь на воздухѣ подъ дождемъ и являлись на мѣстѣ только утромъ, когда готовились къ выступленію. Дивизіонное начальство нѣсколько разъ повторяло требование сокращать число повозокъ; офицеры же яростно отстаивали свое добро и часто успѣвали въ этомъ. Послѣ обычной терпимости къ привычкамъ дворянъ помѣщикамъ первое строгое предостереженіе показалось весьма несправедливымъ; оно застигло людей въ расплохѣ передъ самимъ выступленіемъ; приходилось распускать крѣпостныхъ на всѣ 4 стороны и бросать цѣнныя вещи; перспектива никому не улыбалась, и полковые командиры сами бывали укрывателями послушниковъ. У самого Апраксина было 250 подъемныхъ лошадей, 30 верховыхъ и 120 человѣкъ ливрейной прислуги; о простыхъ рабочихъ онъ и не упоминаетъ¹⁾.

Отъ гоненія на обозъ страдали главнымъ образомъ мелкие чины, люди, не пользовавшіеся расположениемъ полкового начальства или неумѣвшіе отѣлаться отъ стро-

¹⁾ Сборникъ Истор. Общества, т. 9-й.

гостей. Но и покровительствуемому судьбой Болотову не довелось избавиться отъ убытковъ; онъ принужденъ былъ отобрать почти цѣлый возъ ненужныхъ въ походѣ вещей, въ томъ числѣ нѣсколько десятковъ книгъ, и оставить все это на мызѣ нѣмца-товарища; тотъ завѣяръялъ, что вещи сохранятся въ цѣлости; однако всѣ они пропали тамъ безвозвратно.

Походъ начался торжественнымъ выѣздомъ Апраксина изъ Риги при оглушительномъ громѣ пушекъ съ городскихъ стѣнь. По дорогѣ полки преклоняли предъ нимъ знамена, а юные офицеры, неискушенные въ такихъ зрелищахъ, восхищались азиатскою пышностью кортежа и громадной военной свитой. Вслѣдъ за фельдмаршаломъ выступили полки, сперва первой дивизіи, а за нею и второй (?) Лопухина. Но этой послѣдней удалось дождаться привоза вновь изобрѣтенныхъ въ вѣдомствѣ П. И. Шувалова орудій,—гаубицъ и другихъ, слышавшихъ подъ названіемъ секретныхъ; дула ихъ были тщательно запечатаны; при каждомъ орудіи состояла особая команда изъ офицера и канонировъ, которые никого къ ней не подпускали, а самимъ имъ выдавать тайны дѣйствія орудій было запрещено подъ страхомъ смертной казни; оригинальное распоряженіе, весьма характерное для вѣка фаворитовъ и временщиковъ. На каждомъ шагу среди походовъ семилѣтней войны появляются подобная привилегированная команды; привилегированная артиллерія, дѣйствие которой вовсе не оправдало ожиданій, стояла особнякомъ, какъ собственность своего петербургскаго организатора. Въ походѣ Фермора принималъ участіе привилегированный Шуваловскій корпусъ, Обсервационный, имѣвшій своего шефа, подъ верховной командой того же любимца и почти независимый отъ главнокомандующаго. Все это значительно оправдывало нестройность въ распоряженіяхъ всѣхъ 4-хъ предводителей.

По свидѣтельству нашего мемуариста полки шли очень медленно, дѣлали частыя дневки, останавливались нерѣдко въ такихъ мѣстахъ, где дневокъ не предполагали, поджидали обозы, то запоздавшія изъ разныхъ мѣстъ Литвы и Малороссіи бригады; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ казаки и всадники инородцы, нагнали армію уже въ Польшѣ. Въ походный день дѣлали 10, 12, самое большое 15 верстъ; пройдя версту,

много двѣ, останавливались. Офицеры, сѣдя верхомъ при своихъ ротахъ, скучали и тяготились этою медленностью; жаловались, что устаютъ отъ сидѣнья на лошади съ утра до вечера и томительного бездѣлля на дневкахъ. Напѣ мемуаристъ утѣшался мирными и полезными занятіями; онъ вхалъ передъ ротой съ одной изъ купленныхъ въ Ригѣ книжекъ въ карманѣ, и какъ только командовали „стой“, онъ съ увлеченіемъ погружался въ чтеніе; на дневкахъ онъ раскладывалъ письменныя принадлежности и переводилъ тотъ же романъ на русскій языкъ, забывалъ погоду и неудобства положенія и подвергаясь комичнымъ походнымъ случайностямъ. Кромѣ того, эти полезныя „упражненія“ спасали юношу отъ компаний товарищѣй, развлекавшихся кутежами въ попутныхъ мѣстечкахъ. По временамъ останавливались сутокъ на трое для приема провіантa, печенья хлѣба и заготовки сухарей; особенно долго простояли у Ковно, сборнаго мѣста для всей арміи, куда прибыли 6-го іюна. Тутъ наводили понтоны и перебирались черезъ Вилю и Нѣманъ.

Одно время Болотова назначали квартирмистромъ полка; онъ безъ особаго сожалѣнія разставался со своей ротой. Какъ ни выгодно съ хозяйственной стороны и ни лестно было для подпоручика командованіе, но честь и выгода выкупались скучой безотлучно состоять при людяхъ во время медленнаго марша. Юношескую живость больше занимала подвижная жизнь квартирмистра, быстро проѣзжавшаго весь денной переходъ въ коляскѣ или повозкѣ; выбравъ мѣста для лагеря, офицеры располагали здѣсь своимъ днемъ, обѣдали и ужинали съ комфортомъ; они безпрепятственно возили за собой свою прислугу и кухню.

Близъ Ковно къ арміи присоединилъась полки коннicy, шедшие отъ Смоленска подъ командой Буюна. Здѣсь же собрался весь генералитетъ, и два раза составлялся военный совѣтъ, таинственные результаты котораго сильно занимали офицеровъ. Здѣсь же для чего-то заново пereѣхали полки между бригадными командирами.

Болотовъ не зналъ, конечно, о чёмъ совѣщались генералы, но не преминулъ порезонерствовать на ихъ счетъ, и не кстати, какъ это съ нимъ часто случалось: „Между тѣмъ, какъ мы

симъ образомъ и съ толикою медленностью тащились изъ Риги до Ковно, и тутъ со всѣхъ сторонъ понемногу собираясь, время свое не столько въ дѣлѣ, сколько въ праздности и пустыхъ излишествахъ препровождали, въ Богеміи и другихъ мѣстахъ продолжаль горѣть огнь военного пламени“.

Между тѣмъ не всѣ части присоединились еще къ армії; у самой границы, у Вербалово (Вержболово) простояли цѣлую неделю въ ожиданіи Румянцева, который прибыль сюда со своими кавалерийскими полками. По этому случаю полки снова передѣли; сформировали авангардный корпусъ и, къ досадѣ арміи, поручили его Матвѣю Ливену. Передвиженіе другихъ полковъ изъ одной бригады въ другую тоже вызывало спра-ведливую досаду. „Богу извѣстно, на что происходила такая тасовка!“ — восклицаетъ мемуаристъ.

20-го іюля армія вступила въ предѣлы Пруссіи. Свѣдѣнія о непріятелѣ имѣлись въ ней не всегда, и не всегда точные¹⁾; ихъ главнымъ образомъ собирали отъ прусскихъ дизертировъ, на которыхъ слишкомъ полагались; разѣзды же дѣйствовали на слишкомъ узкомъ пространствѣ, недостаточно удаляясь отъ арміи или дѣйствуя неловко. Особенно неостороженъ въ развѣдкахъ былъ первый авангардный отрядъ де-ла-Рюа, настигнутый прусскими гусарами кавалерійского генерала Малаховскаго и прогнанный назадъ съ урономъ. Разсказъ Болотова объ этомъ дѣлѣ такъ сходенъ съ реля-ціями и газетами того времени, что, вѣроятно, составленъ съ ихъ помощью. Первая небольшая неудача очень непріятно подѣствовала на армію, по крайней мѣрѣ на офицерство. Знаменитыя войска прусского короля были очень опасными противниками; это прекрасно знала русская армія и относи-лась къ нимъ слишкомъ почтительно и осторожно, чтобы не прѣнить малѣйшей удачи или неудачи. Оплошность ла-Рюа немедленно приписали тому, что онъ французы, а выслалъ впередъ именно его, а не русскаго, предатель-начальникъ авангарда, Матвѣй Ливенъ. Начальство старалось сгладить непріятное впечатлѣніе разжалованіемъ француза-полковника

1) Это свидѣтельство записокъ немногого нехотя подтверждаетъ и исто-рикъ семидесятнѣй войны.

въ рядовые и повышеніемъ его храбраго вахмистра, который одинъ останавливалъ разбѣгавшуюся команду.

Въ этой первой стычкѣ открылось, что мирные прусскіе поселяне при случаѣ очень охотно помогали своей арміи и яростно напали на совершенно разстроенный отрядъ; у нихъ оказывалось и оружіе. Въ виду такой опасности для солдатъ, которой нельзя было и отвратить, вѣбѣшенній неудачей Апраксинъ разрѣшилъ впредь не щадить селеній и жителей; это и было причиной, по словамъ мемуариста, устрашающихъ злодѣйствъ и насилий; казаки и калмыки инородческой кавалеріи особенно обрадовались такому разрѣшенію и начали творить безчеловѣчія, „какія только варварамъ приличны и кои не только вліяли во всѣхъ прусскихъ жителей величайшую къ намъ ненависть и злобу, но и покрыли нась стыдомъ и безславiemъ передъ всѣмъ свѣтомъ...“ Нѣмецкія газеты громко завопили противъ русскихъ варваровъ, совершенно забывая про знаменитые разрушительные подвиги прусской арміи въ Силезіи и Польшѣ и про слова самого Фридриха II-го, высказывавшаго, что онъ бы очень радъ имѣть въ своей арміи такую легкую кавалерію, какъ наши казаки и инородцы.

Здѣсь случилось то-же, что повторяется и до нашихъ дней: на Россію взваливались самыя темныя явленія захватившей всю Европу военной грозы; а въ сущности варвары русскихъ степей врядъ ли чѣмъ отличались отъ навербованныхъ темными средствами войскъ культурныхъ странъ: а ихъ начальство по большей части душевно скорбѣло за послѣдствія войны и стыдливо старалось сдерживать порывы подчиненныхъ. Конференція дѣлала изъ Петербурга выговоры за недостатокъ дисциплины и очевидно боялась обвиненій заграничной печати. Нашъ герой и по симпатіямъ къ нѣмецкой печати, и по личнымъ гуманнымъ наклонностямъ въ сильнѣйшей степени высказываетъ эту ученическую боязнь худой славы въ Европѣ.

Вскорѣ вслѣдъ за неудачей ла Рюа опять сказались недостатки авангардной и развѣдочной части, отряды которой слишкомъ мало опереживали армію; гусары Малаховскаго, столкнувшись съ авангардомъ, оказались такъ близко, что про-

извели тревогу во всей армії; неувѣренность въ себѣ, неточность получаемыхъ черезъ мѣстныхъ жителей свѣдѣній о прусской арміи заставили повѣрить, что самъ Левальдъ идетъ въ аттаку со всѣми своими силами. Изъ-за напраснаго переполоха двѣ ночи подъ рядъ продержали по нѣсколько полковъ подъ ружьемъ.

Въ самой армії съ переходомъ за прусскую границу соблюдались всѣ обычныя предосторожности. Разбивался правильный лагерь для всей арміи, окружался рогатками, а впередъ выставлялись пикеты съ пушками и Шуваловскими гаубицами. Вѣроятно, живя въ Пруссіи, Болотовъ наслушался не мало насмѣшекъ надъ этими рогатками, какъ весьма отсталой мѣрой предохраненія, и усиленно негодуетъ въ запискахъ на эту „смѣшную“ предосторожность; пикеты же раздражали его, потому что заставляли беспокоиться и проводить ночи подъ открытымъ небомъ. Когда дивизія Фермора присоединилась къ арміи, произошелъ опять передѣлъ полковъ по дивизіямъ; Архангелогородскій полкъ оказался въ авангардѣ подъ общимъ начальствомъ Сибильского¹⁾; но авторъ мало говоритъ объ этой личности, положеніе которой въ армії очень любопытно для исторіи этого похода; онъ гораздо больше знаетъ своего ближайшаго командира Ливена.

Каково же было настроеніе русскаго войска, отправлявшагося такъ далеко внутрь непріятельской страны на борьбу съ лучшимъ полководцемъ и лучшими войсками того времени? Болотовъ говорить объ этомъ довольно часто, но ужъ очень любить возиться со своими „чувствіями“ при разныхъ случаяхъ, причемъ дѣлается такъ многоглаголивъ, что въ избыткѣ словъ самъ себѣ противорѣчить. Изъ подъ этого многорѣчія внимательный читатель можетъ добраться только собственными соображеніями до достовѣрныхъ чертъ, рисующихъ личность автора и его тогдашнюю обстановку въ надлежащей окраскѣ.

Первый отзывъ о настроеніи военного люда въ началѣ похода наивенъ и сбивчивъ: — „Мысли, что идемъ на войну въ страны отдаленные и вражескія, терпѣть нужды, проли-

¹⁾ Саксонскій генералъ, служившій волонтеромъ въ русской арміи.

вать кровь и умирать за отечество... неизвестность, кто подвергнется сему несчастному жребию, приводили духъ въ некоторые уныніе и разстраивали всю душу. Напротивъ, съ другой стороны предубѣжденіе о храбрости и непобѣдимости нашихъ войскъ... мечтательное воображеніе, что мы по множеству нашему защищаемъ его даже шапками ободряло паки унылое сердце... и наполняла огнемъ военной ревности". Но это единственное мѣсто записокъ, где высказываются такія самонадѣянныя мысли; далѣе авторъ уже говоритъ, что „множайшіе воины чувствовали отъ пруссаковъ робость, трусость и боязнь". При первой тревогѣ Болотовъ имѣлъ случай видѣть, что не только молодые люди, какъ онъ, но и сами старые солдаты робѣли. Самъ онъ, 18-ти-лѣтній ротный командиръ, трусила, и дивился даже, какъ другіе не замѣ чаютъ по его лицу его смущенія, — между тѣмъ по долгу службы читалъ своей ротѣ „предики" и ободрялъ людей. Наконецъ, когда уже обходили съ фланга армію Левальда и со дня на день ждали, что непріятель выйдетъ изъ окоповъ, и поднимали тревогу при малѣйшемъ его движеніи, люди начинаютъ проникаться воинственнымъ духомъ. Каждую минуту ждали приказа строиться въ „ордеръ-баталію" и того момента, когда каждый принужденъ будетъ позабывать и самъ себя и все на свѣтѣ и готовиться къ смерти; „первые выходившіе" жалостно прощались съ остающимися еще въ лагерь; чувствовались и робость, и волненіе въ крови; новичкамъ приходилось, говорить авторъ, „первую пѣсенку зардѣвшись пѣть." Съ фальшивой тревоги возвращались назадъ охотно. „Для трусости? вы скажете, обращается онъ къ читателю, — нѣть, я истинно не только не трусила, но еще болѣе спокоенъ былъ, нежели самъ думалъ". Минуты, тяжелыя сначала, слишкомъ затягивались, и первы привыкали къ тревогѣ.

У Эгерсдорфскаго поля, передъ самой битвой, кое-кто задумывался о смерти иувѣчи, но едвали уже не больше думали объ исходѣ сраженія; и „были многіе такие, кои всѣ предстоящія опасности ни мало не уважали, но съ мужественнымъ духомъ, и позабывая все, готовились на сраженіе, какъ на нѣкое увеселительное пиршество". И это свидѣтель-

ство не преувеличено; современникъ, дворянинъ Лукинъ, слова которого приводились раньше, вполнѣ по-солдатски разсказываетъ о проявленіяхъ этого „мужественнаго духа“ при Пальцигѣ и Купердорфѣ¹⁾.

Во время самой битвы въ Болотовѣ сказался его юный возрастъ, и онъ, насколько могъ при своемъ темпераментѣ, увлекся тѣмъ горячимъ движениемъ, которое охватывало многотысячныя толпы народа; его личность отступаетъ, наконецъ, на задній планъ и выступаетъ впередъ жизнь массовая и быстро сменяющіяся события; отъ этого разсказъ о битвѣ на столько выигралъ въ литературномъ отношеніи, что былъ отпечатанъ отдѣльнымъ отрывкомъ гораздо раньше записокъ. Въ такія минуты человѣкъ особенно проникается сознаніемъ общаго дѣла, и даже авторъ — резонеръ не можетъ уже разобраться въ личныхъ „чувствіяхъ“. Какъ только вышли на Эгердорфское поле, — „оттого ли, что человѣкъ находится уже въ отчаяніи или окаменѣлости, или отъ того, что онъ находится не одинъ, а со множествомъ другихъ, не чувствуетъ онъ и далеко такого страха и боязни, какой чувствовать бы по природѣ и по существенной опасности и важности случая надлежало, и бываетъ уже гораздо бодрѣе и спокойнѣе духомъ“. И такъ, даже такой трусоватый, вовсе не военный человѣкъ, какъ Болотовъ, отъ всего сердца ненавидѣвшій опасности и разрушенія, оказался захваченнымъ общимъ движениемъ массы; мы полагаемъ, что еслибы его полку выпало на долю стать въ первой боевой линіи, онъ не допустилъ бы свою роту отстать отъ храбрѣшихъ командировъ. Изъ его отзывовъ о настроеніи своемъ и своихъ товарищѣй можно прослѣдить, какъ люди, отвыкшіе отъ войны, и новички, не нюхавшіе пороху, равно втягивались

1) Русск. Арх. 1865 г.... „Хотя и отдѣляемъ по повелѣнію команды отъ фронта, но употребляя о томъ великую мою просьбу, чтобы позволено было быть мнѣ и доказать вѣрность отечеству обще съ подчиненными солдатами при фронтѣ, на что и изволено, гдѣ находясь, не отступая отъ прямой солдата должности, шестикратное нападеніе непріятеля и храбраго съ обѣихъ сторонъ сраженія, всю военную дисциплину твердо соблюль... Непріятель былъ совершенно побѣженъ (при Пальцигѣ), и многое число получилъ я съ моими подчиненными артиллерийскими орудіевъ и знамя...“

въ боевую обстановку. Остается только сказать вмѣстѣ съ историкомъ семилѣтней войны, что нравственный элементъ въ русскомъ войскѣ былъ очень могущественъ. Полное почтенія къ своему болѣе культурному врагу, оно съ сознательной рѣшимостью шло на исторический бой. Многоглагольная изліянія Болотова служатъ этому особенно любопытнымъ подтвержденіемъ, именно потому, что авторъ находился въ чуждой его душевномъ складу обстановкѣ, и все-таки поддался на нѣкоторое время ея вліянію¹⁾.

ГРОССЪ-ЭГЕРСДОРФСКАЯ БИТВА.

Пять писемъ, посвященныхъ описанію Гроссъ - Эгерсдорфского поля и самой битвы, мы выдѣлимъ въ особую небольшую главу; они этого заслуживаютъ, какъ уже сказано выше, въ литературномъ отношеніи, какъ лучшія по живости разсказа, въ которыхъ автору хоть разъ удается достигнуть нѣкотораго подобія художественности. Всльдъ за разсказомъ Болотова мы находимъ не лишнимъ привести краткое описание битвы по документальному изслѣдованію Масловскаго.

Эпизоды этой битвы, повидимому, еще очень интересовали общество Екатерининскихъ временъ; за нею сохранилось прозваніе „Апраксинской баталіи“, и несмотря напечальный конецъ и худую славу ея автора, первой битвѣ съ прусса-

¹⁾ Почему же авторъ изслѣдованія „Русская армія въ семилѣтнюю войну“ — обрушивается на невольного воина съ очень строгой критикой? (стр. 48 и 49 разбора источниковъ). Полагаемъ потому, что при чтеніи записокъ онъ поддался удручающему дѣйствію многоглаголія, и, какъ военный человѣкъ, пришелъ въ негодованіе отъ курьезнаго перечисленія подъ рядъ на одной строчкѣ синонимовъ — „трусость, робость и боязнь“, постыдныхъ для офицера; а за этимъ чувствомъ военный историкъ забылъ просто человѣка, дорожащаго жизнью и не любящаго войны, и просмотрѣлъ, что примиреніе съ необходимостью идти на смерть подъ давленіемъ настроения массы, только подтверждаетъ его собственный взглядъ на русскія войска.

ками и въ слѣдующемъ поколѣніи приписывали особую важность и интересъ.

Мемуаристъ приступаетъ къ этому эпизоду со скромными оговорками, что такому маленькому человѣку, какимъ онъ былъ, нельзя было знать подробностей происходившаго въ арміи, что стоялъ онъ заброшеннымъ въ дальнемъ углу поля сраженія и никуда недвигался отъ своей роты, и правдиво выдѣляетъ при этомъ то, что самъ видѣлъ отъ того, что ему рассказали во время битвы и послѣ нея. Позиція близъ Эгерсдорфскаго поля была выбрана послѣ многихъ совѣщаній военного совѣта; мемуаристъ не смѣеть судить о ней рѣшительно, но ему кажется, что она была выгодна. Эту позицію заняли 16-го августа, когда перешли съ праваго на лѣвый берегъ Прегеля и обошли укрѣпленную позицію Левальда, весьма невыгодную для русскихъ войскъ. Подъ лагерь и обозы заняли продолговатую возвышенность, лежавшую между долиной р. Прегеля и впадающей въ нее маленькой рѣчкой, и окруженнюю съ двухъ другихъ сторонъ довольно большимъ и частымъ лѣсомъ; отсюда было только двѣ дороги на Эгерсдорфское поле—прогалина между лѣсомъ и долинка около четверти версты шириной между глубокимъ буеракомъ вышеупомянутой рѣчки и тѣмъ же лѣсомъ; обѣ были заняты нашими баттареями, а первая дефиляя дивизіей Лошухина. Такимъ образомъ лагерь между рѣчками былъ неприступенъ, а для битвы на полѣ наши могли построиться первыми. Какъ только выстрѣлы указывали на движение непріятеля, въ русскомъ лагерѣ били тревогу и немедленно вели полки строиться близъ деревень Гроссъ и Клейнъ-Эгерсдорфъ, изъ которыхъ одну при первой же тревогѣ сожгли. Такъ было 14-го и 18-го августа. 18-го выстроили всю армію на полѣ въ боевой порядокъ, и два часа неподвижно ждали пруссаковъ. Но, какъ оказалось, тѣ только въ этотъ самый день перешли въ свою очередь Прегель, устраивали лагерь и собирались съ силами, а причиной тревоги было появленіе небольшаго прусскаго авангарда.

Авторъ замѣчаетъ, что прославившіеся умѣньемъ выбирать время пруссаки были не такъ глупы, чтобы напасть именно тогда, когда ихъ ожидали, да еще зная, что непріятель

значительно сильнѣе числомъ, и, конечно, ставить въ вину командирамъ, что такъ наивно ждали открытаго нападенія. Обстоятельства оправдали это недовѣріе,—битва произошла совершенно неожиданнымъ образомъ.

Вечеромъ 18-го послѣ военнаго совѣта приказали готовиться къ походу и забрать на три дня провиантъ. Начались толки, что слабѣйшій числомъ непріятель самъ ждетъ нашей атаки, что мы пойдемъ опять въ обходъ, спорили, где и какъ станутъ обходить. Между тѣмъ послѣднѣо жарили и варили провизію; офицеры набивали єю дорожные мѣшки.

Ночью на 19-ое стоялъ сильный туманъ, который разсвѣялся только съ восходомъ солнца. Въ это время армію поднялъ сигнальный выстрѣлъ, а затѣмъ пробили генеральныи маршъ—знакъ къ походу. Палатки сложили и собрали обозы. Вся масса полковъ и обозовъ двинулась черезъ неширокую дефилю между лѣсомъ, которую занимали авангардъ и дивизія Лопухина. — Какъ всегда, обозы тѣснились, мѣшали войскамъ и путали движеніе; полки кучками пробирались съ большимъ трудомъ между возовъ и генеральскихъ колесокъ. Среди этой суматычи раздался вдругъ крикъ — „Непріятель, непріятель“, и тотчасъ послышались уверенія, что онъ перешолъ поле и деревню, что онъ чуть ли не въ обозахъ. Скоро узнали, что его увидалъ первымъ Московскій полкъ, стоявшій у выхода изъ дефиля и уже прямо передъ собой.— „Чудное по-истинѣ и непонятное дѣло“! восклицаетъ авторъ, „ждали, стерегли непріятеля, и вдругъ недоглядѣли, какъ онъ самъ подошелъ“. — Тотчасъ, однако, началась по немъ канонада съ батареи близъ Московскаго полка. — Въ главной арміи настали минуты полнаго смятенія; обозы погнали въ разныя стороны; генералы и командиры метались въ попыхахъ отъ одной части къ другой; кто кричалъ — „посылайте конницу“, — другіе двигали впередъ артиллерію, третыи вели пѣхоту, перелѣзая съ нею черезъ возы и фуры. Долго не могли разобраться за тѣснотой мѣста и общимъ замѣшательствомъ.

Одна только выдвинувшаяся впередъ дивизія Лопухина успѣвала строиться на небольшомъ пространствѣ оставшагося поля въ виду атакующихъ пруссаковъ.— Позади нея однимъ

изъ первыхъ свели съ мѣста Архангелогородскій п. и, приведя кое-какъ черезъ обозы, до которыхъ уже долетали непріятельскія ядра, поставили на склонѣ ближняго холма близъ лѣса влѣво отъ дефилеи. Здѣсь полкъ Болотова въ ряду съ прочими полками авангарда оказался совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ ставили наканунѣ при фальшивыхъ тревогахъ. Отсюда, съ небольшой высоты, видно было первое время все поле, а стоять тутъ, на лѣвомъ крылѣ или флангѣ обоихъ армій, было сравнительно безопасно, такъ какъ кустарникъ и топкое болото съ ручьемъ отдѣляли счастливцевъ отъ непріятеля. Архангелогородцы видѣли отсюда, какъ рѣшительно, въ строгомъ порядкѣ шли пруссаки на вытягивающуюся вдоль лѣса нашу армію; на ходу они дали два залпа, и, подойдя совсѣмъ близко, дали третій залпъ всею первой линіей. Наши также долго не отвѣчали имъ, что на лѣвомъ флангѣ испугались за нихъ, и солдаты рѣшили было, что у нихъ заговорены ружья.—Но всѣ скоро утѣшились: наши пушки и ружья загрохотали сильнѣй непріятельскихъ; поле покрылось клубами дыма, и только изрѣдка, мѣстами, можно было разсмотрѣть, что на немъ происходило. Видѣли по временамъ, что оба сражающіеся фронта находились близко другъ противъ друга. Нашъ все время битвы стоялъ непоколебимо; первая шеренга какъ сѣла на колѣни, такъ и сидѣла; прусскій же фронтъ былъ въ постоянномъ движеніи, то отступая, то наढигаясь, но дрался также мужественно. Позади обѣихъ линій суетились и скакали люди, подбирали раненыхъ, бѣжали роты подкрѣплений, маршъ-маршъ провозили пушки и заряды.

На лѣвомъ флангѣ стояли спокойно; только баттарея съ холма, близъ самой роты Болотова скоро открыла огонь, и переминавшаяся безъ дѣла команда приняла живѣйшее участіе въ мѣткости выстрѣловъ, въ томъ числѣ и увлеченный зреющимъ гуманный 19-ти лѣтній авторъ. Но допло дѣло и до лѣваго фланга: Болотовъ увидалъ, какъ отъ самого его края выѣздились донскіе казаки и бросились на появившуюся у болотца прусскую конницу. За версту слышны были ихъ гиканье и ружейные залпы; но вскорѣ они маршъ-маршъ понеслись назадъ и исчезли влѣвѣ за холмиками. Не успѣлъ

авторъ излилъ свое негодованіе на безтолковыхъ и беспорядочныхъ воиновъ, къ которымъ питалъ особую антипатію, какъ тамъ же, влѣвѣ, раздалась пальба и послышалось сильное движение. И тотчасъ у нихъ на холмѣ раздалась чья то спѣшная команда повернуть фронтъ, а на баттареи — „картечъ, картечъ“. Повернувъ роту, Болотовъ вмѣсто непріятеля видѣлъ только части своихъ войскъ и мельканіе командировъ и адъютантовъ, да слышалъ спѣшные залпы своей баттареи. Понемногу все затихло; фронтъ и пушки повернули попрежнему. Недоумѣніе архангелогородцевъ разсѣяль разсказъ очевидца изъ другого полка; оказалось, что прусские вирасиры и драгуны съ яростью бросились преслѣдовать бѣгущихъ казаковъ и наскакали на пѣхоту, стоявшую съ края лѣваго фланга; ряды нашихъ разступились, пропустили казаковъ, а съ ними и часть пруссаковъ; и начали рубить послѣднихъ со всѣхъ сторонъ; на остальныхъ посыпалась градомъ картечъ съ повернувшейся на холмѣ баттареи. Только заднія линіи нападающихъ успѣли ускакать отъ неожиданной ловушки.

Все это происходило на флангѣ Болотова; о главномъ боѣ онъ разсказываетъ больше съ чужихъ словъ. На правомъ флангѣ тяжелые натиски выдержалъ храбрый полковникъ Языковъ со своимъ 1-мъ grenадерскимъ полкомъ, не допуская непріятеля къ обозамъ, и, благодаря канавамъ и рвамъ своей позиціи, продержался во весь бой.

Тяжелѣе всего досталось центру, — дивизіи Лопухина. Ее атаковали пруссаки и осыпали своими залпами, когда она еще вытягивалась по нолю, стараясь вывести въ дѣло побольше полковъ; и только послѣ 3-го залпа наши могли открыть огонь. Прussаки имѣли преимущество въ обдуманной разсчитанности движеній, по приготовленнымъ всюду подкрѣплѣніямъ. У насъ же выдвинули слишкомъ мало полковъ; многие изъ нихъ остались за лѣсомъ; артиллеріи не хватало; подкрѣплѣнія посыпались кое-какъ; вообще все совершилось по волѣ Божіей. Два часа сдерживали непріятеля полки Лопухина; но ряды ихъ совсѣмъ порѣзались; они лишились почти всѣхъ (?) офицеровъ; наконецъ самъ любимый командиръ, смертельно раненый, оказался въ рукахъ пруссаковъ; какимъ

то сверхъестественнымъ порывомъ измученные люди бросились спасать его, и спасли умирающаго.

Но пруссаки прорвали наши ряды, добрались было до обозовъ. — Какъ мы побѣду одержали, — „сего ежели прямо разсудить, мы уже и сами не знали, самъ Богъ хотѣлъ насть спасти“, пишетъ Болотовъ.

На подмогу центру двинулись полки изъ-за лѣса; послалъ ли ихъ кто, или сами они, наставившись безъ дѣла, вздумали пойти на юмошь товарищамъ, авторъ не знаетъ; только двинулись они впередъ черезъ лѣсъ,бросивъ свои пушки, которыхъ не могли провезти сквозь чащу. Къ счастью имъ удалось выбраться изъ нея какъ разъ въ томъ мѣстѣ, где пруссаки смяли нашихъ; тутъ дрались уже по одиночкѣ, грудь съ грудью, забирая оружіе и заряды у мертвыхъ товарищей. Появленіе свѣжихъ полковъ все измѣнило; погибавшіе ободрились и примѣнули къ нимъ, дали вмѣстѣ залпъ и затѣмъ ударили въ штыки. Пруссаки дрогнули и подались назадъ, чтобы оправиться, но имъ не дали времени — „наши сѣли имъ на шею“; тогда прусская храбрость обратилась въ трусость, — они совсѣмъ повернули назадъ. Это смущило остальные ихъ части и ободрило нашихъ. — Пруссаки всюду начали отступать, сперва въ порядкѣ, но потомъ какъ стадо, безъ всякаго строя. На лѣвомъ флангѣ увидали это торжество и привѣтствовали восторженными криками. Черезъ минуту раздалась команда: „ступай, ступай“! и все громадными волнами бросилось черезъ болото и кусты гнать пруссаковъ. Когда вся армія перебѣжала поле, велѣли выстроиться, и всѣ потрясающимъ „Ура!“ провозгласили побѣду.

Вотъ сущность разсказа очевидца боя. Любопытно въ немъ фаталистическое отношеніе къ событию и его результатамъ, напоминающее знаменитыя описанія сраженій въ романахъ нашего времени: то же жалкое положеніе отвѣтственныхъ командировъ, которые о чёмъ то думаютъ, а дѣла дѣлаются не соображаясь съ ихъ думами; когда люди дерутся и умираютъ, они кричатъ и мечутся, „какъ угорѣлые кошки“; тѣ-же подсказанные какими то импульсами поступки, причемъ кто то выкрикиваетъ команду и ее исполняютъ. Кромѣ Лопухина и Языкова Болотовъ рѣшительно не помнить именъ тѣхъ, ко-

торые руководили движеньями, не знаетъ даже своего знаменитаго современника, Румянцева, который своевременно вывелъ свои полки изъ за лѣсу на подмогу Лопухину и далъ рѣшительный оборотъ сраженію.

Для оцѣнки разсказа мемуариста посмотримъ, что говорить о Гроссь-Эгередорфскомъ днѣ и событияхъ, его подготовившихъ, документальная история похода¹⁾.

8—11 авг. наши передовые отряды конницы гусарь и казаковъ (Демолина и Костюрина), перейдя рѣку Прегель, изслѣдовали дорогу на Алленбургъ къ Кенигсбергу; на этой дорогѣ, нѣсколько болѣе длинной, чѣмъ первый предполагаемый путь правымъ берегомъ Прегеля, нашлись запасы и фуражъ, даже магазины, достаточные для мѣсячнаго содержанія всей арміи. Кроме того дорога къ Кенигсбергу оказалась настолько открытой, что вѣкоторыя конныя части могли уже тогда добраться до города. Къ сожалѣнію, командирамъ не было известно, что въ городѣ царила полная паника, и они слишкомъ осторожно повернули назадъ рапортовать фельдмаршалу.

Въ эту пору прусскій главнокомандующій твердо держался въ укрѣпленной позиціи на правомъ берегу Прегеля, закрывая намѣченный русскими путь на Кенигсбергъ, путь уже пустынныи и разоренный, жители разбѣжались толпами передъ казачьями разъездами. У насъ прекрасно знали всю крѣпость позиціи врага. 12-го авг., когда Ферморъ присоединился къ главной арміи и Демолинъ доложилъ о результатахъ рекогносцировки, собрался военный совѣтъ и рѣшилъ переправиться на лѣвый берегъ рѣки; этимъ обезпечивали себя продовольствиемъ и заставляли непріятеля покинуть свою выгодную позицію и искать другаго мѣста для встрѣчи. — На слѣдующій день навели всѣ шесть мостовъ; 14, 15 и 16-го армія переправлялась частями и стала лагеремъ на возвышенной площадкѣ, расположенной угломъ между Прегелемъ и болотистымъ ручьемъ; а передъ лагеремъ тянулся лѣсъ, частью мелкій и болотистый, частью довольно густой, отдѣлявшій ихъ отъ Гроссь-Эгередорфскаго поля. Сквозь этотъ

¹⁾ Масловскій. I-й выпускъ, гл. VII-я.

льсь было два довольно тесныхъ прохода; позиція крѣпкая и неприступная для лагеря, но рискованная въ случаѣ пораженія, такъ какъ отступить пришлось бы черезъ рѣчку.— Но нашъ генералитетъ вовсе не ожидалъ, что именно здѣсь доведется принять генеральное сраженіе; напротивъ, думали идти впередь на Кенигсбергъ по Алленбургской дорогѣ.

Къ 17-му числу Левальдъ вполнѣ убѣдился, что русскіе перешли на другую дорогу. Онъ тотчасъ покинулъ свою позицію, перешелъ въ свою очередь Прегель и рѣшилъ атаковать. Большой лѣсъ, тянущійся по другую сторону Гроссъ-Эгерсдорфскаго поля, скрылъ отъ нашихъ движеніе всей прусской арміи. Только передовые конные отряды подъѣзжали довольно близко, чтобы разсмотрѣть нашу новую позицію; они произвели тѣ тревоги 17-го и 18-го авг., которая Болотовъ именуетъ первой и второй. Наші разведочные отряды оплошали въ эти дни и не открыли главнаго маневра врага. Причиной такой небрежности полагаютъ слишкомъ осторожное, конфузливо пользованіе легкой казачьей конницей; генералитетъ боялся новыхъ обвиненій въ грабежахъ и „русскихъ варварствахъ“, боялся столкновеній съ сельскимъ населеніемъ, и потому не отпускалъ казаковъ далеко отъ арміи; во всякомъ случаѣ, истиннаго положенія пруссаковъ не знали до боя.

Въ русской арміи на 19-ое авг. получили приказъ въ 4 часа утра собрать лагерь и двинуться въ путь. А пруссаки съ первого часу ночи шли уже къ Гроссъ-Эгерсдорфу, и къ 4-мъ часамъ, когда только еще вставалъ нашъ лагерь, оказались на полѣ построеннымъ въ боевой порядокъ; имъ очень помогъ бывшій на разсвѣтѣ туманъ. У насть—, только начали всѣ къ походу приготовляться, получено отъ форпостовъ извѣстіе, что непріятель паки изъ лѣсовъ показывается“. Апраксинъ приказалъ ударить тревогу и самъ „поѣхалъ тотчасъ съ извѣстными генералами непріятеля рекогносцировать“. При этомъ фельдмаршалъ находился въ немалой грусти, какъ свидѣтельствовалъ въ собственныхъ донесеніяхъ. Тѣмъ не менѣе возможная при непріятныхъ обстоятельствахъ распоряженія дѣлались: авангарду Сибирского (у южной дефилен противъ болотистаго перелѣска), приказано строить фронтъ противъ непріятельскаго фланга; 2-й дивизіи (Лопухина) сомкнуться

съ авангардомъ, и стать къ непріятелю фронтомъ передъ обозомъ и вдолъ того прилѣска, который былъ передъ лагеремъ и обозомъ; а 1-ой дивизіи, простирая лѣвое крыло къ правому второй дивизіи, продвинуться впередъ между прилѣсомъ и обозомъ. „Резервъ позади полковъ второй дивизіи, между лѣсомъ и обозомъ для закрытия оного и въ потребномъ случаѣ для подкрѣпленія“. Но аттака началась прежде, чѣмъ успѣли что либо выполнить. Конница принца Голштинскаго бросилась на 2-й Московскій полкъ, когда еще на возвышенности надъ ручьемъ не было полковъ; тамъ дѣйствовала только одна батарея; она помогла Московскому полку отразить натискъ, и принцъ отретировался за прилѣсокъ. Полки же дивизіи Лопухина, не выжидая приказа, начали по одиночкѣ пробираться сквозь обозы и выстраиваться по лѣвой и правую сторону этого полка, застывшаго на мѣстѣ уже подъ огнемъ пруссаковъ. Дивизія Фермора еще не появлялась, чтобы примкнуть къ ней, какъ на нее двинулся прусскій генералъ Доона всей первой линіей. Бой начался ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ; затѣмъ прусскія полки заняли то мѣсто, где фланги обѣихъ дивизій должны были сомкнуться, и бой разбился по частямъ.

Во время аттаки Доона полки Сибильскаго только строились на возвышенности лѣваго фланга, а полки Фермора, задерживаемые огнемъ и атаками прусской кавалеріи ихъ лѣваго фланга, медленно растягивались вдолъ лѣса, уже отрѣзанные отъ Лопухина; они не успѣли первое время поддержать три полка регулярной конницы, уже выдвинутыхъ впередъ. Многолюдная кавалерія Малаховскаго и Шорлемера оттолкнула нашу конницу назадъ, и нѣкоторые прусскіе гусары страшнымъ натискомъ успѣли прорваться даже въ обозы. Большую услугу оказалъ тутъ grenадерскій полкъ Языкова; прикрывая баттерею, онъ успѣль повернуть фронтъ и ружейнымъ огнемъ отбросилъ массу непріятеля назадъ, чтò и помогло укрѣпиться полкамъ Фермора. По другую сторону этой баттареи стояли въ 2 линіи 5 полковъ Брауна, позади 4-хъ кавалерійскихъ полковъ и стойко отразили аттаки конницы. Видя, что полки Фермора утвердились-таки на свое мѣсто, Левальдъ двинулъ противъ нихъ въ помощь конницѣ сильная подкрѣпленія изъ

пѣхоты Доона; но непрерывный огонь баттареи и ружей русской пѣхоты сильно разстраивалъ пруссаковъ.

Между тѣмъ какъ центръ Лопухина отчаянно сопротивлялся массѣ прусской пѣхоты, а правый флангъ успѣль-таки установиться въ боевомъ порядке и отразить конницу, на лѣвомъ флангѣ долго было спокойно; полки Сибильского занимали выгодную позицію надъ болотистой лощиной, укрепленную баттареей. Прусской коннице и некогда и рискованно было атаковать ихъ. Причиной же бездѣйствія нашихъ была, вѣроятно, нерѣшительность самого Сибильского, медлившаго дѣйствовать въ виду сильной конницы принца Голштинскаго, скоро подкѣпленной другими полками, и наконецъ, прибывшимъ сюда Шорлемеромъ. Въ разгарѣ боя казаки, стоявшіе на краю лѣваго фланга, рѣшились дѣйствовать сами. Полковникъ Серебряковъ двинулъ ихъ стремительнымъ маршъ-маршемъ на принца и Шорлемера, когда тѣ стояли всего въ верстѣ отъ нашей линіи. Затѣмъ обычнымъ маневромъ, какъ бы испугавшись, они повернули назадъ къ своимъ, обскакивая болото. Прусская конница тотчасъ бросилась ихъ преслѣдовывать до самой нашей пѣхоты, та раздалась, пропустила казаковъ и часть разскакавшихся пруссаковъ, которыхъ тутъ же перерубили. Баттарея, повернувъ пушки, осипала замявшуюся массу конницы картечью, и та въполномъ безпорядкѣ бросилась назадъ. Всльдѣ затѣмъ рѣшилась и участь боя. Центръ Лопухина совсѣмъ изнемогъ, доведя упорство до человѣчески возможнаго; полки потеряли болѣе половины офицеровъ. Смертельно раненаго Лопухина едва отбили у пруссаковъ¹⁾), генераль Зыбинъ былъ убитъ, много генераловъ изранено; совсѣмъ ослабѣвшимъ баталіонамъ приходилось отступать въ лѣсъ. Въ это время четыре полка Румянцева ударили на прусскіе полки, занявшиѣ перерывъ между 1-й и 2-й дивизіей. (По чьей ини-

¹⁾ Русск. Арх. 1872 г. Записки Лубяновскаго, ст. 125. „Знатный былъ генераль Василій Абрамовичъ, солдатъ любилъ какт дѣтей. Приходитъ вѣсть изъ авантарда, что пруссакѣ неожиданно поднялся. Лопухинъ полегѣлъ прямо въ пыль сраженія, раненъ и въ плѣнъ взять. Вставай, живые и мертвые! Отецъ нашъ въ полону! закричали солдаты. Плѣнного отбили и непріятеля прогнали. Вас. Абр. умеръ отъ раны на полѣ сраженія, и калмыки покупали свѣчи и отправляли по немъ панихиды“.

діативѣ двинулся Румянцевъ — неизвѣстно; мѣстопребываніе Апраксина во время боя тоже неизвѣстно). Вся картина измѣнилась: „они (пруссаки) по жестокомъ кровавомъ сраженіи съ достаточнымъ числомъ своихъ войскъ въ наивящемъ безпорядкѣ свое спасеніе бѣгствомъ искать стали“. Тутъ двинулся впередъ и нетронутый нашъ лѣвый флангъ и соединился съ ожившой дивизіей Лопухина, и пруссаковъ всюду прогнали съ Гроссь-Эгерсдорфскаго поля.

Изъ сопоставленія исторического описанія съ разсказомъ очевидца-современника становится яснымъ, что послѣдній говорилъ только о томъ, что видѣлъ и помнилъ, или слышалъ тутъ же отъ товарищей; но многихъ подробностей боя онъ не зналъ. Онъ не видѣлъ праваго крыла нашей арміи съ своего холма, и почти ничего не говорить о немъ, упоминая только о храбрости и энергіи Языкова; о движеніяхъ Фермора, Брауна и регулярной кавалеріи онъ или не слыхалъ или забылъ сказать. Но то, что онъ видѣлъ и знаетъ, онъ описываетъ очень сходно съ историческими данными, причемъ, какъ участникъ суматохи, поднятой внезапной тревогой, онъ естественно придаетъ ей больше значенія, чѣмъ историки, разбиравшіеся въ событияхъ черезъ сто слишкомъ лѣтъ.

Слѣдующія пять писемъ посвящены обратному походу Апраксина въ Россію, поднявшему столько шума и вызывающему столько толкованій и недоразумѣній въ нашей военной исторической литературѣ. Настроеніе арміи послѣ побѣды было самое восторженное, несмотря на рядъ ошибокъ и неожиданностей, которыми сопровождалась побѣда. Армія ликовала, что и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ справилась съ грознымъ своею славой врагомъ, была полна энергіи и стремилась впередъ, закончить кампанію отдыхомъ въ Кенигсбергѣ. Немедленной погони за непріятелемъ не дѣлали; войско этому еще не удивилось, такъ пріятно было отдохнуть послѣ тревогъ 20-го авг. служили молебень, праздновали побѣду, затѣмъ начали убирать убитыхъ. 21-го уже поговаривали, что напрасно мѣшкаютъ погоней за остатками прусской арміи. 22-го съ удовольствіемъ двинулись въ путь, но прошли всего 5 верстъ, чemu не мало смѣялись и корили командировъ. На

слѣдующій день, подойдя къ р. Ааль близъ городка Велау, увидали на противоположномъ берегу на возвышенности прусскій лагерь въ полномъ порядкѣ. Эта неожиданность заставила генераловъ призадуматься; но, по словамъ очевидца, армія еще ни мало не теряла энергіи и жаждала покончить съ Левальдомъ. Офицерство ворчало и бранилось, разносило генералитетъ, что, не рѣшаясь преслѣдовывать непріятеля, дали ему собраться съ силами и укрѣпиться. Послѣ перестрѣлки приступили къ собираю мостовъ, но вели дѣло медленно. Дни шли, а Апраксинъ все стоялъ противъ прусского лагеря, держа армію на-сторожѣ и смотря на воздвигаемыя у Велау баттареи. Пошли слухи, что прусскій лагерь уже опустѣлъ, что онъ „фальшивый“, что ядро арміи Левальда, укомплектованное резервами и вербовками, отошло къ Прегелю. Тутъ среди разсуждающихъ офицеровъ стало особенно замѣтно недовѣріе къ генераламъ, заговорили даже объ измѣнѣ нѣмцевъ. Это было во время рѣшительного совѣта, послѣ которого 28-го авг. повернули нашу армію по прежней дорогѣ въ обходъ Левальда, а затѣмъ пошли назадъ на Тильзитъ и Мемель. Среди взволнованной, недовольной массы раздались еще болѣе жгучіе толки. Изъ высшей сферы доходили смутныя извѣстія, что всѣ члены военнаго совѣта рѣшили вслѣдъ за фельдмаршаломъ, что для сохраненія арміи слѣдуетъ отступить къ своимъ границамъ; одинъ только волонтеръ Сибирской не согласился съ прочими; онъ требовалъ немедленного преслѣдованія Левальда еще тотчасъ послѣ битвы, но ему не дали необходимыхъ 3-хъ пѣхотныхъ полковъ. Смущенный общимъ ропотомъ, генералитетъ старался распространять среди арміи, что немедленный походъ къ Кенисбергу опасенъ въ виду предстоящаго недостатка въ провіантѣ. Многіе не вѣрили официальнымъ слухамъ, находили, что Апраксинъ такъ грозилъ генераламъ этими опасностями, что тѣ волей неволей согласились съ нимъ. „О, что это былъ за походъ! воскликнала Болотовъ; истинно сердце обливается кровью, какъ я его и весь обстоятельства вспомню!“

Погода была жаркая въ первые дни отступленія; люди задыхались отъ духоты и пыли; но двигались въ обратный путь гораздо быстрѣе, чѣмъ при наступленіи. Полки шли

въ полномъ порядке; арьергардъ, въ которомъ оказался теперь Архангелогородскій полкъ, фронтомъ, боевыми колоннами, недовѣрая еще непоказывавшемуся непріятелю. Особенно раздражались наши, видя торжество и гордость обывателей, когда они очищали пруссакамъ городокъ за городкомъ. Съ приближенiemъ къ Тильзиту погода и дороги измѣнились; съ 8-го сентября пошли дожди и всю осень мучили несчастную армію; низменныя, неровныя дороги, перерѣзываемыя рѣчками и вершинками, стали очень грязны. Тогда же появились прусские отряды и начали безпрестанно беспокоить отступающихъ, мѣшая фуражировкамъ. Полагаемъ, что самъ Левальдъ провожалъ нашихъ по пятамъ, но мемуаристъ принадлежалъ къ невѣрившимъ этимъ слухамъ. Чтобы задерживать поговю, дали приказъ сжигать и разрушать селенія, остающіяся позади; это вызвало новые обвиненія въ варварствѣ. Только подъ Тильзитомъ авторъ повѣрилъ, что прусская армія преслѣдуется ихъ по пятамъ. Твердо намѣреваясь не принимать сраженія, Апраксинъ велѣлъ немедленно перебираться изъ города на другой берегъ р. Мемеля по единственному мосту и на спѣхъ связаннымъ плотамъ. И едва только русская армія кончила переправу, какъ пруссаки заняли Тильзитъ. Ихъ ядра полетѣли въ нашъ лагерь какъ разъ въ то время, когда по приказанію фельдмаршала праздновали пальбой день Гроссъ-Эгерсдорфа (19 сент.). Резонеры-патріоты, недовольные, усталые, осыпали Апраксина и прочихъ генераловъ самыми ядовитыми насмѣшками, и за трусливое бѣгство изъ Тильзита, и за смѣхотворныя угрозы, которыми вынудили у тильзитцевъ обѣщаніе не впускать своихъ и за напрасную трату зарядовъ, которыми отвѣчали на бомбардировку со стороны непріятеля. Повидимому, еще до своего паденія несчастный фельдмаршаль служилъ козлищемъ отпущенія за всѣ недостатки нашихъ военныхъ силъ, впервые проэкзаменованныхъ походомъ въ Европу.

Путь на Мемель проходили въ гораздо меньшемъ порядке. Армія стала раздѣляться; полки расходились въ разныя стороны, къ своимъ квартирамъ. Съ 20-го сентября наступила совсѣмъ холодная, мокрая осень. Дороги по Курляндіи вдоль низменнаго балтійскаго прибрежья, сырья и въ сухое время, теперь представляли невообразимую топь; въ ней вазли и

тонули лошади, гибли повозки, по-поясь болтались солдаты по цѣлымъ днямъ; въ ней и почевали, не успѣвая добрести до назначенныхъ подъ лагерь мѣстъ. Только зарева пылавшихъ деревень и мызъ освѣщали эти печальные стоянки. Отдыхали осторожно до Мемеля, такъ какъ сзади все грозили непріятельскіе гусары. Болотовъ скорбѣлъ душой и раздражался, смотря на мученія людей и на разоренія, производимыя при отступленіи. Только 20-го октября его бригада стала, наконецъ, на квартиры.

ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

О главнокомандующемъ Ферморѣ и его зимнемъ походѣ мемуаристъ разсказываетъ по реляціямъ и съ чужихъ словъ, такъ какъ его полкъ выступилъ съ послѣдней бригадой въ концѣ зими 1758 г., когда сдался давно желанный Кенигсбергъ. Бригада шла неторопясь, и на этотъ разъ весело и беззаботно. Шли новыми неразоренными мѣстами на польскія провинціи, затѣмъ на Гумбиненъ и Торнъ. Но и здѣсь чувствовался недостатокъ фуража, и лошади, при всей легкости похода, страдали; однако авторъ-резонеръ не обращаетъ на это вниманія, и не выводитъ поучительныхъ заключеній о разумности отступленія Апраксина, возбуждавшаго столько негодованія.

Онъ съ интересомъ присматривался къ католическому населенію, къ совершенно новой для него обстановкѣ. Его замѣчанія бѣглы и немногословны, но изъ нихъ видно, что несмотря на всю его склонность выводить что нибудь поучительное изъ чужихъ странъ, польскіе областные порядки далеко не внушали ему симпатій. Русскихъ поражали и возмущали въ Польшѣ стоявшія кое-гдѣ при дорогахъ висѣлицы съ повѣщенными. „Нигдѣ, я думаю, не вѣшается столько людей, какъ въ Польшѣ. За маленькое воровство и кражу долженъ уже воръ итти на висѣлицу, и казнить его симъ образомъ можетъ не только всякое городское начальство и

правительство, но и самые дворяне. Обыкновение, по-истинѣ, весьма странное и гнусное, а чтѣ всего удивительное, невыполняющее далеко той цѣли, для которой оно вошло въ употребленіе... воры все-таки въ государствѣ не переводились". Страненъ и дѣлъ казался нашему офицерству, часто воспитываемому въ юности лютеранами, экстазъ католиковъ во время богослуженія. За то глубоко восхищались сердца помѣщиковъ при видѣ цвѣтущаго сельскаго хозяйства протестантскихъ эмигрантовъ, выселившихся изъ южныхъ католическихъ странъ, тѣхъ переселенцевъ, которые обратили низменные, топкіе берега прусской Вислы въ фермы и плодородныя поля. Наши завидовали домамъ нѣмецкихъ крестьянъ, какихъ не имѣли у насъ многіе помѣщики, а главное тому, что всякий фермеръ, всякий крестьянинъ имѣлъ всю свою землю близь усадьбы.

На квартирахъ близь Торна Болотовъ жилъ въ усадьбѣ подобнаго достаточнаго крестьянина на низменныхъ берегахъ Вислы, внимательно присматривался къ порядкамъ незнакомаго и дѣловитаго хозяйства, и всегда съ тѣхъ поръ питалъ уваженіе къ нѣмецкой сельско-хозяйственной культурѣ.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія подъ Торномъ, въ самый разгарь весны въ Архангелогородскомъ полку съ восторгомъ узнали, что онъ назначенъ содержать караулы въ Кенигсбергѣ.

Четырехлѣтняя оккупација восточной Пруссіи и обладаніе однимъ изъ промышленныхъ и просвѣтительныхъ центровъ съверной Германіи составляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ явлений нашей исторіи XVIII-го вѣка.—Мы захватили тогда область младшаго по лѣтамъ европейскаго государства, и какъ разъ въ то время, когда оно находилось въ полномъ ходу политического, общественнаго и умственнаго развитія. Несмотря на сильное еще вліяніе Франціи на дворъ и высшій классъ, это развитіе въ глубинѣ общества приняло вполнѣ самостоятельное, національное направлѣніе. Несмотря на удивительные контрасты во всѣхъ сферахъ нѣмецкой жизни, при нелѣпомъ, разворачающемъ и тяжеломъ для народныхъ массъ складѣ крошечныхъ дворовъ нѣмецкихъ властителей,

контрастомъ между тупостью, грубостью нравовъ, аляповатой подражательностью и творческой силой отдельныхъ лицъ, кружковъ и учреждений, глубокой потребности въ образованіи и наукѣ въ среднихъ классахъ, нѣмецкое просвѣщеніе въ вѣкъ Фридриха Великаго сильно распространялось въ ширь. Нѣмецкіе университеты вели свою вполнѣ самостоятельную работу и закладывали фундаментъ новой специальнѣ нѣмецкой эры философіи и науки.

Въ восточной Пруссіи наши встрѣтились со свѣжимъ, новымъ административнымъ механизмомъ сверху, прекрасно за-веденнымъ геніальнымъ королемъ, и съ городскимъ сословіемъ снизу, уже вышедшими изъ того огрубенія и ничтожества, въ которое оно было загнано 30-ти-лѣтнею войной и неурядицами XVII-го вѣка.—Прежде всего нашимъ завоевателямъ пришлось имѣть дѣло именно съ этой прусской администрацией; но любопытно, что съ нею-то почти не знакомятъ насъ современные русскіе источники; о ней умалчиваются, какъ будто не знали, какъ съ нею быть. Изъ Петербурга высказывали желаніе, чтобы богатая нѣмецкая область приносила намъ хоть нѣкоторый доходъ въ вознагражденіе за военные расходы; а между тѣмъ никто не позаботился заблаговременно ознакомиться со страной, ея доходами и административными органами; ихъ не знали самые аккуратные нѣмцы служащи资料 нашего генералитета; Ферморъ откровенно признавался въ своемъ незнаніи. Наше активное вмѣшательство въ прусскую администрацію выразилось прежде всего требованіемъ, чтобы доходы съ провинціи выплачивались въ казну русской Императрицы, а затѣмъ въ дѣятельности канцеляріи русскаго генераль-губернатора, резидировавшаго въ Кенигсбергѣ. Какъ дѣйствовала эта канцелярія—пока вопросъ темный¹⁾.

Прикомандированный въ качествѣ чиновника къ губернаторской канцеляріи и прослуживъ въ ней почти 4 года, Болотовъ все-таки не даетъ себѣ яснаго отчета въ значеніи и юридическихъ основаніяхъ ея дѣятельности, въ ея отношеніи къ прусскимъ камерамъ; онъ не имѣлъ ни времени ни интереса вникать въ это. Онъ только живо и занимательно описываетъ

¹⁾ Исследование Масловскаго еще не доведено до этой эпохи.

типы нѣмецкихъ и русскихъ чиновниковъ, офицеровъ и адъютантовъ, окружавшихъ губернатора; его записки даютъ много интересныхъ данныхъ для характеристики этой въ высшей степени любопытной эпохи тѣсныхъ между-народныхъ сношений; самъ онъ, отбывъ службу, съ увлечениемъ предавался книгамъ, литературѣ, захаживалъ въ университетъ, увлекался всей умственной жизнью большого, оживленного города. Въ этомъ случаѣ авторъ заслуживаетъ только благодарности; — эта культурная сторона пребыванія русскихъ въ Пруссіи несравненно интересней и значительней частнаго вопроса о временномъ управлении восточную областью.

Болотовъ прѣѣхалъ въ Кенигсбергъ 19-ти лѣтнимъ юношемъ съ жаждой умственной пищи и дальнѣйшаго образования, но съ сознаніемъ весьма смутнымъ; юноша самъ не зналъ въ чёмъ можетъ заключаться это образование; только рядъ случайностей привязалъ его къ Кенигсбергу и натолкнулъ на знакомства и связи, изъ которыхъ сложилась его своеобразная студенческая жизнь; во всякомъ случаѣ послѣдніе два года его пребыванія заграницей можно назвать его студенчествомъ. Эта эпоха началась назначеніемъ мемуариста въ составъ гражданского управления прусской провинціей, а потому мы приступимъ къ ней съ краткой характеристикой правителей и состава чиновниковъ, по скольку обѣихъ говорится въ запискахъ.

Ферморъ, назначенный первое время губернаторомъ завоеванной имъ области, главнымъ образомъ завѣдывалъ арміей, и не могъ непосредственно слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Кенигсбергѣ. Завѣдующимъ сборомъ податей и доходовъ авторъ нашелъ здѣсь бригадира фонъ Нумерса, въ бригадѣ котораго состоялъ одно время его полкъ. Подъ надзоромъ этого нѣмца прусскія коллегіи и канцеляріи работали тѣмъ же порядкомъ, какой былъ до завоеванія. Для составленія отчетныхъ штурновыхъ книгъ бригадиръ нашелъ удобнымъ имѣть своего человека, вполнѣ твердаго въ нѣмецкой грамотѣ, и приказалъ поискать такового среди русскихъ офицеровъ; выборъ былъ слишкомъ не великъ, — рекомендовали одного Болотова; старый приятель, капитанъ Гнѣвшевъ и полковникъ Планта

расхвалили его. Подпоручика взяли изъ полка и посадили въ прусскую „камору“ за переписку отчетовъ на нѣмецкомъ языке; (за это время онъ ничего не переводилъ; вся отчетность велась по нѣмецки). Не даромъ онъ съ дѣтства умилъ нѣмцевъ,—онъ былъ обласканъ Нумерсомъ, и оказался на первое время совершенно одинъ среди прусскихъ чиновниковъ. Прусское чиновничество Фридриха II-го было дисциплинировано по военному, и присутственные мѣста производили впечатлѣніе по строгой тишинѣ и порядку, которые въ нихъ царили; служащіе сидѣли за столами, какъ вкопанные; мрачная строгость лицъ еще усиливалась неестественнымъ положеніемъ побѣжденныхъ передъ варварами-побѣдителями; въ этомъ слоѣ общества всѣ прусаки пока сторонились отъ русскихъ, и безъ необходимости ни въ какія сношенія не вступались. Чиновники старались не замѣтить русского офицера, были вѣжливы, но крайне неразговорчивы.

Вскорѣ послѣ поступленія Болотова къ гражданскимъ дѣламъ прибылъ назначенный изъ Петербурга генералъ-губернаторъ, ген.-поручикъ баронъ Николай Андреевичъ Корфъ. Онъ являлся намѣстникомъ императрицы въ нѣмецкой провинціи, и имѣлъ торжественный вѣзѣдъ въ старинный замокъ прусскихъ курфюрстовъ. Корфъ никогда собственно не отличался ни на административномъ, ни на военномъ поприщѣ,—былъ вельможей и придворнымъ, и имѣлъ громадныя связи въ Петербургѣ. Онъ былъ женатъ на Скавронской, племянницѣ императрицы и сестрѣ жены канцлера Воронцова; это то и выдвинуло его на такой важный постъ¹⁾). По-русски онъ говорилъ, но не могъ подписывать даже своего имени. Представительство, поддерживаніе императорскаго престижа пышностью, приемами и праздниками онъ понималъ, какъ свою главную задачу. Въ суть дѣлъ управления онъ вникалъ мало, да и ничего въ нихъ не смыслилъ. Въ обращеніи съ подчиненными Корфъ отличался неровностью, умѣлъ казаться внимательнымъ, любезнымъ, но часто бывалъ невиновимъ по неудержимой вспыльчивости и капризному самодурству.—Среди

¹⁾ Н. А. Корфъ пользовался личнымъ довѣріемъ Императрицы. Въ 1744 г. ему былъ вѣренъ надзоръ за Брауншвейгской фамиліей.

армії его назначеніе приняли не очень благосклонно; въ немъ видѣли нѣмца прежде всего, и потому уже ожидали всяческихъ любезностей и поблажекъ для мѣстныхъ жителей. Ожиданія оправдались на дѣлѣ; кромѣ того нѣмецъ оказался беспорядочнымъ, залѣнившимся на русскій ладъ человѣкомъ.

Цѣлый штатъ чиновниковъ изъ русскихъ и русскихъ нѣмцевъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Корфомъ. Собственно губернаторскую канцелярію мемуаристъ отдѣляетъ отъ „совѣтниковъ“.— „Наипервѣйшими при генералѣ были совѣтники; ихъ было два и оба засѣдали вмѣстѣ съ генераломъ, даже сначала жили въ замѣѣ“. Одинъ изъ нихъ Бауманъ былъ нѣмецъ, другой русскій, Волковъ; послѣдняго очень скоро куда то перевели, а на его мѣсто вторымъ совѣтникомъ сдѣлали опять таки нѣмца, Вестфалена, домашняго секретаря Корфа; авторъ считаетъ его за „ученаго человѣка“.

Совѣтники засѣдали въ особые часы съ оберъ-секретаремъ прусской коллегіи, который приводилъ съ собой двухъ или трехъ нѣмецкихъ канцеляристовъ для составленія бумагъ. Къ особому благополучію нашего героя нѣмцамъ отвели мѣсто за его столомъ. Старшій совѣтникъ Бауманъ и прусскій оберъ-секретарь завѣдывали одни внутреннимъ управлениемъ прусской провинціи. При нихъ состояли два коллежскихъ совѣтника, тоже изъ нѣмцевъ; одинъ замѣнилъ бригадира Нумерса въ Кенигсбергской „каморѣ“, то-есть у сбора податей и доходовъ; другой исправлялъ ту-же должность въ Гумбинненѣ. Такимъ образомъ непріятность русскаго господства какъ-бы смягчали, вручивъ дѣла въ нѣмецкія руки.

Составъ губернаторской канцеляріи былъ нѣсколько иной. Во главѣ ея стоялъ секретарь Чонжинъ,— „весъма важная особа; вся канцелярія лежала на немъ почти одномъ“.— Выслужившись изъ нисшихъ приказныхъ, этотъ человѣкъ зналъ себѣ цѣну, до тонкости зналъ дѣлопроизводство, пользовался довѣріемъ Корфа и даже возвышалъ голосъ въ спорахъ съ начальникомъ; но за-то держалъ себя надменно и строго съ подчиненными безъ всякаго снисхожденія. Его всѣ почитали и очень не любили.— „Впрочемъ на приказныя дѣла и обыкновенные подьяческие крючки былъ онъ весъма способная и столь бойкая особа, что изъ всѣхъ одинъ только, находясь

въ семъ мѣстѣ и столь хитро и искусно умѣлъ наживаться, что и примѣтить почти было не можно". Младшій секретарь былъ несравненно честнѣй и лучше обращеніемъ, но такой кутила, что скоро расхvorался и былъ отставленъ. За ними шелъ протоколистъ, самый симпатичный изъ чиновниковъ, по словамъ автора; объ остальныхъ русскихъ канцеляристахъ онъ считаетъ лишнимъ говорить: „Всѣ они были обыкновенные наши русскіе подьячіе, всѣ пьяницы и негодяи, и изъ всѣхъ ихъ не было ни одного, кто-бы достоинъ былъ хотя малаго вниманія". Затѣмъ въ чрезвычайно лестныхъ краскахъ выставлены три прусскихъ канцеляриста; авторъ признается, что они были „какъ на отборѣ"; очевидно, чтобы избѣжать непріятностей въ деликатныхъ и весьма неопределенныхъ отношеніяхъ между прусскими канцелярями и русскими чиновниками и какъ можно выгоднѣе выставить своихъ вблизи губернатора, пруссаки присылали самыхъ развитыхъ и тактичныхъ людей.

Только приступивъ къ дѣламъ, Корфъ съ соѣтниками спохватились, что секретари не знаютъ ни слова по-нѣмецки, а они не позаботились о переводчикѣ; пошли опять поиски среди офицеровъ, и тутъ снова выдвинули Болотова. По указанію Нумерса Корфъ приказалъ взять его переводчикомъ въ канцелярію. Помимо своего прямого дѣла, перевода прошеній и бумагъ, онъ исполнялъ разныя другія порученія, не получая за это никакого вознагражденія, кромѣ прежняго подпоручичья оклада. Только когда ему поручали писать паспорта пруссакамъ, занимавшимся извозомъ, самъ Корфъ разрышилъ изъ подъ руки братъ по нѣсколько грошѣй съ просителя.

Среди приближенныхъ Корфа первое время игралъ видную роль его адютантъ, тоже русскій, изъ гвардейскихъ офицеровъ: петербургскій щеголь и петиметръ, онъ отличался отъ чиновниковъ салоннымъ лоскомъ и нѣкоторымъ образованіемъ, былъ болѣшимъ почитателемъ литературы, и скоро сошелся съ Болотовымъ, будучи къ тому же почти однихъ съ нимъ лѣтъ. Корфъ сразу поставилъ свой домъ на широкую ногу; для всей свиты и чиновниковъ былъ каждый день обѣденный столъ, за которымъ молодежь весело и пріятно

проводила время. Тутъ къ нимъ присоединялся таинственный итальянецъ, Морнини, „бойкая, хитрая и преразумная особа“, повидимому домашній дипломатъ губернатора, служившій по тайнымъ политическимъ дѣламъ и руководившій своего принципала въ хитросплетеніяхъ тогдашней европейской дипломатіи. Этаъ авантюристъ подкупилъ нашего юношу въ свою пользу свѣдѣніями о всевозможныхъ странахъ и своими широкими литературными познаніями; все свободное время онъ просиживалъ за книгами. Вотъ вѣщая обстановка временного управления восточной Пруссіей.

По временамъ одни лица смѣнались другими; являлись новые товарищи изъ Россіи, приводили съ собой знакомыхъ; но весело бывало по прежнему. Въ 1760 г. благовоспитанный щеголь-адъютантъ былъ замѣненъ скромнымъ офицеромъ Балабинымъ, вовсе не знаяшимъ иностранныхъ языковъ; но мемуаристъ нашелъ его за-то умнѣе и дѣловитѣе своего предшественника и подружился съ нимъ еще тѣснѣе. На мѣсто большого младшаго секретаря явились два брата Олины, два юнкера изъ коллегій „для отправленія письменныхъ дѣлъ“, но уже въ офицерскихъ чинахъ; сыновья богатаго чиновника, то есть изъ крапивнаго сѣмени, они знали только русскую грамоту; но, впрочемъ, держались „на дворянской ногѣ и якшались не съ подъячими, а съ нами“, говорить объ нихъ Болотовъ; старшій усердно подражалъ столячнымъ петиметрамъ и надобдалъ товарищамъ своимъ ломаньемъ.

Почти въ одно время съ ними появились въ Кенигсбергѣ 10 студентовъ первыхъ выпусксовъ Московскаго университета. Двое изъ нихъ были присланы для службы въ канцеляріи, и, напрактиковавшись въ нѣмецкомъ языкѣ, должны были замѣнить Болотова въ должностіи переводчиковъ. Авторъ называетъ обоихъ, Садовскаго и Малиновскаго, „наилучшенькими изъ десяти“; полагаемъ, что это сказано или для краснаго словца, изъ свойственнаго ему желанія упирать на лучшія стороны своихъ пріятелей, или потому, что онъ не успѣлъ, не имѣлъ случая сойтись поближе съ прочими студентами, то-есть именно съ тѣми, которые были присланы на казенный счетъ, чтобы продолжать свое образованіе въ загра-

ничныхъ университетахъ и вернуться профессорами на родину¹⁾). Онъ былъ знакомъ, впрочемъ, и съ этими будущими учеными, часто посѣщавшими канцелярію, и воздаетъ имъ должное, хотя не много холодно и свысока. Оба студента переводчика, по незнанію немецкаго языка, долго не могли приступить къ канцелярскому дѣлу; и имъ наряду съ прочими разрѣшили выбирать профессоровъ въ мѣстномъ университетѣ и заниматься любимыми науками.

При такомъ разнообразномъ составѣ служащихъ и постътелей, канцелярія гостепріимнаго Корфа вмѣстѣ съ его гостиными сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ, гдѣ стаikkвался, сходился и знакомился весь русскій людъ, перебывавшій въ Пруссіи за время нашего господства; въ замкѣ весело пожили въ его губернаторство. Каждый полкъ съ восторгомъ принималъ извѣстіе, что его назначаютъ въ Кенигсбергъ. Молодые и пожилые офицеры стремились туда, чтобы всласть насладиться прелестами городской жизни, пожить на хорошихъ квартирахъ, покутить, „предаваться всякимъ роскошамъ и излишествамъ“, по выраженію записокъ. И действительно, многимъ удалось накутиться во всю ширь русской натуры; записки не разъ упоминаютъ въ назидательномъ тонѣ о печальныхъ послѣдствіяхъ „излишествъ“ для жизни и здоровья. Авторъ біографіи Гр. Гр. Орлова справедливо называетъ Кенигсбергъ Капуей русскихъ войскъ; но такая характеристика все-таки одностороння. Картина первого жаднаго порыва къ наслажденію заграничными увеселеніями была крайне непривлекательна. Офицеры Архангелогородскаго полка не успѣли водвориться на квартирахъ, какъ въ первые же дни изучили каждый увеселительный уголокъ большаго города, опѣнили прелести каждого садика, трактира и винного погреба. Ихъ скромный однополчанинъ изумлялся, какъ самые разумные офицеры, тѣ, которыхъ онъ „почиталъ къ таковой развратной жизни неспособными“, на время какъ-бы

¹⁾) „Словарь профессоровъ Моск. Универс“. Посылка за границу служила высшей наградой вмѣсто золотой медали. Тогда въ Кенигсбергѣ жили и учились, кроме двухъ переводчиковъ,— Афонинъ, Карамышевъ, Третьяковъ, Десницкій, Веніаминовъ и Зыбинъ. Кто были два остальныхъ, мы не знаемъ.

потеряли голову и закружились вмѣстѣ съ отъявленными кутилами; ни отъ кого не слыхалъ онъ тогда разумнаго слова, „а всѣ лучшія шутки ихъ были обѣ однихъ играхъ, гуляньяхъ и о женщинахъ“. Несмотря на такие грѣховные соблазны, широкая, разнообразная уличная жизнь богатаго города была такъ весела и занимательна, такъ захватывала нашихъ бѣдняковъ-степняковъ, знавшихъ только свои тихія деревушки да маленькие русскіе города, что самые сдержанніе скромники тянулись за гуляками на улицу. Двухнедѣльная ярмарка совсѣмъ сбила съ ногъ нашу молодежь; въ прекрасную лѣтнюю пору со всей Пруссіи и даже изъ Польши съѣзжались въ Кенигсбергъ на торговыя сдѣлки; въ городѣ открывались по этому случаю уличные театры и зрѣлища. Проводя цѣлый день на улицѣ, наблюдая кипучую жизнь, наши армейцы заводили въ толкотнѣ знакомства съ дамами и снисходительными нѣмецкими семействами. Людямъ повзыскательнѣй нѣмки-горожанки не нравились; они „искали случаевъ къ сведенію знакомства съ пріѣзжими изъ Польши, а особливо съ тамошними дворянками и употребляли разныя хитрости и обманы къ обольщенію оныхъ“. Нѣмецкое дворянство было недоступно для нашихъ офицеровъ; имъ приходилось довольствоваться компаніей мѣщанъ или ухаживать за болѣе снисходительными паннами.

Но грубыя увлечения свойственны всѣмъ вѣкамъ; они ничего не прибавлять къ характеристику эпохи, поэтому о нихъ не зачѣмъ распространяться. Гораздо интереснѣй то глубокое впечатлѣніе, которое производили общественные привычки и потребности нѣмецкихъ горожанъ на болѣе серьезныхъ русскихъ людей. Въ Кенигсбергѣ было много публичныхъ мѣсть, гдѣ пріятно проводили время въ компаніи и безъ кутежей. Болотова приводили въ восторгъ очень распространенные въ германскихъ городахъ садики, въ которыхъ пили пиво, закусывали, играли въ кегли, въ карты или фортуна, гдѣ все было чинно, тихо, и все стоило очень дешево. Освоившись въ нихъ, авторъ бывалъ очень радъ, когда нѣмцы принимали его въ свое общество, будто-бы считая за нѣмца, и вели съ нимъ политические разговоры. Зимой приходилось переходить въ комнаты трактиръ и пивныхъ, читать газеты,

иногда играть въ ломберъ по самой маленькой съ прусскими канцеляристами.

По обычаю нѣмецкихъ городовъ въ ратушѣ или городскихъ домахъ устраивались публичные балы по случаю общественныхъ праздниковъ, часто семействами по случаю свадебъ; небогатая офицерская молодежь имъ особенно радовалась. Устраивающіе платили немногого за залъ, освѣщеніе и музыку; затѣмъ въ освѣщенный залъ могъ входить всякий мѣщанинъ, ремесленникъ, кто только имѣлъ приличное городское платье, и танцевать съ кѣмъ хотѣлъ. За особо назначаемые танцы публика платила по уговору. Страстъ въ танцамъ среди нѣмцевъ, особенно нѣмокъ, была такъ сильна, что на балахъ забывалась вражда къ русскимъ; наши офицеры бывали здѣсь самыми желанными гостями, и дамы перебивали ихъ другъ у друга. Пріятели канцеляристы первые завели Болотова на такой свадебный балъ. Тогда онъ почти не умѣлъ танцевать, и ни за что не рѣшился бы попытать свои силы на балу у Корфа; но здѣсь на свободѣ разошелся и сразу постигъ эту науку. Съ тѣхъ поръ онъ такъ пристрастился къ свободному и скромному веселью, что уже почти не пропускалъ такихъ общедоступныхъ баловъ, и сдѣлался страстнымъ танцоромъ до глубокой старости. Всѣдѣ за однимъ офицеромъ пошли и другіе. По простотѣ и искреннему веселью эти вечеринки полюбились даже знатнымъ щеголямъ изъ Петербурга. Самъ Григорій Орловъ, украшеніе губернаторскихъ праздниковъ, съ Пассекомъ, Зиновьевымъ и др. товарищами оттаптывали себѣ ноги рядомъ съ мѣстными горожанами. Когда же совсѣмъ освоились съ городомъ и нѣмцемъ обществомъ, перезнакомились на собраніяхъ со многими семьями, наши чиновники изъ состоятельныхъ (Олины напр.) начали сами давать нѣмкамъ вечера съ обильнымъ русскимъ угощеніемъ.

Повидимому, за годъ враждебное отношеніе пруссаковъ очень сгладилось, и въ Кенигсбергѣ всѣмъ жилось весело. Оказывался большой выборъ въ развлеченияхъ и обществѣ, отъ грубыхъ кутящихъ компаний до болѣе утонченного щегольского кружка Орлова, отъ общества приказныхъ до молодыхъ тружениковъ, только начинавшихъ открывать дорогу русской университетской наукѣ.

Съ широкими замашками вельможи Корфъ устроилъ себѣ настоящій дворъ, болѣе шумный и блестящій, чѣмъ дворъ любого нѣмецкаго князька. Соединять общество разныхъ націй, роскошью и любезностью примирять нѣмцевъ съ русскими сдѣлалось задачей его дѣятельности. Праздниками, балами и обѣдами онъ привлекъ въ Кенигсбергъ все окрестное прусское дворянство, отчасти даже знать королевства; польскіе паны съ семьями пріѣзжали издалека на Кенигсбергское веселье. Пройздѣ черезъ городъ всякаго значительного лица, русскаго или иностраннаго, прибытіе нѣмецкаго графа или князя, русскаго генерала, отправлявшагося къ армії,—все это служило поводомъ къ веселью, помимо царскихъ торжественныхъ дней и русскихъ церковныхъ праздниковъ. А появленіе графини Кейзерлингъ, завладѣвшей губернаторскимъ сердцемъ, совершенно сбивало съ ногъ танцовъ и закруживало слу-жащихъ въ вихрь увеселеній.

Балы въ замкахъ открывали старики генералы чиннымъ строгимъ польскимъ и нѣсколькими минутами; затѣмъ они усаживались за карты, а бальныі залы съ дамами и дѣвицами предоставлялся молодежи. Всѣ дамы, имѣвшія пріѣздъ ко двору намѣстника, принадлежали къ родовитому титулованному и нетитулованному прусскому дворянству; наша армейская моложедь заминалась въ обхожденіи съ чопорными баронессами и графинями, и больше поглядывала на нихъ изъ-за дверей. Первое время отплясывали молодые генералы, П. И. Панинъ, грозный Вильбуа, да адютанты пощеголевавтъ; но генераловъ не хватало на всѣхъ дамъ, и первыйшій щеголь Орловъ энергично заставлялъ танцевать неразвязныхъ кавалеровъ. Понемногу всѣ обошлись и пообтерлись съ мемуаристомъ во главѣ, и заскользили по паркету въ слѣдъ за щеголями.

Балы смынялись блестящими маскарадами, съ модными кадрилями изъ одинаково костюмированныхъ партъ. Изъ Берлина пріѣхала труппа нѣмецкихъ актеровъ, нарочно выписанная Корфомъ для увеселенія общества. Напи армейцы, громадное большинство которыхъ не видывало театральныхъ представлений, впервые познакомилось съ этимъ увеселеніемъ. Тотчасъ затѣяли свой любительскій русскій спектакль подъ предводительствомъ Орлова; разучили даже трагедію „Демо-

фонть"; уже Болотовъ весь погрузился въ театральныя хлопоты; но по какой-то таинственной причинѣ спектакля не разрѣшили.

Центромъ шумнаго веселья былъ многолюдный кружекъ, сложившійся въ канцеляріи и за обѣденнымъ столомъ на казенный счетъ. Взбалмошный и крикливый Корфъ въ сущности свободно держалъ подчиненныхъ; къ его адъютанту, Болотову, Олиннымъ приходили поболтать Орловъ и его пріятели, студенты, товарищи-офицеры изъ арміи, моряки эскадры Полянского, явившіеся по командировкамъ и имѣвшіе дѣла въ канцеляріи, приходили прусскіе плѣнныя офицеры, освоившіеся со своимъ положеніемъ. Такъ графъ Шверинъ, сынъ знаменитаго фельдмаршала Фридриха II, сдѣлался закадычнымъ другомъ своего стражи Орлова, и пріятно проводилъ время въ плѣну, играя выдающуюся роль на всѣхъ праздникахъ. Это была очень своеобразная школа свѣтской и общественной жизни, обходительности и такта, расширявшая общественные интересы и потребности разнообразнаго, толкавшагося здѣсь русскаго люда.

Въ концѣ 1760 года Корфа сдѣлали петербургскимъ полицій-майстеромъ, и съ него отъѣздомъ въ Кенигсбергъ стало гораздо tipie. Его замѣнилъ В. И. Суворовъ, отецъ фельдмаршала, скромный, трудолюбивый служака; при немъ о дворѣ, представительствѣ, балахѣ и маскарадахѣ не было и помину. Онъ самъ жилъ очень скромно, и все кругомъ поставилъ на такую же ногу. Столы для служащихъ прекратились; изрѣдка у строгаго губернатора обѣдывали почетныя лица города, да бывали вечеринки, когда къ нему пріѣхали дочери. Въ канцеляріи все пошло иначе. Суворовъ-отецъ вставалъ также рано и велъ такую же дѣятельную жизнь, какъ его сынъ, въ 2 часа по-полуночи онъ бывалъ всегда одѣтъ, и всякий могъ его видѣть; въ 4 часа утра чиновники приходили въ канцелярію и работали гораздо усидчивѣй, за то все нужное дѣжалось разомъ, никого не гоняли по пустому; по праздникамъ и вечерамъ всѣ были свободны Новый начальникъ зналъ дѣло и службу, и самъ во все вникалъ. Корфъ запустилъ финанссовую часть, усиленно любезничалъ съ пруссаками. Еще при Ферморѣ было замѣтно, что содержаніе арміи资料 of its own

роля стоило восточной Пруссії дороже русской оккупациі¹⁾. При Корфѣ съ завоеванныхъ амтовъ получали до 2-хъ миллионовъ талеровъ въ годъ; изъ нихъ одинъ миллионъ расходился на мѣстныя нужды. Увеличеніе доходовъ стало главной задачей Суворова. Надъ нѣмецкими камерами былъ устроенъ строгій контроль; губернаторъ не довѣрялъ своимъ совѣтникамъ нѣмцамъ, и, по свидѣтельству Болотова, почтилъ особымъ довѣріемъ его, скромнаго, трудолюбиваго переводчика, вызывалъ его къ себѣ въ кабинетъ и писалъ съ нимъ паединѣ самыя важныя бумаги. Въ результатѣ его короткаго управлѣнія доходы съ прусскаго королевства увеличились на цѣлый миллионъ²⁾.

Погруженный въ то время въ свои книги и философскія бесѣды, нашъ авторъ бросаетъ такія любопытныя замѣчанія о ходѣ дѣлъ въ Пруссії всколзь и между прочимъ; совсѣмъ не упоминаетъ о томъ, какъ относились мѣстные люди и нѣмцы-чиновники къ строгому русскому генералу, прорывавшись-ли ихъ неудовольствіе, случались столкновенія? Впрочемъ правленіе Суворова продолжалось не долѣе года; не успѣли русскіе обитатели Кенигсберга успокоиться отъ волненія, произведенаго извѣстіемъ о смерти императрицы Елизаветы Петровны,—какъ ему приказали сдать дѣла П. Ив. Панину иѣхать въ Россію. Служащіе съ грустью проводили дѣльнаго начальника. О Панинѣ, новомъ возвышавшемся вельможѣ, записки говорятъ кратко и неопределѣнно; авторъ ихъ былъ теперь слишкомъ увлеченъ указомъ о вольности дворянства, перспективой легкой отставки и свободной деревенской жизни, чтобы быть внимательнымъ къ тому, что дѣжалось вокругъ, да вскорѣ затѣмъ онъ былъ формально вызванъ въ Петербургъ; Корфъ безъ его вѣдома назначилъ его своимъ флигель-адъютантомъ.

Покончивъ съ служебной и общественно-увеселительной стороной обстановки нашего русскаго кружка въ Кенигсбергѣ, можно перейти къ сторонѣ просвѣтительной и воспитатель-

¹⁾ Масловскій. Походъ Фермора, вып. 2-й. Хлѣбные транспорты изъ Россіи съ доставкой обходились 2 р. 59 коп. за четверть; Ферморъ платилъ нѣмецкимъ поставщикамъ 4 р.

²⁾ Записки, т. II, стр. 73.

ной, имѣвшей хотя и не яркое, но серьезное и глубокое вліяніе на лучшихъ представителей нашей молодежи. Были среди русскихъ офицеровъ и подобные Болотову цѣнители знанія, которые видѣли въ этомъ городѣ прежде всего одинъ изъ центровъ нѣмецкаго просвѣщенія, гдѣ ознакомившійся съ нѣмецкимъ языкомъ могли пріобрѣсти такой запасъ знаній, о какомъ нельзя было и помыслить у себя въ Россіи небогатому служилому человѣку. Даже среди веселой щегольской молодежи встрѣчались люди, умѣвшіе соединять съ веселымъ и полезномъ; таковы Ф. Б. Пассекъ, морякъ Тулубьевъ, даже Григорій Григорьевичъ Орловъ. Кружокъ интересующихся еще расширился, когда пріѣхали московскіе студенты для продолженія своихъ научныхъ занятій. Самъ Болотовъ пришелъ въ восторгъ, что будетъ жить „въ большомъ и славномъ городѣ, который наполненъ учеными людьми, библіотеками и книжными лавками“. Судьба поблагопріятствовала его наклонностямъ, избавивъ его здѣсь навсегда отъ военной службы; кромѣ того, въ виду сношеній съ прусскими коллегіями, къ русскимъ служащимъ прибавили двухъ нѣмецкихъ канцеляристовъ, которые къ удовольствію мемуариста, съ дѣтства расположеннаго къ нѣмцамъ, занимались вмѣстѣ съ нимъ; онъ отлично сопрѣлся съ этими товарищами, пользовался ихъ совѣтами при выборѣ книгъ и черезъ нихъ знакомился съ мѣстнымъ бургерскимъ обществомъ. Ему очень понравилось выдержанное нѣмецкое чиновничество; они, говорить онъ, „носили на себѣ также имя канцеляристовъ, но не имѣли ничего похожаго на нашихъ поддѣяющихъ“.

Въ эпоху семилѣтней войны русскимъ впервые почти довелось перекочевывать такой массой заграницу; впервые вступили они въ такое тѣсное сближеніе съ нѣмцами вдали отъ родины, на иноземной почвѣ. Въ половинѣ прошлаго вѣка между нами и Германіей лежали Курляндія и Польша; перѣезды и походы совершались медленно и съ большими затрудненіями. Тогда переселиться заграницу значило какъ бы оторваться отъ родины и перенестить всею жизнью въ иную среду. Такія условія еще усиливали вліяніе продолжительнаго пребыванія заграницей на русскую молодежь. Сама дворянская молодежь Елизаветинскаго времени уже многимъ

отличалась отъ служилыхъ людей эпохи преобразованій, солдатъ, гардемариновъ, артиллерійскихъ учениковъ, которыхъ правительство, не давая имъ опомниться, прямо изъ деревенской глупши, отъ патріархальной обстановки сельской жизни пересыпало для ученья въ культурные центры Европы. Тамъ они должны были учиться по строго опредѣленной правительственной программѣ, ни на пядь не выходя изъ нея. Теперь постепенная привычка къ школѣ и европейскому строю обшифовало дворянство; эпоха Бирона и нѣмцевъ пріучила его къ нѣкоторой выдержанкѣ; эпоха Елизаветы дала ему нѣкоторый свѣтскій лоскъ, общественные потребности, а съ другой стороны расширила задачи образования. Такимъ образомъ старый служилый классъ отправлялся теперь заграницу съ нѣкоторой подготовкой; среди него находились лица, способныя серьезно по собственному выбору почерпнуть многое изъ западной науки и культуры и сдѣлать достояніемъ русской жизни. Дома уже чувствовали потребность въ иной, больше цѣльной и общей наукѣ, чѣмъ та, которой учились наспѣхъ, отрывочно, чтобы поспѣть къ службѣ; свои случайные учителя, въ родѣ болотовскаго унтер-офицера Миллера, уже мало удовлетворяли; ученость домашнихъ иностранцевъ скоро исчерпывалась. За то въ описываемое время русскіе люди могли по вкусу и способностямъ, безъ программъ и стѣсненій, сближаться на мѣстѣ съ нѣмецкой культурой. Въ живыхъ умахъ интересъ къ знанію являлся самъ собой въ новой обстановкѣ.

При горячемъ стремлѣніи къ просвѣщенію наше лучшее юношество было крайне неопытно и неумѣло еще взяться за дѣло, чтобы самостоятельно удовлетворять своимъ умственнымъ потребностямъ. Вѣзжая въ Кенигсбергъ Болотовъ не сознавалъ еще, какое рѣшающее вліяніе на его умъ и характеръ будетъ имѣть жизнь въ этомъ городѣ; онъ по дѣтски радовался, что будетъ жить въ городѣ, полномъ учеными людьми и библіотеками, по дѣтски-же началъ увлекаться всѣми курьезными, невиданными вещицами, какія ему попадались. Увидавъ стереоскопъ, „прошпективический ящикъ“, и началъ мастерить себѣ такой же, рисовать и раскрашивать для него картинки. Эта работа познакомила его съ оптикомъ, жив-

шимъ на той же улицѣ; сидя въ его лавкѣ мемуаристъ совершенно забывался въ разсмотриваніи невиданныхъ чудесъ, — всевозможныхъ микроскоповъ, стеколъ, и машинъ. Съ этого начался курсъ нагляднаго обученія. На практиковавшись надъ стереоскопомъ, комнатнымъ насосомъ и фонтаномъ, настроившись на инструменты, давно поступившіе къ обиходъ, Болотовъ подготовился къ знакомству съ учеными дилетантами, пока судьба не свела его съ московскими студентами. Черезъ графа Шверинъ компания Пассека и Орлова познакомилась съ какимъ-то оригинальнымъ старичкомъ, полковникомъ прусской службы, обладавшимъ цѣлымъ складомъ всякихъ физическихъ инструментовъ того времени. Тутъ оказалось, что у наѣздали свои молодые офицеры, не уступавшіе отставному нѣмцу въ любви и интересѣ къ естествознанію. Поручикъ Ф. Б. Пассекъ,¹⁾ человѣкъ богатый, поселился въ Кенигсбергѣ не на долго по дѣламъ службы; обзавелся тамъ библиотекой и цѣлымъ кабинетомъ физическихъ приборовъ и машинъ, составлявшимъ послѣднее слово тогдашней науки. У него офицеры видѣли впервые (1754 г.) электрическую машину, огромную, занимавшую цѣлую комнату. Болотовъ часто посѣщалъ Пассека, приводя съ собой любознательныхъ товарищѣй; хозяинъ охотно дѣлалъ при нихъ опыты и показывалъ все, что имѣлъ. Нашъ авторъ положилъ здѣсь начало знакомству съ электричествомъ и его свойствами, вопросами, которые очень занимали его впослѣдствіи; въ своемъ экономическомъ магазинѣ и отдѣльныхъ статьяхъ онъ часто упоминается о лечебной силѣ электричества, а подъ старость написалъ о немъ цѣлую книгу. Другимъ чудомъ кабинета былъ воздушный насосъ; много меньшихъ инструментовъ и коллекція микроскоповъ дополняли собраніе. Все это обладатель повезъ, полагаемъ, съ собой въ Россію.

Его пріятель Орловъ позаимствовалъ у него живой интересъ къ быстро развивавшейся наука: впослѣдствіи онъ сталъ извѣстнымъ любителемъ естествознанія и горячимъ поклонникомъ Ломоносова. Порошинъ разсказываетъ, что въ 1766 г.

¹⁾ Братъ П. Б. Пассека, игравшаго видную роль въ переворотѣ 28-го іюня 1762 г.

онъ производилъ у государыни опыты съ электричествомъ, когда законы его были малоизвѣстны; когда же онъ посыпалъ цесаревича Павла, разговоръ обыкновенно шелъ о физикѣ, химіи и разныхъ опытахъ.

Сильно увлекаясь опытными науками, настолько, что впослѣдствіи довольно удачно приспособлять ихъ къ сельскому хозяйству, къ лѣченію болѣзней, Болотовъ придаетъ имъ, однако, въ запискахъ меныше значенія, чѣмъ своимъ литературнымъ упражненіямъ, чтенію и преимущественно изученію философіи; послѣднее--его слабость, часто довольно смѣшная. Добравшись до обширныхъ книжныхъ лавокъ, онъ положительно терялъ въ нихъ голову; кошелекъ не позволялъ ему купить и сотой доли того, чего хотѣлось, да и выбирать онъ не умѣлъ. Пріятели, благовоспитанные нѣмцы-канцеляристы, выручили его весьма любезно изъ мучительныхъ затрудненій: ему указали дорогу въ библіотеку съ абонементомъ для чтенія.

Отсюда началась у страстнаго книжника эпоха систематического до извѣстной степени чтенія, серьезнаго самообразованія, когда онъ черезъ русскихъ студентовъ познакомился немнogo съ тѣмъ, что дѣжалось въ стѣнахъ университета, и даже сблизился съ нѣкоторыми нѣмецкими профессорами. Но чтеніе, всѣ образчики современной литературы, перебывавшіе въ рукахъ мемуариста, имѣли такое глубокое вліяніе на его умственное развитіе, на весь складъ понятій будущаго экономиста-помѣщика и литератора, что мы считаемъ полезнымъ посвятить особую главу этому отдельу записокъ.

ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ СРЕДИНѢ XVIII-го ВѢКА¹⁾.

Въ исторіи просвѣщенія Россіи первая треть XVIII в. представляется какъ эпоха господства утилитарного направления. Характеръ учебнаго дѣла опредѣлялся въ то время самыми насущными потребностями преобразуемаго государ-

¹⁾ Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія, 1886 г., апрѣль.

ства. Участъ, русскій человѣкъ готовился къ выполненію определенныхъ, уже пред назначенныхъ ему занятій; учились на спѣхъ по строго опредѣленной программѣ, чтобы какъ можно меныше времени отнимать у службы. Тогда въ человѣкѣ видѣли прежде всего работника, мастера своего дѣла. Дворянство, старый служилый классъ, изъ которого вышли ближайшіе помощники Петра, принуждено было учиться больше другихъ сословій и обязательно служить государству. За то, научившись прикладывать къ дѣлу пріобрѣтенные знанія, хотя бы и весьма ничтожныя съ современной точки зренія, служилые люди раньше другихъ увидѣли результаты своей дѣятельности, раньше другихъ убѣдились въ пользѣ ученія и начали понемногу интересоваться европейской наукой и литературой. Съ появлениемъ этого интереса, во второй трети прошлаго вѣка замѣчается новое направление въ русскомъ образованіи, которое можно назвать по преимуществу книжнымъ. Съ воцареніемъ Анны Іоанновны служилый дворянскій классъ получилъ значительныя льготы, возможность дольше учиться и меныше служить. Но если учебное время легко могли продлить по желанію, то школъ по прежнему было мало, учителей для нихъ не доставало; дѣти и юноши по прежнему учились кое-чemu и кое-какъ.

Школьные образовательные средства не могли удовлетворять потребностямъ сколько-нибудь живыхъ, воспріимчивыхъ умовъ; этимъ послѣднимъ приходилось удовлетворяться преимущественно чтеніемъ, книгами. Уже въ царствование Елизаветы Петровны, по мемуарамъ современниковъ и другимъ извѣстіямъ того времени, можно насчитать много лицъ знатныхъ и незнатныхъ, у которыхъ любовь къ чтенію перешедила въ страсть. Въ высшемъ кругу столичнаго дворянства не жалѣли денегъ на библиотеки; выписывали цѣлые транспорты книгъ классическихъ и новѣйшихъ авторовъ. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ молодежь съ дѣтскихъ лѣтъ послѣдовательно и внимательно перечитывала всѣ выдающіеся труды европейскихъ мыслителей и главнымъ образомъ французскихъ философовъ. Но пока только богатая знать могла знакомиться изъ первыхъ рукъ съ просвѣтительными идеями вѣка. Мало обеспеченные люди, среднее и мелкое дворянство, почти не

имъю случая слѣдить за современной литературой и не могло выписывать книгъ изъ-за-границы. А въ самой Россіи книги были еще таکъ рѣдки и дороги, что небогатымъ грамотѣямъ приходилось удовлетворять свою страсть къ чтенію всѣмъ безъ разбора, что попадалось подъ руку. За то, дорожа всякой книгой, ее читали и перечитывали очень внимательно, чуть не наизусть заучивали цѣлые томы. Съ трудомъ добывъ для прочтенія что-нибудь особенно занимательное, любители принимались списывать экземпляръ для себя. Многіе сочиненія и переводы расходились въ рукописяхъ, и у нѣкоторыхъ книжниковъ наряду съ любовью къ чтенію развивалась любовь къ писанью, даже къ переписыванью. Такъ одинъ помѣщикъ съ гордостью показывалъ гостямъ цѣлую библіотеку изъ нѣсколькихъ шкафовъ, наполненныхъ рукописями его собственной работы.

Неразборчивые и небогатые читатели довольствовались беллетристикой, старыми авторами XVII вѣка, иногда доступными изданіями нѣмецкихъ популяризаторовъ. Слабые отголоски современныхъ идей доходили до нихъ черезъ вторыя и третыя руки въ плохой переработкѣ, въ видѣ общихъ мѣстъ, разбросанныхъ на страницахъ дидактическихъ и беллетристическихъ произведеній. Этими общими мѣстами пробавлялось и научалось нѣсколько поколѣній русского грамотнаго общества, и они имѣли не малое вліяніе на развитіе русской личности XVIII вѣка, особенно личности дворянскаго слоя. Въ мемуарахъ того времени находимъ указанія на это вліяніе литературныхъ произведеній. Особенною полнотой и подробностью отличаются въ этомъ отношеніи записки нашего героя А. Т. Болотова; онъ довольно обстоятельно разсказываетъ о многихъ книгахъ, читанныхъ имъ въ дѣтствѣ и юности, и о впечатлѣніи, которое выносилъ онъ изъ чтенія. Не отличаясь ни особымъ умомъ, ни блестящими способностями, нашъ авторъ выдавался изъ массы другихъ дворянъ-книжниковъ Екатерининской эпохи необычайнымъ трудолюбiemъ и большою отзывчивостью ко многимъ научнымъ и экономическимъ вопросамъ, еще едва возникавшимъ въ Россіи. Онъ оставилъ послѣ себя массу статей, печатныхъ изданій и рукописей, гдѣ касался очень разнообразныхъ областей литературы, исторіи, философіи,

педагогики, сельского хозяйства; но только послѣдній отдыѣ доставилъ ему маленькую извѣстность. Отсутствіе даровитости въ авторѣ придаетъ въ нашихъ глазахъ особый интересъ тѣмъ страницамъ его записокъ, гдѣ идетъ рѣчь о книгахъ. Наивно восторженныя, иногда немного напыщенные цитаты свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ всецѣло предавался впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ прочитанного, и что самый характеръ и воззрѣнія его складывались въ значительной степени подъ вліяніемъ книгъ.

Большая часть книгъ, перебывавшихъ въ рукахъ Болотова за время его юности, принадлежала къ числу пользовавшихся въ свое время громкой извѣстностью; обо многихъ изъ нихъ очень хорошо отзываются извѣстные писатели XVIII в. и другие болѣе даровитые мемуаристы. Слѣдя указаніямъ Болотова, мы просмотрѣли многія книги, оказавшія на него замѣтное вліяніе; сравнивая его отзывы съ отзывами другихъ современниковъ о тѣхъ же произведеніяхъ европейской литературы, мы нашли возможнымъ намѣтить нѣкоторыя общія характерныя черты, свойственные умственному и нравственному строю, который отличалъ его время и въ духѣ кото-раго складывалось міровоззрѣніе русскаго юношества средины XVIII вѣка, будущаго блестящаго, вольнаго дворянства, какимъ оно явилось въ царствованіе Екатерины II.

Мы знаемъ, какъ беспорядочно шло ученье Болотова; знаемъ, что любовь къ чтенію впервые зародилась въ немъ въ пансіонѣ Ферре, гдѣ онъ съ удовольствиемъ занимался переводами газетныхъ статей и басенъ Эзопа. Какъ лучшаго ученика, Ферре заставлялъ его читать себѣ вслухъ Фенелонова Телемака. Мальчикъ такъ увлекся знаменитымъ произведеніемъ, что не довольствуясь медленнымъ чтенiemъ французскаго текста, досталъ себѣ русскій переводъ и со страстью зачитывался имъ одинъ. Эта книга производила на русскихъ читателей такое же обаятельное впечатлѣніе, какъ и во всей западной Европѣ; тамъ это произведеніе считалось „болѣе классическимъ, чѣмъ самые памятники классическихъ авторовъ“, и въ немъ находили откликъ на многіе жгучіе современные вопросы. У насъ оно имѣло значеніе своею другой стороной: оно сообщало внимательнымъ читателямъ нѣкоторыя

понятія объ исторії древнаго міра, о мифології, о бытѣ древніхъ народовъ. Все это кружило голову мальчику, и греческіе воины грезились ему во снѣ и на яву. Но любопытно для характеристики автора, что онъ намѣренно умаляетъ въ своихъ запискахъ вліяніе французскаго просвѣщенія передъ вліяніемъ нѣмецкимъ; вопреки очевиднымъ фактамъ, онъ старается убѣдить своихъ потомковъ, что именно въ сем'ї курляндскаго помѣщика подъ руководствомъ нѣмецкаго учителя-философа зародилась въ немъ склонность къ наукамъ и художествамъ, а вовсе не въ пансионѣ Ферре, къ которому вообще относится очень сухо. А между тѣмъ, онъ съ тѣхъ поръ страстно полюбилъ ученіе, горюя только, что читать ему нечего. „И куда жаль“, пишетъ онъ, что у насъ въ Россії было такъ еще мало русскихъ книгъ, что въ домахъ не было не только библіотекъ, но ни малѣйшихъ собраній, а у французскихъ учителей и того менѣе“. Тутъ авторъ опять кричитъ душой: черезъ нѣсколько страницъ онъ же разсказываетъ, что М-г Лаписъ не выпускалъ изъ рукъ своихъ французскихъ книгъ.

Отъ занимательнаго французскаго романа Болотову пришлось перейти къ сухимъ неудобочитаемымъ отцовскимъ книгамъ. Отъ нечего дѣлать, онъ перечитывалъ краткій учебникъ исторіи Курраса, исторію ноходовъ принца Евгенія и жизни Александра Македонскаго Квinta Курція. На нихъ мальчику пришлось заговѣться надолго; только три года спустя онъ немножко познакомился съ легкой литературой, составлявшей излюбленное чтеніе въ среднихъ кружкахъ столичнаго дворянства. Въ 1752 году въ домѣ дяди конногвардейца онъ немножко познакомился съ жизнью столичнаго общества; въ то время, забавляясь въ компаніи пѣсенками и стишками, перевѣзанными съ французскаго, и русскими, сочиненными Сумароковымъ, начинали наединѣ зачитываться переводными романами. Одинъ гвардейскій офицеръ, изъ постоянныхъ постѣтителей дома, очень заинтересовался 14-лѣтнимъ Болотовымъ; самъ страстный любитель чтенія, онъ сошелся на этомъ съ мальчикомъ и снабдилъ его разъ огромной рукописью переводнаго французскаго романа „Эпаминондъ и Целеріана“, романа „прямо любовнаго“, говорятъ записи. При этомъ мальчикъ

получилъ строгое внушеніе читать внимательнѣй, чтобы отдать офицеру отчетъ въ прочитанномъ. Питавшійся Куррасомъ и Курциемъ, Болотовъ съ понятнымъ увлеченіемъ перечиталъ его нѣсколько разъ въ самое короткое время и удовлетворительно выдержалъ бесѣду по поводу Эпамионда[“]. Намъ не удалось ознакомиться съ содержаніемъ этого романа, а потому и не можемъ провѣрить впечатлѣній читателей; но нашъ герой съ тѣхъ поръ проникся уваженіемъ къ романамъ и раздѣлялъ серьезный взглядъ нѣкоторыхъ своихъ современниковъ, почитавшихъ романы весьма важнымъ материаломъ для чтенія.

Осиротѣвъ на 15-мъ году, Болотовъ перѣхалъ съ дядькой въ деревню; здѣсь онъ самъ готовился къ служебному экзамену по старымъ тетрадкамъ петровскихъ временъ, читалъ Четы-Минеи и Камень вѣры С. Яворскаго, единственная добытая имъ въ деревнѣ книга, и почерпнулъ изъ нихъ столько познаній, что прослылъ у сельскихъ поповъ чуть не богословомъ. Перечитавъ и переучивъ все, что было подъ рукой, онъ принялъся списывать Телемака и житія святыхъ. Процессомъ переписки юноша старался хоть немного замѣнить недостатокъ въ книгахъ для чтенія. „Я находилъ какое-то особливое удовольствіе въ сей работѣ[“], пишетъ онъ, „и она была мнѣ только не трудна, но еще и увеселительна[“].

На 17-мъ году, какъ извѣстно, мемуаристъ поступилъ сержантомъ въ полкъ; къ самой военной службѣ онъ скоро сталъ питать большую антипатію и продолжалъ заниматься преимущественно книгами, переводами и переписываньемъ. Въ первый годъ службы онъ особенно зачитывался тремя излюбленными романами того времени: „Аргенидой[“], „Жиль-Блазомъ[“] и Клевеландомъ[“].

Авторъ стариннаго романа „Аргенида[“], англичанинъ Барклай, написалъ свое произведеніе по-латыни въ 1619 г. Оно явилось отголоскомъ горячихъ политическихъ споровъ современниковъ о лучшихъ формахъ правленія; самъ авторъ держался монархическихъ убѣждений и стремился даже въ своемъ романѣ дать наставленіе государямъ, какъ управлять государствомъ. Въ Европѣ такъ заинтересовались романомъ, что для истолкованія его былъ составленъ особый ключъ или

сборникъ комментаріевъ. Фабула романа отличалась обилиемъ запутанныхъ приключеній, трогательныхъ эпизодовъ, героическихъ подвиговъ, а слогъ неестественной напыщенностью, хотя, „какъ особливо пітическій и героическій“, очень нравился русскимъ читателямъ. Переводчикъ „Аргениды“, известный В. К. Тредьяковскій, зная уровень развитія своей публики и желая принести ей пользу, прибавилъ къ каждой главѣ особый отдельъ поясненій, где говорилъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ подробностяхъ древней жизни, упомянутыхъ въ разсказѣ, о міеологическихъ существахъ, древнихъ герояхъ и обычаяхъ; поэтому книга, заинтересовывая мало-образованныхъ читателей, сообщала нѣкоторыя свѣдѣнія и по древней исторіи.

Что касается „Жиль-Блаза“, то онъ настолько извѣстенъ и въ наше время, что распространяться о немъ не представляется нужнымъ; въ прошломъ же вѣкѣ онъ былъ общимъ достояніемъ всей европейской публики. Нѣмецкой историкъ Бидерманъ говоритъ, что во всѣхъ библіотекахъ нѣмецкихъ дворянъ имѣлись „Похожденія Жиль Блаза“ на ряду съ „Маркизомъ Г.“ или „L'Homme de qualit “. У настъ „Аргенида“ съ „Телемакомъ“ и тѣмъ же „Маркизомъ Г.“ также были принадлежностью всякой библіотеки любителя чтенія; ими восторгался въ юности Державинъ, ихъ читалъ и расхваливалъ басноискусецъ Дмитревъ.

До сихъ поръ мы перечисляли произведенія старыхъ, весьма популярныхъ, но уже не вносившихъ почти ничего новаго въ міровоззрѣніе русскаго дворянскаго юношества. „Клевеландъ или філософъ англійскій“ открылъ Болотову рядъ новыхъ понятій. Болотовъ такъ увлекся этимъ романомъ, что въ самую горячую пору семилѣтней войны, среди маршей и лагерныхъ тревогъ, носилъ одинъ изъ томиковъ нѣмецкаго перевода „Клевеланда“ въ карманѣ и пользовался всякой остановкой для чтенія; онъ переводилъ его на русскій языкъ, усаживаясь, гдѣ-попадало съ письменными принадлежностями и совершенно забывая про окружающую походную суматоху. Въ немъ уже скрывался оригиналъ дворянинъ-любословъ, по мѣткому старинному выраженію, будущій достойный подданный императрицы Екатерины II, которая сама признавалась, что не

могла видѣть пера и черниль, чтобы не написать ими чегонибудь.

Оба романа — „Житіе Клевеланда, філософа англійскаго“ и „Маркізъ Г.“, принадлежать перу извѣстнаго французскаго писателя аббата Прево д’Экзіля, автора „Manon-Lescaut“ и многихъ другихъ романовъ. Дмитріевъ замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что „Клевеландъ“ и „Маркізъ Г.“ были въ большомъ почетѣ у русскихъ читателей до самаго конца XVIII вѣка. Воззрѣнія, которыя авторъ проводить въ нихъ, вполнѣ гармонировали съ настроениемъ общества и доставляли романамъ репутацію серьезныхъ поученій. Русский переводъ „Клевеланда“ вышелъ въ 1760 г. безъ имени переводчика. Это неизвѣстное лицо предпосыпаетъ своему переводу интересное предисловіе, где старается доказать, что чтеніе романовъ можетъ принести только пользу. „Сперва“, говоритъ переводчикъ, „авторы предлагали свои наставленія просто и повелительно, яко законодавцы“, но затѣмъ оказалось необходимымъ облечь ихъ въ привлекательныя формы, и въ такомъ направлениі явилось много книгъ. „Къ сему роду принадлежать и извѣстныя подъ именемъ романовъ сочиненія, того ради изобрѣтенныхъ, дабы, описыгая въ нихъ разныя похожденія, сообщать къ добродѣтельному житію правила“. Признавая, что есть много нелѣпыхъ романовъ, русскій переводчикъ „Клевеланда“ выдвигаетъ достоинства хорошихъ. „Изображаются въ нихъ нравы человѣческие, добродѣтели и немощи, показываются отъ разныхъ пороковъ разныя бѣдствія въ примѣрахъ, то причиняющихъ ужасъ, то соболѣзванія и слезы извлекающихъ; и, между цѣпью наистройнѣйшимъ порядкомъ совокупленныхъ приключеній, наставленія къ добродѣтели полагаются. На толь правильномъ основаніи и съ толь добрымъ намѣреніемъ расположеннное сочиненіе хулы ли нашей достойно?“ Въ этихъ словахъ высказывается идеалъ романа, какимъ онъ сложился въ умахъ лучшей части читателей.

Крайне сложная фабула „Клевеланда“ заимствована изъ эпохи первой англійской революціи; герой романа — побочный сынъ Кромвеля. Его мать, бывшая возлюбленная Карла I, обиженная охлажденіемъ короля, перешла въ лагерь

Кромвеля. Къ ней относятся весьма характерные для XVIII вѣка слова: „Люди прощаются женщинамъ нѣкоторыя слабости, которыя благороднымъ своимъ происхожденiemъ оправдываются быть кажутся. Честь, отъ наслажденія любовью великаго государя происходящая, награждается нѣкоторымъ образомъ лишеніе добродѣтели. И кромъ особыхъ такихъ обстоятельствъ, гордость нашу сильно прельщавшихъ и переменну самыхъ мыслей нашихъ производящихъ“. Любопытна поощрительная снисходительность, съ которой этотъ заурядный эпизодъ изъ вѣка фаворитовъ и фаворитокъ переносится на страницы одного изъ перловъ нравоучительной литературы. Провѣда молодость въ романическихъ похожденіяхъ, бывшая фаворитка подъ старость погрузилась въ занятія нравственною философіей и въ духѣ ея воспитала своего сына. Достойный сынъ составилъ себѣ для памяти систематической сводъ ея поученій и сдѣлалъ эту тетрадь своею настольною книгой. Съ 15-ти лѣтъ онъ началъ самъ философствовать. Но даже при такомъ герой-философѣ произведеніе XVIII вѣка, предназначеннное преимущественно для поученія благородныхъ, не могло обойтись безъ известнаго элемента свѣтскости. Необыкновенно развитой юный философъ по внѣшности казался дикаремъ, „не зналъ манеръ“. Чтобы сдѣлаться достойнымъ мужемъ дочери одного лорда, онъ началъ всѣми мѣрами развивать въ себѣ ловкость. „Становился учитывъ и ласковъ и на все примѣтливъ, и отъ часу познавалъ болѣе, что всегда наивысочайшія науки и самая добродѣтель еще недостаточны, если не имѣемъ при нихъ знанія, какъ жить въ свѣтѣ, и ласковаго, снисходительного вида, который дѣлаетъ насъ пріятными и любезными“. Послѣ цѣлаго ряда необыкновенныхъ происшествій, Клевеландъ съ женой оказались въ Америкѣ, где попали въ плѣнъ къ дикарямъ, а послѣдніе вскорѣ выбрали героя вождемъ цѣлаго племени Разумѣется, европеецъ воспользовался властью, чтобы цивилизовать дикарей, ввести нравы и культуру своей страны. Здесь мы встрѣчаемся въ романѣ съ нѣкоторыми характерными воззрѣніями, присущими XVII и особенно XVIII вѣкамъ; авторъ старается повыгоднѣе и освѣтить ихъ и, придать имъ значеніе великой развивающей и организующей

силы. Измѣнить виѣшнїй видъ почти нагихъ дикарей Клевеландъ не рѣшился. Пока они одѣвались, размышлялъ онъ, только по естественному побужденію, когда чувствовали холодъ, и „жили среди безпорочной простоты“; если же ихъ пріучить всегда одѣваться, то они станутъ смотрѣть на одежду, какъ на украшеніе, впадутъ въ тщеславіе, выдумаютъ свои моды и наживутъ жалкіе пороки европейцевъ. Что касается внутренняго быта дикарей, то Клевеландъ, къ своему удивленію, не нашелъ „у нихъ никакихъ понятій о пресловутомъ естественномъ правѣ“; всѣ родовыя связи отсутствовали; родители не заботились о воспитаніи дѣтей, а взрослые дѣти смотрѣли на родителей, какъ на постороннихъ. Не обязанныя имъ почтеніемъ, дѣти не признавали и старшихъ вообще; юноши племени считались равными старикамъ. При всемъ этомъ герой принужденъ сознаться: „но всего удивительнѣе мнѣ казалось, что въ домахъ господствовала ненарушимая тишина, не взирая, что никто другому подвластенъ не былъ“. Онъ объясняетъ это только добродушнымъ нравомъ абаковъ. Такой беспорядочный миръ и равенство европеецъ XVIII вѣка призналъ недѣйствительнымъ. Онъ внушилъ дикарямъ понятіе о родительской власти, ограниченной въ извѣстныхъ предѣлахъ, почтеніе и послушаніе всѣмъ старшимъ. Въ каждомъ домѣ поставлено было одно лицо главнымъ или старшиной, которому повиновались всѣ домашніе. Молодежь, „что съ природы не любить быть въ послушанії“, была пріучена къ послушанію военными упражненіями, обучена солдатскому строю, и это помогло дикимъ привыкнуть „къ понесенію ига“. Самъ Клевеландъ не зналъ военной науки, но полагался въ этомъ случаѣ на одного своего товарища и находилъ, „что разумный человѣкъ безъ дальнѣаго труда можетъ самъ изобрѣсть начальныя правила ко всякой наукѣ“. Замѣчательно, что всѣ реформы были введены въ три дня и также быстро оказали свое дѣйствіе: дикии сами признались, что „жизнь ихъ черезъ то сдѣлалась благополучнѣе, и виѣшнїй обрядъ общества великолѣпнѣе и пріятнѣе“. Ради обращенія дикарей въ христіанство, авторъ-аббатъ разрѣшилъ своему герою сдѣлать искусственное чудо съ помощью пороха; оно удалось блистательно и дикии

увѣровали. На этомъ остановились реформы въ бытѣ дикаго племени; дикарь вовсе не желали сдѣлать европейцами, а хотѣли только сгладить ихъ дикость и дать благообразный видъ обществу. Жена Клевеланда разсуждала такъ: „Все противное разуму или какими-нибудь излишествами отъ него отдаленное, не принадлежитъ до человѣчества; въ семъ смыслѣ, можетъ быть, найдется столько же дикихъ и варваровъ въ Европѣ, сколько и въ Америкѣ. Наибольшее число людей въ Европѣ удаляются отъ предѣловъ разума излишествами сладострастія, роскоши, честолюбія и скупости; въ Америкѣ же грубостью и звѣрствомъ. Ни въ тѣхъ, ни въ другихъ настоящихъ людей я не признаю. Одни нѣкоторымъ образомъ преходятъ естественное состояніе, а другіе до онаго не досягаютъ“... Въ такихъ безсвязныхъ отрывкахъ достигали отголоски философіи XVIII вѣка до средняго слоя русской грамотной публики.

Пока мы видѣли, что Клевеландъ отъ души заботится о дикаряхъ, какъ о братьяхъ по человѣчеству. Но вотъ онъ выступилъ однажды со всѣмъ племенемъ на поиски за своимъ пропавшимъ тестемъ. На пути среди отряда развилась моровая язва; но Клевеландъ спокойно смотрѣлъ, какъ дикии умирали жертвой его семейныхъ интересовъ, и не позволялъ возвращаться домой. Правда, онъ навѣщалъ и лечилъ ихъ, но какъ больныхъ четвероногихъ: „Въ посѣщеніяхъ моихъ больные находили утѣшеніе и изыхая, разными образами показывали мнѣ свою благодарность. Сего было для меня довольно ожидать конца, пока ихъ всѣхъ болѣзнью не похитить, и дѣлать возможныя одолженія“.

Благополучно возвративъ героя въ цивилизованное французское общество, авторъ заставляетъ его познакомиться съ современною ему философіей материалистовъ. Пораженный разсужденіями одного материалиста на веселой пирушинѣ, Клевеландъ сошелся съ нимъ; тотъ крайне туманно, неопределенно изложилъ ему основные взгляды ученія и заключилъ словами: „этому нынѣ слѣдуютъ всѣ свѣтскіе люди; всѣ старинныя мечтанія оставляютъ для народа; сіе обузданіе нужно для его содержанія. Благопристойность въ обращеніи, склонность къ порядку и законы общества суть единственная правила мірского человѣка и философа. Рожденіе его прильпляетъ

къ какой-нибудь должности; собственное его благо, зависящее отъ общества, обязуетъ его исполнять онаго должности, а когда нарушаетъ его порядокъ, удаляясь отъ оныхъ, то чувствуетъ самъ, что по справедливости его наказать должно". Указаніе на свѣтскихъ людей, раздѣляющихъ взгляды материалистовъ, подействовало очень убѣдительно на Клевеланда; онъ чуть было не вступилъ въ ихъ кружокъ, но во время остановился, смущаемый сомнѣніемъ въ „истинѣ столь мало полезнаго ученія“. Вообще пользу и истинность философскаго ученія онъ полагалъ въ томъ, насколько оно способно поддержать душевное спокойствіе личности, насколько оно утѣшаетъ въ бѣдствіяхъ и испытаніяхъ. Клевеландъ находит успокоеніе отъ всякихъ сомнѣній въ религіозно-нравственныхъ наставленіяхъ какого-то престарѣлого лорда, составляетъ себѣ довольно безсмысленное расписаніе должностей человѣческихъ и проводить остальную часть жизни въполномъ благополучіи.

Романъ аббата Прево такъ тѣсно связанъ съ современною ему нравоучительной и философской литературой, съ которой Болотовъ познакомился потомъ заграницей, что нѣть надобности много распространяться здѣсь о его вліяніи на читателя. Этотъ романъ познакомилъ его съ популярнымъ раціонализмомъ того времени. Человѣческая личность, создаваемая этимъ началомъ, представляется очень одностороннею—только разумною, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно сильною; посредствомъ выводовъ разума, она считаетъ возможнымъ все разрѣшить, все выполнить въ своей и чужой сферѣ; она можетъ и должна сочинять начала науки, созидать общественные формы и учрежденія чуть не въ 24 часа. Больше же всего сильный, разумный человѣкъ носится съ самимъ собой, старается освободить свой умъ отъ сомнѣній и тревогъ, сохранить свой покой, свое счастье, заключающееся въ независимости отъ земныхъ горестей и превратностей, въ эгоистической неприкословенности. Такое стремленіе къ спокойствію, къ самоублаженію приходилось по вкусу многимъ любителямъ книжности въ средѣ русскаго дворянства.

Сословные взгляды прошлаго вѣка, быстро перенятые и крѣпко укоренившіеся у насъ, еще рѣзче высказываются въ другомъ романѣ Прево: „Маркизъ Г.“, въ подлинникѣ „Les

mémoires d'un homme de qualité". Тутъ все дѣйствіе вертится на обязанностяхъ, соединенныхъ съ благородствомъ, и беззастѣнчиво, будто бы во имя нравственности, восхваляются самые извращенные понятія и людскія отношенія. Герой романа Г., одаренный отъ рожденія философскими способностями, былъ очень знатного происхожденія, но воспитался въ бѣдности, такъ какъ отецъ его женился, противъ воли дѣда, на бѣдной и не знатной девушкѣ и за то лишился наслѣдства. Авторъ ясно намекаетъ читателямъ, что неравный бракъ отца и его ослушаніе родителямъ отзываются рядомъ несчастій на потомствѣ. Г. много странствуетъ, попадаетъ въ плѣнъ въ Турціи, а оттуда бѣжать въ Европу. Несчастья дѣлаютъ его религіозно-созерцательнымъ философомъ; онъ стремится въ монастырь; но просьбы знатного друга юности сдѣлаться наставникомъ его сына, маркиза, отвлекаютъ героя отъ монашества. Г. много путешествуетъ съ юношами по Европѣ, поучаетъ его добродѣтели и спасаетъ отъ пороковъ. Съ педагогическою цѣлью онъ вводилъ воспитанника даже въ низшій кругъ общества. „Такимъ образомъ, разсказываетъ менторъ, составляли мы изрядную мѣщанскою бесѣду, въ которой хотя не видно было тонкостей придворныхъ, однако знанія и разума въ обхожденіи не недоставало“. Когда Г. нашелъ, что довольно влиять въ маркиза знаній, дабы онъ могъ сдѣлать различіе между этимъ обществомъ и знатными господами, (сословій ниже мѣщанского, повидимому, вовсе не признавалось), онъ представилъ его ко двору. Отецъ маркиза безъ колебаній разрѣшалъ сыну жениться на бѣдной аристократкѣ, говоря: „Я самъ всегда тѣхъ мыслей былъ, что достоинство и родъ должно предпочитать богатству и знатнымъ чинамъ“. Въ Англіи Г. возмущается тѣмъ, что знатные люди на народныхъ гуляньяхъ преспокойно смѣшиваются „съ самою подлостью“; „это они почитаются частью того, что своею вольностью именуютъ“, иронизируетъ онъ. Добродѣтельный менторъ подглядываетъ за своимъ питомцемъ, перехватываетъ и читаетъ его письма, включая это въ число своихъ педагогическихъ обязанностей. Онъ самъ переодѣвается своего юнаго племянника въ женское платье, чтобы ознакомить его съ женскимъ монастыремъ. Юный маркизъ, по смерти знатной невѣсты, влюбляется въ

родственнику наставника, низкаго рода. Но энергичный Г. выдает дѣвшую насильно за первого встрѣчнаго, чтобы избавить маркиза отъ покушеній на неравный бракъ. Юноша въ яности убиваетъ новобрачнаго и увозить свою Надину. Отецъ, въ виду скандала, разрѣшаетъ сыну жениться, съ тѣмъ условіемъ, что Надина должна добровольно уйти въ монастырь, когда ея мужу представится подходящая аристократическая партия. Мучительныя мѣры дяди доводятъ Надину до того, что она отталкиваетъ жениха и уходитъ въ монастырь до свадьбы, а менторъ-герой торжествуетъ и умиляется твердости, съ какою она приносить себя въ жертву.

Русской публикѣ такъ занимательно и пріятно было слышать изъ усть идеальныхъ философовъ подтвержденіе и поясненіе до того только смутно воспринимаемъ понятіямъ, что на этихъ романахъ воспитывалось не одно поколѣніе нашей молодежи. Державинъ наслаждался ими одновременно съ Болотовымъ; даже бойкая субретка-резонерка комедіи Екатерины II „О время!“ зачитывается „Клевеландомъ“. Баснописецъ Дмитріевъ, принадлежавшій къ слѣдующему поколѣнію (род. въ 1760 г.), восторженно относится къ нимъ. „По этой книгѣ, говоритъ онъ о „Маркизѣ Г.“,— я получилъ первое понятіе о литературѣ: читая, помнится мнѣ, въ третьемъ томѣ описание ученой вечеринки, на которую маркизъ и его ученикъ приглашены были въ Мадридѣ, въ первый разъ я услышалъ имена Мольера, Буало, Кальдерона и т. д., критическое о нихъ сужденіе и пожелалъ съ ними познакомиться... Членіе романовъ не имѣло вреднаго вліянія на мою нравственность. Смѣю даже сказать, что они были для меня антидотомъ противу всего низкаго и порочнаго. Похожденія Клевеланда и маркиза Г. возвышали мою душу. Я всегда плѣнялся добрыми примѣрами и охотно желалъ имъ слѣдоватъ. „Однажды, Дмитріевъѣхалъ съ братомъ въ коляскѣ, и оба они молчали; вдругъ ему пришло въ голову: отчего такое молчаніе? „Помню изъ книгъ, что молодой маркизъ дорогой разсуждалъ въ коляскѣ съ своимъ наставникомъ, баронъ Шельницъ—со своимъ сыномъ и т. д. Отчего же никакіе предметы, никакой случай не возбуждаютъ во мнѣ размышленія? Конечно, оттого думалъ я—что они были умнѣе“. Болотовъ

имъль наивность не оглядываться на свои способности и упорно началъ бы въ этомъ случаѣ подражать умнымъ разсужденіямъ знаменитыхъ героеvъ-философовъ.

Съ „Клевеландомъ“ въ дорожной сумкѣ Болотовъ прѣхалъ въ Кенигсбергъ, уже дорогой намечавшись объ его книжныхъ магазинахъ и библиотекахъ, гдѣ онъ разсчитывалъ властѣ начитаться. Уровень тогдашней германской культуры былъ уже значительно высокій. Еще съ конца XVII-го в. наука стала понемногу выходить изъ неподвижности и выводить умы изъ замкнутости въ богословскомъ міровоззрѣннії. Просвѣтительное движение въ западныхъ государствахъ началось раньше, и ходъ его былъ уже намѣченъ. „Подражаніе чужеземному“, говорить Геттнеръ, — „составлявшее величайшій вредъ для Германіи“, было вмѣстѣ съ тѣмъ и основаниемъ ея спасенія... Взглядъ разъ привыкшій обращаться на другія страны, не могъ, наконецъ, не увидѣть и той свободно мыслящей философіи, которая быстро развивалась въ Голландіи, Англіи и Франціи. Декартъ, Локкъ и другіе приобрѣтаютъ и въ Германіи многочисленныхъ приверженцевъ.

Это просвѣщеніе было не возрожденіемъ, не возвращеніемъ къ какому-либо свѣтлому направлению изъ исторического прошлаго; то было вполнѣ новое движение. Просвѣщеніе въ XVIII в. пошло въ ширь, захватывая въ кругъ умственной жизни значительныя массы общества. Новая школа сблизила науку и просвѣщеніе съ общественною жизнью, дѣлала ихъ общедоступными. Около половины XVIII в. средній городской классъ получаетъ свою популярную литературу, отвѣчающую его умственнымъ потребностямъ. По примѣру Англіи появилось множество периодическихъ изданій, такъ называемыхъ моральныхъ, нравоучительныхъ, гдѣ касались всѣхъ сторонъ общественной и семейной жизни: затѣмъ появилась масса подражательныхъ и самостоятельныхъ романовъ, занимательного и поучительного содержанія. Люди старого закала косились на новое направление: „занія, почерпнутыя изъ учебниковъ и популярныхъ изданій, не создадутъ, говорили они,—ни одного породочнаго ученаго, а толпу недоучекъ“. Но новые мыслители находили, что въ жизни во всякомъ случаѣ пріятнѣе и полезнѣе имѣть дѣло съ человѣкомъ чему-

нибудь учившимся, чѣмъ съ невѣждой. Вольфъ и Готтшѣдъ особенно много сдѣлали въ этомъ отношеніи. Горячая борьба науки съ исключительно богословскимъ направленіемъ охватила всѣ университеты; въ этомъ просвѣтительномъ движеніи принимали участіе богатые торговые города Германіи, а среди нихъ Кенигсбергъ занималъ почетное мѣсто; онъ рано сдѣлался разсадникомъ освободительного направленія и однимъ изъ центровъ умственной жизни.

Съ воцареніемъ Фридриха II-го Пруссія перестала отставать отъ южной Германіи. Энергично покровительствуя наукѣ и литературѣ, Фридрихъ вмѣстѣ съ тѣмъ искусно вводилъ порядокъ во всѣ отдѣлы своей администраціи. Кругъ, съ которымъ Болотову довелось войти въ сношенія,—прусское чиновничество, было поставлено гораздо лучше, нежели въ остальной Германіи. Произволъ и злоупотребленія высшаго сословія сдерживались журналистикой, грозившею разоблаченіями и покровительствуемою самимъ королемъ ради политическихъ цѣлей. Осмыкая пустую напыщенность и безтолковое подражаніе французамъ въ дворянской средѣ, Фридрихъ однако всегда и всюду оказывалъ предпочтеніе дворянамъ. Онъ полагалъ, что въ этомъ сословіи болѣе развиты умственные способности и чувство чести, чѣмъ въ другихъ классахъ; такъ, въ офицеры производились почти исключительно дворяне, которые однѣ только и были принимаемы въ кадетскихъ корпусахъ.

Устроившись со службой, Болотовъ съ жадностью принялся за книги; по совѣту пріятелей, онъ прежде всего взялся за романы, чтобы освоиться со всѣми особенностями нѣмецкаго языка и, привыкнувъ читать съ полнымъ вниманіемъ, безъ затрудненій перейти къ серьезной литературѣ. Онъ просиживалъ за романами все свободное время въ теченіи цѣлаго года и перечиталъ за это время всѣ извѣстнѣйшія беллетристическія произведенія нѣмецкія и переводныя. Число ихъ было такъ значительно, что Болотовъ не записываетъ никакихъ заглавій, а сообщаетъ только результатъ своего знакомства съ ними, внося сюда кое-какія мнѣнія изъ позднѣйшей эпохи своей жизни, когда, отдавая свои записки, писалъ статью, оставшуюся въ рукописи, „Мысли о романахъ“. Подобно

Дмитріеву, онъ старается опровергнуть мнѣніе, что чтеніе романовъ можетъ принести вредъ: „Умъ мой наполнился множествомъ новыхъ и такихъ знаній, какихъ онъ до того не имѣть, а сердце нѣжными и благородными чувствованіями, способными не преклонять, а отвращать меня отъ пороковъ и худыхъ дѣлъ... Второю и не менѣе важною пользою, полученною мною отъ сего чтенія, можно почесть ту, что я, читая описываемыя происшествія во всѣхъ государствахъ и во всѣхъ краяхъ свѣта, нечувствительно познакомился гораздо ближе со всѣми оными, а особенно со знатѣйшими городами. Я узналъ и получилъ довольноное понятіе о разныхъ нравахъ и обыкновеніяхъ народовъ и обо всемъ томъ, что во всѣхъ государствахъ есть хорошаго и худого, и какъ люди въ томъ государствѣ живутъ и что у нихъ тамъ водится. Сie замѣнило мнѣ весьма много особливое чтеніе географическихъ книгъ и сдѣлало меня съ сей стороны гораздо болѣе знающимъ. Не менѣе понятія получилъ я и о родѣ жизни разнаго состоянія людей, начиная отъ владѣль земныхъ, даже до людей самаго низкаго состоянія. Самая житейская свѣтская жизнь во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ, и вообще весь свѣтъ сдѣлался мнѣ гораздо знакомѣ!..“ Вотъ какое широкое развивающее значеніе приписывали романамъ читатели прошлаго вѣка! Хотя тогдашніе романы находили излишнимъ вѣрное воспроизведеніе дѣйствительной жизни, но и они, какъ газеты въ пансіонской программѣ, знакомили внимательныхъ читателей съ мѣстностями и государствами, съ событиями и обычаями общественной и домашней жизни; иногда указывали на историческія эпохи, на ихъ дѣятелей, придавая имъ и нѣкоторые характерные оттѣнки. По содержанию тогдашніе нѣмецкіе романы были довольно разнообразны. Въ среднемъ кругу еще ходили по рукахъ старинныя произведенія, въ родѣ „Аргениды“, гдѣ подъ вымыщенную обстановкою рисовались современные государства, и еще болѣе смѣшанныя произведенія, известныя подъ названіемъ государственно-любовно-героическихъ исторій. На ряду со стариннѣмецкими комическими романами встрѣчаемъ строго поучительные и даже просто учебные, какъ указанный Геттнеромъ „Островитянскій Мандарель или географическо-историческо-

политическое описание всѣхъ острововъ земного шара". Среди современныхъ романовъ, исключительно нравоучительнаго направленія, выдѣлялась группа робинзонадъ, подражаний „Робинзону Крузо“ Дефо; но онъ значительно отличались отъ своего англійскаго первообраза; послѣдній, устраивая собственными средствами вокругъ себя отдельный міръ, все-таки очень близокъ къ родному, хотя и далекому отъ него обществу; нѣмецкіе Робинзоны отрываются оть человѣчества, устраиваютъ невозможныя фантастическія республики и наслаждаются полнымъ спокойствіемъ вдали оть тревогъ и горестей міра.

Нѣсколько далѣе Болотовъ говоритъ въ запискахъ: „Многія и разныя еженедѣльныя сочиненія, издаванныя въ Германіи въ разныя времена, попавшись мнѣ также въ руки, помогли не только усилиться во мнѣ склонности къ нравоученію, но спознакомили меня и съ эстетикой, положили основаніе хорошему вкусу и образовали во многихъ пунктахъ умъ мой и сердце“. Эти нравоучительные изданія появились въ Германіи подъ вліяніемъ англійскихъ Зрителя, Опекуна и др. Они были литературнымъ достояніемъ среднихъ классовъ, по словамъ Бидермана — „органами проснувшагося мѣщанства“. Нѣмецкія моральные изданія отличались отъ англійскихъ большою узкостью и мелочностью содержанія; они преподавали сухую общую мораль, педагогическія наставленія, помѣщали на своихъ страницахъ разные трактаты о дружбѣ, добродѣтели и проч. Касаясь домашней жизни, издатели входили въ самыя мелочныя, даже смѣшныя подробности; писали статейки о куреніи табаку, обѣ игрѣ въ карты, о нарядахъ и манерахъ; но несмотря на это, моральные изданія долго были любимымъ чтеніемъ многочисленной публики и выходили до послѣднихъ годовъ XVIII вѣка. Въ нихъ затрагивались въ самой популярной формѣ серьезные и интересные вопросы о религіи и нравственности, о добродѣтели и порокахъ; какъ и въ Англіи, эти моральные изданія въ религіозно-философскихъ вопросахъ составляли оппозицію философіи свободныхъ мыслителей и поучали о гибельности вольнодумства.

Надоумивъ Болотова приняться сперва за романы, нѣ-

менкіе канцеляристы не съумѣли посовѣтовать ему, что дѣлать дальше. Русскіе сослуживцы предлагали почитать нѣкоторыя нравоучительныя сочиненія, въ родѣ „Нравоучительныхъ размышеній“ гр. Оксенштирна, но эти послѣднія не очень понравились мемуаристу, а романами онъ начиналъ пресыщаться. Случай вывелъ его на новый путь, натолкнувъ на одно изъ сочиненій Зульцера, нѣмецкаго мыслителя-эстетика: „Moraliche Betrachtunden über die Werke der Natur“, въ русскомъ перевѣдѣ: „Разговоры Сульцера о красотахъ естества“. Писать о природѣ въ нѣмецкой литературѣ начали то же подъ сильнымъ вліяніемъ англійскаго дидактическаго направленія, и особенно Попа. Въ своей книгѣ Зульцеръ проводить тѣ же мысли, что и Попъ въ своемъ „Опытѣ о человѣкѣ“, но слабо, искусственно, расплываясь въ смѣшныхъ подробностяхъ; онъ почтительно преклоняется предъ своимъ авторитетомъ и иногда цитируетъ его. Въ виду близкой связи между обоими авторами, необходимо нѣсколько коснуться „Опыта“.

Въ свое время это произведеніе Попа пользовалось уваженіемъ и среди ученыхъ специалистовъ; такъ, у насъ проф. Рихманъ, (убитый молнией), задавалъ ученикамъ переводить его отрывками. „Опытъ“ былъ переведенъ въ 1757 г. пітомцемъ Академіи наукъ, Поповскимъ, и выдержалъ очень много изданій. Переводчикъ признавался, что нѣкоторыя мѣста французскаго экземпляра были ему „не весьма вразумительны“; тѣмъ не менѣе въ предисловіи очень высокоставилъ Попа, какъ философа, высказывая вообще требованія современного общества: „Попе были отверсты всѣхъ божескихъ и человѣческихъ вещей познанія; онъ проникалъ остротою разума въ самыя тонкости метафизики; только не такъ, какъ прочие философы, кои о бесполезныхъ и непонятныхъ совсѣмъ вещахъ поднимаютъ неугомонные споры. Попе не ввязывался рѣшать и доказывать такія непостижимости, но то только, что никакому сомнѣнію не подвержено, что знать человѣку надо и что въ истинному его благополучію служитъ, представлять и учить удобопонятѣйшими изображеніями“. Люди, не подготовленные къ чтенію научныхъ и философскихъ книгъ, но интересующіеся литер-

турой, увлекались прекрасно изложенными взглядами на вселенную и Творца, на силу добра и зла, на цѣль науки и, легко усваивая популярный пересказъ, иногда воображали себя способными подражать ему. Такъ, живой юмористъ Даниловъ, читавшій Монтаня и отрывки изъ Декарта, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ поэмы Попа началъ размышлять надъ міровыми вопросами и написалъ по этому поводу четыре „Письма къ приятелю“.

Въ первомъ письмѣ своего „Опыта“ Попъ осуждаетъ тѣхъ, которые почему-либо дерзаютъ негодовать на Бога. Люди знаютъ только самую малую часть свѣта и, по слабости разумѣнія, не могутъ охватить міросозданія въ цѣломъ; они не могутъ разсуждать о томъ, что въ сущности добро и зло, такъ какъ то, что худо для одного, можетъ оказаться полезнымъ многимъ. Божественный промыселъ самые недостатки людей, безъ сомнѣнія, обращаетъ на общую пользу міра. Слѣдующее письмо поучаетъ, что человѣческая премудрость заключается въ познаніи самого себя. Въ человѣкѣ дѣйствуютъ два основныхъ начала — разумъ и самолюбіе; они даны отъ Бога, и потому не носятъ въ себѣ зла. Все, созданное Богомъ, справедливо. Погрѣшности и ошибки происходятъ отъ слѣпоты человѣческой и вовсе не нарушаютъ красоты и гармоніи міра; существование ихъ естественно и обращается на пользу общаго. Даѣще Попъ говорить объ обществѣ и находить, что любовь къ себѣ и ближнему одинаково подвигаетъ къ заботѣ объ обществѣ. „Любовь къ себѣ и ближнему и къ Богу, соединяясь въ одно, является намъ дорогу, какъ въ счастьѣ ближняго свое изобрѣсти и, охраняющи другихъ, себя спасти“. Что касается вопроса о счастьѣ, то, по мнѣнію Попа, здоровье, красота, благородство и проч. не могутъ быть источникомъ счастья; они шатки, измѣнчивы и не равно распредѣляются. Богъ уготовалъ людямъ только одинъ путь къ счастью — это добродѣтель; въ ней одной истинное благополучіе, для всѣхъ единое и общее. Вообще, напѣ міръ — лучшій изъ міровъ; въ немъ царствуютъ единство, связь, подчиненіе въ цѣлой гармоніи; естественное зло въ немъ неизбѣжно, но оно нисколько не портить цѣлаго. Все, что существуетъ, справедливо.

Поэма Попа оказывала на читающую публику такое же вліяніе, какое имѣль Зульцеръ на Болотова; она будила мысль, заставляла вдумчивѣ смотрѣть на Божій міръ и слѣдить за собой, за внутреннимъ міромъ человѣка. Разница въ томъ, что Болотовъ не почерпалъ свои возврѣнія изъ первыхъ рукъ, а изъ сочиненій нѣмецкихъ поклонниковъ англійского писателя. Представителями этой группы являются у нѣмцевъ Брокесь, Галлеръ, Гагедорнъ; съ ними, весьма вѣроятно, Болотовъ тоже познакомился, перечитавъ подъ впечатлѣніемъ Зульцера много разнообразныхъ описаний природы.

Произведеніе Зульцера написано въ 1745 г. въ томъ же духѣ оптимизма и провиденціализма, какъ и „Опытъ“ Попа. Оно появилось въ русскомъ переводѣ Протопопова, крайне плохомъ, только въ 1771 году. Состоитъ оно изъ трехъ частей — теоретической, разговоровъ пріятелей и краткаго понятія обо всѣхъ наукахъ; въ русскомъ переводѣ имѣются только двѣ первыя. Можетъ быть, третья была переведена отдельно съ педагогическою цѣлью; по крайней мѣрѣ по 1780 г. книгами Зульцера руководствовались профессора-юристы Московскаго университета, а преподаватель нѣмецкой словесности повторялъ со студентами его краткое понятіе обо всѣхъ наукахъ. Первая часть нашего перевода сообщаетъ разговоры двухъ пріятелей. Первый изъ собесѣдниковъ, сельскій житель, страстный поклонникъ природы и посвятившій себя ей, стремится сдѣлать такимъ же своего пріятеля. Онъ водитъ его по разнымъ окрестностямъ помѣстья, указываетъ ему на прелести видовъ, полей, деревьевъ, растеній и всего, что ихъ окружаетъ. Они наслаждаются прелестями дня, вечера и раннаго утра, сообщающими природѣ свой особый колоритъ. Глаза гостя впервые открываются на эти красоты, и онъ изъявляетъ готовность сколько угодно предаваться созерцанію природы. На прогулкахъ хозяинъ сообщаетъ разныя свѣдѣнія по физиологии животныхъ и растеній; но чаще всего они изливаютъ чувства благоговѣнія предъ величиемъ и красотой естества. Насмотрѣвшись на природу, герои Зульцера заключаютъ, что все въ ней дѣлосообразно, цѣльно, все приносить свою пользу. Доказательства приводятся въ духѣ богословія Вольфа, но односторонни и мелочны: напримѣръ, вишни, по благости

Божій, зрѣютъ не во время зимнихъ холодовъ, когда онъ вовсе не казались бы вкусными, а лѣтомъ; виноградъ же зрѣеть осенью, а не въ лѣтній жаръ, когда молодое вино обратилось бы въ уксусъ. Такіе образцы размышеній оправдываютъ смѣлыя попытки самого мемуариста сдѣлаться „философическимъ писателемъ“. Изъ чудной гармоніи созданій созерцатели выводятъ заключеніе о могуществѣ Творца и прославляютъ Его высокопарными лирическими изліяніями. „Естество есть арфа, содержащая тысячу струнъ, Твою всемогущую рукою настроенныхъ, и въ которыхъ ты открываешь свои вѣчныя Божескія мысли!.. Тебя, которого храмъ есть все пространство, которого алтарь есть земля“... и т. д. Пріѣзжій горожанинъ погружается наконецъ въ полный экстазъ: „Мнѣ казалось, что я во святомъ храмѣ находился, въ которомъ всѣ твари дѣлали глубочайшее поклоненіе своему Великому Создателю. Какъ въ торжественный праздникъ, душа добродѣтельного наполняется святымъ созерцаніемъ и думаетъ, что она чувствуетъ Бога“. Бесѣды пересыпаны сантиментальными описаниями всевозможныхъ прелестей природы до пѣнія птицъ и запаха цветовъ. Въ нихъ всюду звучитъ одна и та же основная нота—усиленное воздѣльванье любви къ природѣ; эта любовь не безъискусственный порывъ; она руководится наставленіями и опредѣленною полезною цѣлью: любовь къ природѣ лучше всего отвлекаетъ отъ скучи, которую всегда, рано или поздно, нагоняютъ шумные забавы свѣтской жизни; она доставляетъ постоянное занятіе уму и душѣ; водворяетъ въ нихъ спокойствие и даруетъ тихое лучшее удовольствіе и счастье, помогая человѣку углубиться въ себя.

Во второй части сочиненія Зульцера эта мысль высказана рѣзче: „Природа создана, чтобы питать животныхъ, а человѣка, кромѣ того, увеселять“. Эта часть, теоретическая и болѣе философская, наполнена выводами и аналогіями. Перечисливъ животныхъ разныхъ свойствъ и нравовъ и указавъ, что природа даетъ всѣмъ соответствующую обстановку и пищу, авторъ находитъ, что всѣ люди тоже получаютъ разнообразную пищу для своихъ душъ и различные наслажденія, смотря по потребностямъ. Если потребности такъ естественно удовлетворяются ею, то человѣкъ, чтобы быть счастливымъ, долженъ главнымъ

образомъ слѣдоватъ естеству, природѣ. Въ ней все порядокъ; отдельному человѣку кажется, что онъ видитъ беспорядокъ только потому, что онъ часто требуетъ удовлетворенія исключительно своихъ личныхъ потребностей, забывая о безчисленномъ рядѣ другихъ существъ. Самое зло, недостатки и страсти человѣка вовсе не нарушаютъ гармоніи. Еслибы у человѣка отнять честолюбіе или самолюбіе, напримѣръ, то съ ними вмѣстѣ отнимается наибольшее побужденіе къ дѣятельности. Зульцеръ очень горячо старается доказать, что зло и кажущіеся непорядки „суть удивительный источникъ совершенства“; но, чувствуя, что зашелъ далеко, онъ слегка оговаривается, что вовсе не желаетъ оправдывать человѣческіе пороки и глупости, а только показать божескій промыселъ въ попущеніи зла“: высочайшая премудрость знаетъ изъ тьмы производить свѣтъ и человѣческие пороки къ добруму концу въ разсужденіи цѣлаго употреблять. Человѣкъ однако остается виноватымъ и наказанія достойнымъ; но наказаніе не есть истинное зло, потому что оно служить къ исправленію“. Вообще, доводы Зульцера слабы, хотя онъ горячо отстаиваетъ, что нашъ гармоничный міръ есть возможно совершенный; онъ сильно негодуетъ противъ гордаго невѣжества нѣкоторыхъ поносителей и жалобъ „простыхъ“, упирая на изрѣченіе Попа: „Что всегда есть, то справедливо“. Изъ идеи о порядкѣ міра выводятся правила общежитія: „Такъ мы должны всѣ свои дѣйствія до малѣшихъ, какъ нить, учреждать по всеобщему правилу. Какое прекрасное зданіе, наконецъ, изъ сего учрежденія произойдетъ. Какое спокойствіе должно въ насть произойти, когда мы на сей порядокъ смотримъ“.

Воззрѣнія этого литературнаго направлениія нашли у насть очень благодарную почву. Нашъ высшій наиболѣе грамотный слой общества познакомился съ ними какъ разъ наканунѣ коренной реформы, давно предчувствуемой и столь желанной, наканунѣ указа о вольности дворянства. Именно въ эту пору, когда привѣтствовалось освобожденіе отъ навязчивыхъ служебныхъ узъ, дававшее привилегированной единицѣ полную индивидуальную свободу и укрѣплявшее власть ея надъ порабощеннымъ окружающими, эта проповѣдь постояннаго изученія самого себя, какъ высшей премудрости, отождествле-

нія общественного благополучія со своимъ личнымъ, крайней синхордительности ко злу и страстамъ, и конечного, блаженаго успокоенія на лонѣ природы, этого храма Божества, должна была оставлять глубокіе слѣды въ умственномъ мірѣ нашего вольного и обезпеченаго дворянства. Она не только открывала ему глаза на природу, но косвенно, съ высоты философской науки, давала санкцію общественнымъ отношеніямъ того времени, какъ бы поощряла невнимательное отношение къ угнетеннымъ и безправнымъ, потому что эти бѣдствія не могутъ составлять истиннаго несчастія для философскаго ума, и ощущеніе послѣдняго исчезаетъ предъ могуществомъ добролѣтели, которую Богъ сдѣлалъ всѣмъ равно доступною, а жаловаться на воображаемыя несчастія могутъ только безумные нечестивцы, да „простые“, то-есть, неразвитая, лишенная просвѣщенія масса. Эта проповѣдь, какъ дополненіе взгляда мъ, распространяемымъ популярными нравоучительными романами, вродѣ „L'homme de qualit “, выяснила русскому дворянину свое собственное выгодное положеніе, заставила, кроме занятій наукой, отыскивать и усердно воздѣлывать въ душѣ усовершенствованныя „qualit s“ на благо и утѣшеніе себѣ и отчизны.

Что касается до перемѣны во взглядахъ на природу подъ влияніемъ иностранной литературы, то врядъ ли гдѣ она выразилась такъ ярко, какъ у Болотова; впечатлительный и простодушный, онъ весь безъ критики и оглядки проникся новымъ для него и поразительнымъ отношеніемъ къ ней. Прежде онъ смотрѣлъ на природу глазами окружавшей его народной массы, какъ на рядъ явлений самыхъ обыкновенныхъ, недостойныхъ того, чтобы обращать на нихъ иное вниманіе, кроме соображеній о ихъ вредѣ или пользѣ. Теперь онъ пишетъ: „Не успѣлъ я ихъ (книгъ Зульцера) прочесть, какъ не только глаза мои власно какъ растворились, и я началъ на всю натуру смотрѣть совсѣмъ иными глазами и находить тамъ тысячу пріятностей, гдѣ до того ни малѣйшихъ не примѣчалъ; но возгорѣлось во мнѣ пламенное и ненасытное желаніе читать множайшия книги такого же сорта и узнавать отчасу далѣе все устройеніе свѣта. Словомъ, книжки сіи были какъ фитилемъ, воспалившимъ гнѣздившуюся въ

сердцѣ моемъ и до того самому мнѣ неизвѣстную охоту ко всѣмъ физическимъ и другимъ, таѣль называемымъ естественнымъ наукамъ... Онъ-то первыя начали меня спознакамливать съ чуднымъ устроеніемъ свѣта и со всѣми красотами, служившими поводами въ тѣмъ безчисленнымъ непорочнымъ увеселеніямъ, которыхъ потомъ знатную часть моего благополучія составляли.“ Результатомъ прочитанного явилось сперва увлеченіе стихами, воспѣвавшими природу. Болотовъ вздумалъ даже самъ слагать рифмы, но прокопавшись долго и безплодно, разумно рѣшилъ, что его „нatura не одарила потребнымъ въ тому даромъ“. Зато возбужденная наставленіями любовь къ созерцанію природы продолжала въ немъ развиваться. Въ слѣдующемъ же письмѣ записокъ встрѣчаемъ первое старательное описание прекрасныхъ окрестностей; авторъ началь усердно посыпать сады и гулянья Кенигсберга, примѣчая ихъ красоты въ утреннюю и вечернюю пору. Позже, у себя въ деревнѣ, онъ старается покрасивѣе расположить усадьбу, удивляясь, какъ предки вовсе не знали эстетическихъ потребностей и строились, Богъ знаетъ какъ. Въ своихъ садахъ онъ продолжаетъ все то, чѣмъ восхищался въ похожденіяхъ пріятелей Зульцера. Уединившись въ поэтическомъ уголкѣ, онъ произносилъ монологи въ честь творца и вселенной, молился въ экстазѣ, находя Бога въ природѣ. Природа стала дорога ему, не столько со стороны научной, сколько со стороны морально-эстетической, особенно ярко освѣщенной въ нѣмецкой литературѣ. Стремясь въ отысканію мирнаго счастья на лонѣ природы, дидактическая школа поощряла изслѣдованія, какъ развлеченіе и полезное упражненіе, но осторегалась пытливаго, беспокойнаго духа, который своими порывами могъ бы нарушить гармонію существующаго. Квіетизмъ Болотова нашелъ себѣ пищу въ успокоительномъ учениіи, что аномалии, беспорядки и несправедливости суть только миражи, и что всѣ призрачныя бѣдствія обратятся современемъ на общее счастье. Эти идеи, перейдя въ намъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, попали въ тонъ умственныхъ потребностямъ складывавшагося дворянскаго класса; въ своей конечной обработкѣ онъ вносили нѣкоторую цѣльность и ясность во внутренній міръ русскаго помѣщика, неограниченаго вла-

дыки своихъ подданныхъ. Прежнія патріархальныя отношенія, имѣвшія характеръ случайности, опредѣлились соображеніями высшаго разряда. „Простые“ и низшіе являлись необходимымъ элементомъ хозяйственнаго и государственнаго порядка и служили дополненiemъ міровой цѣльности. А самъ просвѣщенный владѣлецъ, свободный, властный, правый въ своихъ естественныхъ страстиахъ, могъ выполнять совѣты божественной философіи — познавать себя, культивировать въ себѣ отвлеченную добродѣтель, добывать возможное наслажденіе изъ созерцанія Божества. Просвѣщенные помѣщики-любословы понемногу замѣняютъ прадѣдовскія голубятни храмами музъ и парнассами; вмѣсто хозяйственныхъ огородовъ, разбиваются аллеи, англійскіе парки, гдѣ ищутъ общенія съ природой, безмятежно покоятся и философствуютъ, слагаютъ гимны и пѣснопѣнія. Природа казалась имъ истиннымъ храмомъ для утѣшения избранныхъ душъ, а міръ — неприкосновеннымъ совершенствомъ.

О нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ, которыхъ Болотовъ перечиталъ въ это время, нѣчего много распространяться. „Размысленія и нравоучительныя правила“ гр. Оксенштирна — не что иное, какъ рядъ басенокъ и афоризмовъ, иногда остроумныхъ, иногда парадоксальныхъ, часто неудачныхъ; вотъ нѣкоторые на выдержку: „Междуд сномъ и жизнью есть такое сходство, что нѣть ничего труднѣе, какъ разсуждать о томъ, какое бы между ними дѣлать различіе“. „Безпристрастіе есть качество весьма сомнительное, и часто не менше отъ глупости, какъ и отъ твердости разсудка происходитъ“. „Изъ всѣхъ пріятельскихъ обращеній самое важнѣйшее и самое простѣйшее есть разглагольствованіе съ самимъ собой“. Иногда у Оксенштирна проглядываетъ безотрадный скептицизмъ: „Жизнь — паръ, тѣло — гнилость, разсудокъ — неизвѣстность и обманъ“.. и т. д. Эту книгу превозносилъ до небесъ щеголь-адъютантъ Корфа; но на нашего автора „Размысленія“ не произвели такого впечатленія, какъ на многихъ другихъ русскихъ читателей; онъ не дерзаль критиковатъ, но осторожно замѣтилъ, что „книга сія была не изъ самыхъ лучшихъ“, и нравилась ему только тѣмъ, что ея авторъ говорилъ обо всемъ

на свѣтѣ, „о всей человѣческой жизни“. Книга была переведена на русскій языкъ.

Одинъ нѣмецъ рекомендовалъ нашему герою заняться сочиненіемъ Гофмана „О спокойствіи и удовольствіи человѣческомъ“. „Книга сія“, говоритъ Болотовъ, „послужила потомъ основаніемъ всей послѣдующей моей философической жизни“: такъ сильно было вынесенное впечатлѣніе. Трактатъ Гофмана имѣть чисто богословскій характеръ и проникнуть духомъ лютеранской морали; въ немъ часто встрѣчаются общія мѣста и довольно избитыя наставленія, но трактать имѣль въ свое время успѣхъ въ Россіи: онъ вышелъ въ русскомъ переводѣ въ 1760 г. почти въ то время, какъ Болотовъ зачитывался имъ въ Кенигсбергѣ. Далѣе онъ упоминаетъ о сочиненіяхъ датскаго писателя Гольберга, пользовавшагося громкою извѣстностью, прибавляя, что они возводили въ немъ желаніе самому попробовать свои силы на поприщѣ моральной литературы.

Съ 1760 г. начинается лучшее время кенигсбергской жизни Болотова; онъ сопелся тогда съ нѣкоторыми изъ прѣхавшихъ московскихъ студентовъ и, благодаря имъ, вошелъ въ кружокъ университетской молодежи; получивъ руководителя въ лицѣ одного нѣмецкаго магистра, онъ сталъ заниматься систематичнѣй, получилъ нѣкоторое понятіе о направленіи философской науки въ Германіи. Понабравшись знаній изъ книгъ и бесѣдъ, онъ рѣшался даже ходить на ученыя диспуты, и иногда принималъ въ нихъ участіе. Къ этому общенню съ кружкомъ учащихся его подготовило знакомство съ философией Вольфа по руководству популярнѣйшаго литератора той эпохи—Готтшеда; Болотовъ читалъ его „Начальныя основанія философіи“, имѣвшія громадный успѣхъ въ Германіи и составленныя по строгой системѣ Вольфа. Чисто нѣмецкій умъ этого философа привелъ въ извѣстность и сложилъ въ опредѣленную систему все современное достояніе знаній и идей; Вольфъ заботился о ясномъ опредѣленіи понятій, о точной постепенности въ выводахъ, старался установить начала основательности въ мысленіи. Но, находя нужнымъ подвергать изслѣдованію разума и философской мысли рѣшительно все, безъ исключенія, онъ очень глубомысленно разрабатываетъ самыя избитыя истины и подолгу съ математическою

точностью доказываетъ вещи, доступныя самому простому опыту; въ свое время его система отъ этого только выигрывала и заслуживала популярность въ массѣ. Говорить ученымъ образомъ обо всемъ на свѣтѣ, „о всей человѣческой жизни“, по словамъ Болотова, ставилось въ большую заслугу мыслителю.

Введеніе труда Готтшеда посвящается краткому обзору философіи у древнихъ народовъ, съ китайцевъ до греческихъ школъ; первая книга начинается учениемъ о разумѣ, въ которому авторъ присоединяетъ нѣсколько специальнно-научныхъ главъ, сообщающихъ основные законы физики, астрономіи, механики и краткую анатомію человѣка съ пояснительными чертежами и рисунками. За ними слѣдуетъ учение о духѣ; здѣсь мемуаристъ впервые познакомился съ отношеніемъ философіи къ Божественному откровенію, съ рационалистическими приемами для доказательства существованія Бога и бессмертія души. Вторая книга сочиненія трактуется о нравственности и нравственномъ законѣ природы; въ основу его Готтшедъ ставить положеніе: „способствуя всему тому, что дѣлаетъ тебя и другихъ совершенными“. Постепенное усовершенствованіе есть задача человѣческой жизни. Дается много советовъ, какъ достигнуть того, чтобы дѣйствія человѣка соответствовали его нравственнымъ убѣжденіямъ: усиленно сосредоточиваться мыслью на этихъ убѣжденіяхъ, излагать на бумагѣ въ свободную минуту все то, что предстоитъ дѣлать въ теченіе дня, обдумавъ все это обстоятельно и подробно. Крайне важно и необходимо человѣку заниматься самопознаніемъ; всѣ мысли, которые являются у человѣка при изученіи самого себя, слѣдуетъ записывать и распространять въ обществѣ; въ этомъ заключается польза самоизученія. Со стремлениемъ къ совершенству необходимо связаны заботы о здоровыи души и тѣла. Человѣкъ всегда долженъ жить сообразно своему состоянію, отнюдь не ниже; ёда и питье должны соответствовать послѣднему. Богатымъ и знатнымъ слѣдуетъ пользоваться всѣмъ, что въ ихъ средствахъ; этимъ они передаютъ излишекъ денегъ бѣднымъ, которые имъ служатъ, и способствуютъ гармоніи и полнотѣ общаго. Въ одѣждѣ должно слѣдовать тому же правилу. Работа служить

не только для добыванія средствъ, но и для необходимаго упражненія духа и тѣла, и потому работать—наша обязанность. Богатые и знатные должны избирать родъ работы, соответствующій наклонностямъ и званію каждого. Свободное развитіе духа и тѣла немыслимо безъ обеспеченаго состоянія; вслѣдствіе того всякий долженъ стремиться къ приобрѣтенію материальныхъ средствъ, избѣгая какъ мотовства, такъ и скупости. Любя ближнихъ, какъ самихъ себя, мы должны тоже направлять ихъ къ совершенству, просвѣщать. Но помогая другимъ, мы не должны ради нихъ наносить ущерба собственному совершенствованію.

Между разсужденіями о статьяхъ домашняго обихода есть не лишенная интереса глава о домашней прислугѣ. Прислуга обязана почитать хозяевъ, какъ дѣти почитаютъ отца, а хозяева съ своей стороны отплачивать ей по договору и по ея трудамъ. Рабъ есть слуга, составляющій собственность своего господина, котораго послѣдній можетъ употреблять на что ему угодно; между ними не можетъ быть договора объ ограниченіи хозяйствихъ правъ. Такой крѣпостной (*leibeigene*) долженъ слѣдовать всѣмъ повелѣніямъ, если только они не противны закону природы. Но такъ какъ онъ самъ всетаки человѣкъ, то и относительно его имѣютъ силу всѣ человѣческія обязанности. Господинъ можетъ его, какъ полную собственность, продать, промѣнить, можетъ дать ему и свободу, если онъ того достоинъ. (Касается ли до рабовъ общее стремленіе къ совершенствованію, или нѣтъ, Готтшедь не объясняетъ). Какъ обязательно беречь всякую собственность, такъ и раба не слѣдуетъ слишкомъ сильно бить, худо кормить, не заботиться о его здоровыи: не говоря уже о томъ, прибавляется въ видѣ оговорки, что эта заботливость связана съ человѣкобіемъ. Въ заключеніе авторъ съ сочувствиемъ замѣчаетъ, что во многихъ государствахъ рабство уничтожено, и съ большимъ успѣхомъ господствуетъ вольный наемъ. Говоря о воспитаніи и о внутреннемъ самоусовершенствованіи, Готтшедь рекомендуетъ способы, какъ сдѣлаться ученымъ, изслѣдователемъ, даже мудрецомъ, *ein Weiser*; чтобы достичь этой степени, необходимо прилежно слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ свѣтѣ и примѣчать людскіе поступки. Мелочность въ по-

дробностяхъ подъ часть дѣйствительно забавна въ этомъ учебникѣ Вольфіанской школы; такъ курьезно длинное разсужденіе объ умѣренности въ пищи и питьѣ; есть наставленія, какъ справлять свадьбы, похороны, какъ должно носить трауръ и т. д.

Изъ приложенийъ къ книгѣ Готтшеда любопытно одно, посвященное вопросу: „Можетъ ли мудрецъ достичь истиннаго благополучія, будучи лишенъ божественнаго откровенія?“ Изображается мудрецъ, строго исполняющій весь нравственный законъ, но живущій въ эпоху, когда ни разу не проявлялось Божественное откровеніе; слѣдуетъ опредѣлить его душевное состояніе. Авторъ полагаетъ, что мудрецъ будетъ такъ разсуждать, отходя на покой: „День кончился; я долженъ предаться сну, сну, представляющему родъ смерти. Какъ же я исполнилъ сегодня мои обязанности? Какъ провелъ я время, и съ какими мыслями могу я довѣриться моему ложу, не зная, встану-ли я когда-нибудь съ него?“ Подобные размышленія наединѣ производили сильное впечатлѣніе на Болотова; подражая имъ, онъ написалъ и издалъ въ печати семь вечернихъ размышлений на каждый день недѣли. Мудрецъ самъ себѣ отвѣчаетъ: „Я старался выполнить естественный законъ, старался сдѣлать себя и другихъ счастливыми; сознательно не дѣлалъ вреда ни себѣ, ни другимъ, и такимъ образомъ выполнилъ волю Творца, насколько позволяли мнѣ мои слабыя силы. Мои проступки не оставались безъ наказанія... многое мнѣ не удавалось, потому что я не могъ всего предвидѣть... Но въ чёмъ же могу я каяться? Я дѣлалъ, что могъ, потому моя совѣсть чиста. Дурныхъ послѣдствій я могу приписать моему несовершенству... Я буду стараться окрѣпнуть и удалять со своей дороги вредныхъ помѣхъ. Если я сдѣлалъ зло по горячности, въ слѣпомъ озлобленіи, то я, безъ сомнѣнія, понесу за это наказаніе... Вѣдь злыя страсти еще сильнѣе моего слабаго разсудка, — мое оправданіе въ ихъ силѣ; полученное наказаніе я употреблю, какъ большой лѣкарство, на свое дальнѣйшее укрѣпленіе. Таково твое желаніе, мудрый Творецъ, ввести въ порядокъ природы дѣла, за которыхъ слѣдуютъ наказанія; этимъ ты отвращаешь насъ отъ всего, что мѣшаетъ нашему усовершенствованію“. И мудрецъ

на этомъ успокаивается. Такимъ образомъ, по мнѣнію нѣмецкихъ рационалистовъ, отвлеченный анализъ своихъ дѣйствій и своихъ отношеній къ Богу и естественному закону вполнѣ замѣнялъ наставленіе церкви и богослововъ, заключая въ себѣ истинно христіанскую мораль.

Проводимая Готтшедомъ мысль, что рекомендованный философіей режимъ открываетъ путь къ истинной мудрости и можетъ, въ концѣ концовъ, сдѣлать изъ обыкновенного смертнаго мудреца, являлась Болотову манной небесной; наставленія опредѣляли этотъ путь просто и ясно, такъ синхронительно относились къ человѣческимъ способностямъ и силамъ, выдвигая на первый планъ разумную старательность и добрую волю, что этимъ режимомъ трудно было не увлечься. Существо самое близкое, человѣкъ, являлся самъ для себя высшимъ предметомъ познанія; и нашъ Болотовъ, подъ горячимъ впечатлѣніемъ прочитанного, принялъся слѣдить за своими душевными движеніями „и какъ изъ нихъ находилъ я въ себѣ особыливую наклонность къ гнѣву и вспышчивости, то и старался я въ особливости себя отъ того отучить и наблюдать въ семъ случаѣ самыя тѣ правила, какія въ книгахъ были предписаны, и могу сказать, что я нарочито въ томъ и успѣлъ“.

Другія, позже читанныя морально-философскія сочиненія поддерживали въ Болотовѣ разъ возбужденное настроеніе. Укротивъ свои яко бы страсти, онъ настроилъ себя на философскія размышленія „весьма важныя“; а размышленія, въ свою очередь, говорить онъ, „побудили меня предпринять тогда особое и такое дѣло, какое рѣдко дѣлаютъ люди такихъ лѣтъ, въ какихъ я тогда находился, а именно: я положилъ всякую хорошую попадавшуюся мнѣ мысль и всякое хорошее чувство души своей записывать на особыхъ лоскутахъ бумаги, и всякий день предписывать самому себѣ что-нибудь нужное либо къ исполненію, либо къ незабвенію чего-нибудь“. Эта важный и нѣсколько комичный тонъ оправдывается тѣми же философскими теоріями, которыхъ мы изложили выше. Плодомъ важныхъ размышлений и записаній явилась масса исписанныхъ клочковъ, вскорѣ собранная въ порядокъ и аккуратно переписанная на-бѣло. Изъ этого

матеріала имъ составлена цѣлая книжка, содержавшая столько же самому себѣ предписанныхъ правиль, сколько дней въ году”¹). Онъ почиталъ ее первымъ опытомъ своихъ нравоучительныхъ сочиненій и скоро сталъ смотрѣть, какъ на документъ, полезный не только ему лично, но и цѣлому обществу, а на самого себя, какъ на кандидата въ философы, подготовленного къ наблюденіямъ. Онъ ходилъ въ городскіе сады, а зимой въ трактиры и пивные не только ради общества и скромнаго развлечения, но и для того, чтобы за чашкой чая или кофе „философическимъ окомъ посмотретьъ на людей разнаго состоянія, въ нихъ находящихся и въ разныхъ играхъ и упражненіяхъ время свое препровождающихъ“.

Вслѣдъ за Готтшедомъ Болотовъ перечиталъ нѣсколько другихъ философскихъ произведеній, которыхъ, къ сожалѣнію, не называется; но изъ его словъ легко заключить, что между ними ему попались труды мыслителей, относившихся къ религіи несравненно радикальнѣй Вольфа и Готтшеда. Переходя отъ одной теоріи къ другой, онъ незамѣтно дочитался до такихъ воззрѣній, которыхъ, при всемъ уваженіи къ философіи, не могъ совмѣстить съ своимъ глубокимъ благочестіемъ, и на время сдѣлялся жертвой мучительныхъ сомнѣній. Авторъ придаетъ большое значеніе этой эпохѣ внутренней борьбы, а между тѣмъ говорить о ней не ясно и сбивчиво; но записки писались главнымъ образомъ для наставленія потомковъ, поэтому, можетъ быть, онъ и старался отклонить отъ юношества излишне ясное представление о соблазнахъ и смущеніяхъ, которые имъ овладѣвали. Чтобы оправдать себя, онъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ своему православно-религіозному образованію; перечисливъ двѣ-три книги, онъ вынужденъ, конечно, сознаться, что его религіозное образованіе было крайне ничтожно; онъ ничего не могъ противопоставить блестящимъ доводамъ философовъ, кромѣ благочестія по привычкѣ. Любопытно, что нигдѣ въ запискахъ не упоминается о евангеліи; повидимому, его никогда не имѣли

¹) „Памятная книжка или собраніе различныхъ нравоучительныхъ правиль, собственно себѣ для памяти при разныхъ случаяхъ написанныхъ“. Въ Кенигсбергѣ, 1761 г. Мы познакомились съ рукописью, благодаря любезности просвѣщенного потомка А. Т. Болотова.

въ рукахъ, ни авторъ, ни отецъ и дядя, книги которыхъ онъ наслѣдовалъ. До утраты вѣры дѣло, однако, не доходило: „Мучительное сie состояніе продолжилось, какъ теперь помню, нѣсколько недѣль сряду, и во все сie время, я власно какъ горѣлъ на огнѣ и пыткѣ, и доводимъ былъ до того, что, кинувшись на колѣни, наиусерднѣйшимъ образомъ молилъ и просилъ Творца своего помочь мнѣ“. Помощь явилась въ видѣ проповѣди єкзектика Крузія и лекцій магистра Веймана.

Склонный больше къ усладительному созерцанію, чѣмъ къ тревожной работе мысли, Болотовъ имѣлъ всѣ данные сомнѣваться въ томъ, чтобы точные знанія, науки, могли ему замѣнить то, что онъ уступить изъ своего религіознаго міра. По его понятіямъ, все истинное, научное, полезное должно непремѣнно вести человѣка къ счастью, къ спокойному благополучію; напряженность ума, тревога мысли, напротивъ того, дѣлали его совсѣмъ несчастнымъ, лишали душевного покоя; слѣдовательно, теоріи, возбудившія эту тревогу, по его логикѣ, должны быть не научны, не полезны, не носили въ себѣ истины. Для такой натуры легчайшій способъ успокоиться — просто оттолкнуть отъ себя философскія теоріи, дѣлавшія людей несчастными, — игнорировать ихъ.

Въ Кенигсбергскомъ университетѣ, гдѣ система Вольфа находила себѣ широкое примѣненіе по всѣмъ отдѣламъ наукъ, сохранился еще одинъ представитель враждебной ей школы, нѣкій магистръ Вейманъ; онъ держался въ своемъ преподаваніи системы лейпцигскаго богослова Крузія, за что и считался отщепенцомъ среди ученой корпораціи. Оба студента, пріятели Болотова, Садовскій и Малиновскій, сыновья священниковъ, по традиціямъ дѣтства, можетъ быть, не удовлетворились господствовавшей школой и начали тайкомъ слушать Веймана на дому, чтобы не раздражить профессора, на чьи лекціи ихъ записали раньше. Они рассказали о своихъ занятіяхъ Болотову, и тотъ съ восторгомъ пожелалъ принимать въ нихъ участіе, даже довольно картино описывалъ вечернія посѣщенія Веймана, мрачную погоду, глухія улицы, хибарку, въ которой жилъ мудрецъ, представитель новой, какъ ему казалось, школы, призванной спасти человѣчество отъ бездны невѣрія. Первый разъ философъ трактовалъ

„о наитончайшей и важнейшей матерії всей метафизики— о времени и мѣстѣ... и несмотря на всю ея тонкость, трактовалъ ее такъ хорошо и такъ внятно, украсшалъ ее толиками до обѣихъ философій (то есть Крузіанской и Вольфіанской) относящимися побочностями, что я слушалъ ее съ неописаннымъ удовольствиемъ“.

Крузій, какъ философъ, принадлежалъ къ школѣ эклектиковъ, доставившой системѣ Вольфа болѣе серьезныхъ противниковъ, нежели устарѣвшая теология. Эклектики вели свою школу отъ пієтиста Томазія. Подъ ихъ знамя сходились противники Вольфа, привлеченные программой свободнаго мышленія, не связывавшаго себя ни съ какой школьной системой, но пользовавшагося правомъ всюду искать истину; на этомъ основаніи они пробовали даже соединять съ наукой своего вѣка ненаучныя представлія, догматическая предположенія и старыя школьнія преданія, смотря по надобности и желанію. Крузій не признавалъ именно того, въ чёмъ заключалось достоинство системы Вольфа, какъ напримѣръ, тѣсной переходной связи между причиной и слѣдствіемъ, и положеніе о достаточномъ основаніи. Онъ защищаетъ отъ радіонализма свободное проявленіе божественной воли, чудеса и откровеніе. Основаніе для нравственныхъ обязанностей Крузій видѣтъ въ волѣ Божіей, которая у него вопреки Вольфу не совпадаетъ съ природою вещей; онъ не признаетъ положенія Вольфа, что нравственный законъ вытекаетъ изъ человѣческой природы, и самъ по себѣ обязательенъ, независимо отъ богословскихъ убѣжденій. Но отношение Болотова къ философской наукѣ такъ наивно, что на основаніи однихъ его отзывовъ нельзя себѣ составить никакого понятія о томъ, какую роль игралъ Крузій въ нѣмецкомъ ученомъ мірѣ, но сочиненіями послѣдняго руководствовался Вейманъ въ своихъ занятіяхъ моралью и метафизикой, поэтому нашъ авторъ поспѣшилъ купить „всю философію Крузіанскую“, и усердно штудировалъ ее дома. „Прилежность моя была такъ велика“, говоритъ онъ, что я иные части оной и тѣ, которые казались мнѣ наиважнѣйшими, какъ-то науку о волѣ человѣческой или телематологію для лучшаго понятія и незабвенія выучилъ отъ слова до слова наизусть и нѣкоторую часть оной перевелъ на свой при-

родный языкъ". Что касается проповѣди того же Крузія, то она прежде всего поразила читателя тѣми ужасными красками, которыми рисовалась участъ тѣхъ, кто сомнѣвался въ истинѣ откровенія; затѣмъ очень убѣдительно подѣйствовало предложеніе проповѣдника, прежде чѣмъ послѣдовать внушеніямъ Вольфіанской и другихъ школъ, отрицающихъ откровеніе, прочесть все то, что вышло на свѣтъ въ защиту и подтвержденіе истиннаго закона Божія и Писанія; только человѣку изучившему всю эту массу, Крузій разрѣшаешь сомнѣваться въ Свящ. Писаніи, въ твердой увѣренности, что сомнѣнія тогда невозможны. Послѣ занятій у Веймана Болотовъ почувствовалъ себя настолько твердымъ въ познаніяхъ, что началъ ходить въ университетъ на диспуты студентовъ и даже принималъ въ нихъ участіе. Вѣроятно не одна вызубренная страничка трактатовъ помогла ему.

Мы уже знаемъ, что, кромѣ философіи, мемуариста очень занимало въ Кенигсбергѣ и естествознаніе. Здѣсь же у него проявилась впервые любовь къ садоводству, таѣль сильно развившаяся среди русскаго дворянства подъ конецъ XVIII в. Онъ посыпалъ отсюда своему деревенскому прикащику наказъ и чертежи, съ приказаніемъ передѣлать его садъ на европейскій манеръ.

Затѣмъ Болотовъ отдалъ дань эпистолярнымъ наклонностямъ своего времени. Въ канцеляріи онъ познакомился съ морякомъ Тулубьевымъ, бывшимъ кадетомъ, въ своеемъ родѣ тоже любословомъ; они такъ сошлись характеромъ и наклонностями, что долго были неразлучны, вмѣстѣ читали, занимались, гуляли по окрестностямъ, „увеселялись красотами и прелестями натуры, до чего онъ такой же былъ охотникъ, какъ и я“, говорить авторъ. Съ отѣзломъ Тулубева они рѣшили вести частую и серьезную переписку. „Я“, говоритъ Болотовъ, первый ее началъ и захотѣлъ моего друга такъ, что продолжалась она безпрерывно нѣсколько мѣсяцевъ сряду, и какъ была она особаго рода, какая рѣдко у кого бываетъ, то и доставляла намъ безчисленное множество минутъ пріятныхъ и неоцѣненныхъ въ жизни“. Письма часто принимали размѣры тетрадей, и пріятели просиживали за ними по нѣскольку часовъ. Любопытно, что собственныя письма автора

занимаютъ его гораздо больше, чѣмъ письма друга (скоро умершаго); свои онъ переписалъ, замѣнивъ имена собственными инициалами, и переплелъ въ особую книжку, которую хранилъ, „какъ нѣкакій памятникъ тогдашнімъ моимъ чувствованіямъ и упражненіямъ“, писать онъ при составленіи записокъ¹⁾. Подъ вліяніемъ моральной философіи онъ придавалъ письмамъ то же значеніе, что и запискамъ, дневникамъ, исповѣді; тѣ и другія служили для самонаблюденія, для выслѣживанья своихъ чувствъ; только на записи онъ смотрѣть строже, считая ихъ болѣе серьезною исповѣдью душевнаго міра, а въ письмахъ видеть болѣе легкій литературный жанръ, допуская въ нихъ смѣсь дѣла съ бездѣлками.

Сохранилась до нашего времени только одна книжечка съ перепиской Болотова 1760 г.; въ ней 10 писемъ къ Тулубьеву; они написаны гладко, старательно, вполнѣ литературно, но тонъ ихъ вовсе не дружественно-товарищескій; очевидно они писались, какъ литературные упражненія въ эпистолярной формѣ. Самое интересное письмо отвѣчаетъ на вопросъ Тулубьева: „кто былъ гордѣе, Платонъ или Діогенъ“. Послѣ довольно толковыхъ разсужденій мемуаристъ рѣшаетъ, что „Діогенъ внутренне гордѣе“; слова сказанныя Александру онъ называетъ болѣе красивыми, чѣмъ философу приличными; въ одномъ мѣстѣ этотъ отвѣтъ названъ даже вздорнымъ.

Вопросъ о воспитаніи тоже заинтересовалъ Болотова. Въ 1760 г. онъ написалъ своей сестрѣ назидательное посланіе съ совѣтами, какъ воспитывать сына и чему его обучать; какъ руководство, онъ рекомендовалъ ей „Дѣтское училище“, книги, недавно вышедшія и „бывшия у насъ (то-есть заграницей) въ большой славѣ“. Въ кругу лучшихъ представителей русского общества вопросъ о воспитаніи тогда только-что поднимался; возникновеніе его тѣсно связано съ возбуждавшимся интересомъ къ общимъ вопросамъ философіи и морали; понятіе обѣ усовершенствованіи человѣка требовало для своего разясненія понятія о воспитаніи, какъ о необходимой подготовкѣ, какъ о своей существенной части. Чѣмъ ближе къ царствованію Екатерины II, тѣмъ чаще встречаются переводы философскихъ и педагогическихъ книгъ. Въ 1761 г. появив-

¹⁾ „Письма“, 1760 г. Рукопись въ 8-ку хранится въ Императ. Публ. Библіотекѣ.

лись въ переводѣ „Письма г-жи де-Ламберть сыну и дочери“ и расхваленное Болотовымъ „Дѣтское Училище“ г-жи де-Бомонъ, выдержавшее потомъ много изданій. Успѣхъ его объясняется тѣмъ, что это не трактать, даже не методика, а смысь бесѣдъ и рассказовъ, предлагающихъ наряду съ нравоучительными наставленіями кое-какія элементарныя свѣдѣнія по разнымъ учебнымъ предметамъ, по священной и древней исторіи, по географіи и физикѣ; все это требовалось не только для дѣтей, но и для взрослыхъ средняго слоя общества. Подобная книга по тогдашнимъ понятіямъ могла замѣнить цѣлую школу съ курсомъ разныхъ наукъ. Русскій переводчикъ „Дѣтского училища“, въ своемъ предисловіи, замѣчаетъ, что „учащіе могутъ въ ней сыскать довольно хорошихъ примѣровъ для воспитанія дѣтей, а учащіе могутъ пріобрѣсть съ удовольствіемъ о многихъ вещахъ знаніе“.

Бесѣды ведеть учительница со своей 12-ти-лѣтней воспитанницей и ея знакомыми дѣвочками отъ 5-ти до 13-ти лѣтъ. Дѣвочкамъ было предложено, въ видахъ нравственного исправленія, записывать свои провинности въ тетрадку и подавать ее наставницѣ для чтенія вслухъ, оказалось, что дѣти чаше всего грѣшили противъ прислуги, съ которой обращались жестоко и грубо. Семилѣтняя дѣвочка писала: я не послушалась мамки и сказала ей, какъ она смыть мною повелѣвать, будучи моей рабой? Сказала ей еще: я бы желала таѣть много тебя разсердить, чтобы ты меня ударила, и хотя бы переломила мнѣ руку или ногу, только бы тебя за то со двора согнали. Вообще г-жа де-Бомонъ часто касается отношений господъ съ прислугой и кстати занятій домашнимъ хозяйствомъ. Грѣхъ безразсудно тратить деньги; мы отнимаемъ тогда у нищихъ и у чадъ своихъ. Мы управители у Бога и должны отдать ему отчетъ въ томъ, что онъ намъ посыпаетъ, продолжаетъ она. Если вы, богатыя, не будете смотрѣть за домомъ, то рабы ваши васъ обокрадутъ, раззорятъ и приведутъ въ нищету всеконечно. Купцы согласятся съ рабами, чтобы вся потребная вещи продавать вамъ дорогою цѣною; если сами не обѣднѣете, то дѣти ваши будутъ нищими... Это разсужденіе нѣсколько напоминаетъ наставленія бригадирши фонъ-Визина, съ тою разницей, что послѣдняя вну-

шала ихъ мужу и взрослому сыну, а образцовая наставница увѣряетъ 5-ти и 7-ми-лѣтнихъ дѣтей, что они окружены грабителями. Но на ряду съ такими взглядами встрѣчаемъ и другіе, болѣе сообразные съ нравственно-философскими начальами; разсуждаютъ о добросердечіи, о томъ, что слѣдуетъ жалѣть рабовъ, а не пренебрегать ими, потому что положеніе ихъ само по себѣ весьма тягостно. Любопытенъ одинъ изъ нравоучительныхъ рассказовъ, составленный на ту же тему отношеній господъ и рабовъ.

Въ Аѳинахъ жила одна госпожа, очень дурно обращавшаяся со своими служанками, особенно съ самою преданною изъ нихъ, Миррой. Однажды корабль, на которомъ она путешествовала, занесло бурей къ какимъ-то островамъ. Выйдя на берегъ, путешественники были крайне удивлены, что жители этихъ острововъ очень почтительно обращались съ рабами и пренебрежительно съ господами. Жители объяснили имъ, что на ихъ островѣ существуетъ республика, где все равны; учреждена она 300 рабами, бѣжавшими отъ своихъ господъ, и у нихъ есть постановленіе, что какъ только къ нимъ приѣдутъ иностранцы, всѣ приѣзжіе рабы должны сдѣлаться господами, а господа рабами; при этомъ съ раба берутъ клятву, что онъ недѣлю будетъ обращаться съ господиномъ именно такъ, какъ тотъ обращался съ нимъ. Путники пришли въ неописанный ужасъ. Кроткая Мирра на колѣняхъ умоляла старшинъ сократить искусъ ея госпожи до четырехъ дней. Черезъ недѣлю старшины призвали приѣзжихъ и, слыша вздоханія униженныхъ господъ, сказали имъ: „А почему имѣли вы право повелѣвать невольниками? Развѣ природа между вами и ими сдѣлала какое-нибудь дѣйствительное различіе въ душѣ и тѣлѣ? Рабъ и господинъ одинаковое происхожденіе имѣютъ, и боги, опредѣливъ разныя состоянія, не съ тѣмъ ихъ опредѣлили, чтобы въ очахъ ихъ одни были больше и лучше, нежели другіе? Нѣтъ, добродѣтель одна учреждается всѣ степени достоинствъ предъ судомъ премудрости Божіей. Она одна богамъ угодна, и только для удобнѣйшаго произведенія въ дѣйствіе всѣхъ добродѣтелей учредили они разныя человѣкамъ состоянія. Невольникъ или рабъ долженъ отмѣнить себя послушаніемъ, усердіемъ и вѣрностью

своимъ господамъ" и т. д.. Господамъ, напротивъ, предписывается умягчать тяготу невольническаго состоянія. Затѣмъ, старшины прочли правило изъ своихъ постановленій, гласившіе, что бывшіе рабы могутъ теперь, если желаютъ отпустить своихъ господъ на родину, а сами могутъ слѣдовать за ними, или оставаться свободными на островѣ. Одна невольница тотчасъ объявила, что не желаетъ увольнять своей бывшей госпожи, а молодой невольнице, наоборотъ, сказаль, что не только не считаетъ своего господина рабомъ, но даже просить у него прощенія, что вынужденъ быть дурно обращаться съ нимъ въ теченіе семи дней. Теперь онъ готовъ по прежнему слѣдовать за нимъ въ качествѣ раба: „Онъ меня купилъ; я ему принадлежу, и потому честность и совѣсть не позволяютъ мнѣ, пользуясь симъ случаемъ, возвратить мнѣ свободу, не возвратя ему данныхъ имъ за меня денегъ". Тоже заявила и Мирра, а господа ихъ громко клялись въ своей жестокости. Старшины, выслушавъ всѣхъ, изрекли такой приговоръ: невольница, не имѣющая никакого сожалѣнія о состояніи прежней госпожи, разсуждается прямо по невольнически, и для того осуждаемъ ее оставаться вѣчно невольницей, ибо сіе состояніе сходственно съ подлостью ея сердца. Всѣ рабы, которые позволяли себѣ дурно обращаться съ бывшими господами и послѣ семи дней, должны оставаться невольниками на островѣ за то, „что всякий, не имѣющій человѣколюбія и кротости, рожденъ безъ чувствъ благородныхъ и долженъ по справедливости въ послѣднемъ жить состояніи, для котораго онъ созданъ, и больше ничего не стоить". Рабы, исполнившіе все то, въ чемъ клялись, принимаются въ число гражданъ острова. „Мирра и Зенонъ по добродѣтели превосходятъ всѣ наши награжденія и похвалы. Хотя бы они остались вѣчно въ невольничествѣ, но благородство ихъ мыслей превозносить ихъ выше всѣхъ состояній. Мы оставляемъ ихъ на промыселъ боговъ, и ничего больше опредѣлить для нихъ не смѣемъ".

Этотъ взглядъ на сословные отношенія не далеко ушелъ отъ наивной простоты морали Псопікова, разсуждающего о житіи въ разныхъ состояніяхъ. Мораль г-жи де-Бомонъ пріучаетъ съ ранняго возраста смотрѣть на рабство, какъ на

самое естественное явленіе; однимъ вполнѣ свойственно быть рабами по несовершенству ихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, а другіе, до совершенства добродѣтельные, сами готовы состоять въ рабствѣ, въ силу той же добродѣтели, которая возвышаетъ ихъ надъ всѣми временными земными состояніями.

Къ какимъ сдѣлкамъ съ совѣстю вело столкновеніе отвлеченныхъ воззрѣній съ дѣйствительностью, увидимъ изъ другого примѣра нравоучительныхъ бесѣдъ. На вопросъ одной ученицы о происхожденіи знатности, наставница объяснила, что хотя родъ человѣческий произошелъ отъ общихъ прародителей, но люди не равны душевными качествами: „отъ сего различія произошло то, что люди отмѣнныхъ дарованій и достоинствъ, способствовавшіе благополучію общества, почитаемы были отмѣнно отъ другихъ и называемы были людьми благородными. Въ знакъ почтенія и дѣтей стали считать такими, чтобы тѣмъ понудить ихъ къ подражанію родителямъ и къ произведенію полезныхъ дѣлъ въ обществѣ... ибо за одни чужія достоинства нельзѧ почитать, какъ наказывать за чужіе проступки...“ Велика честь, правда, происходитъ отъ древняго и знатнаго рода, но въ тысячу разъ похвальнѣе собственными своими достоинствами, разумомъ и добродѣтелями родъ свой сдѣлать знатнымъ, нежели пользуясь знатностью предковъ своихъ, никакими достоинствами тому не соотвѣтствовать. Такой человѣкъ болѣе презрѣнія, нежели почтенія достоинъ, который, имѣя всѣ способы и преимущества своего рода, не умѣеть ими пользоваться. Когда одна девочка спросила: какъ же почитать недобродѣтельныхъ особъ? Наставница представила слѣдующія соображенія: „Почтеніе, свѣтъ мой, есть двояко: одно происходитъ отъ чистаго сердца, и мы чувствуемъ его только къ добродѣтельнымъ и честнымъ людямъ, напротивъ того, не имѣемъ къ самымъ знатнѣйшимъ особамъ, которая знатность свою пороками безславятъ. Другое почтеніе есть виѣшнее, состоящее въ должномъ только повиновеніи знатнымъ особамъ, которая по закону или по волѣ государя предпочтены предъ нами чинами и властью, и для того обязаны мы оказывать имъ явные знаки должностного чину ихъ почтенія. Сего требуетъ отъ насть священное пи-

саніе и государственные законы для лучшаго порядка и общей пользы, чтобы соблюдали сіе второго рода почтеніе, то-есть, чтобы знатность и чинъ всякимъ почитаемы были даже и тогда, когда кто по дѣламъ своимъ и презрѣнія отъ нась достоинъ. Не забывайте сего, мои любезныя дѣти. Вы вѣдь дѣвицы благородныя, и потому должны быть добродѣтельнѣе прочихъ; а когда добродѣтели и другихъ отмѣнныхъ качествъ въ васъ не будетъ, то я каждую изъ васъ не буду иначе почитать, какъ только за дочь Ноеву, или за дальнюю свойственницу какого-нибудь разнощика. Правда, по знатности вашего рода я не преминула бы вамъ поклониться, но при всемъ этомъ внутренно почитала бы васъ гораздо меньше, чѣмъ разнощика, вашего дальняго свойственника". Одна изъ бойкихъ ученицъ тотчасъ освѣдомилась, всегда ли благородство или, какъ говорять, дворянство служить награжденіемъ за добродѣтель? Не дается ли оно людямъ за то только, что у нихъ много денегъ? „По прошествіи ста лѣтъ и больше, не станутъ ли говорить и о сихъ людяхъ благородныхъ людей потомки, что они произошли отъ древняго благороднаго колѣна, не взирая на то, что предки ихъ разбогатѣли, можетъ быть, наигнуснѣйшимъ образомъ, а безъ того были бы они таковы-жъ благородны, каковъ теперь весь подлый народъ благороденъ?" Наставница согласилась съ этимъ замѣчаніемъ, говоря, что на свѣтѣ все можно употреблять во зло, и что это только подтверждаетъ справедливость ея словъ, что о благородствѣ можно толковать двояко, „и для того, оставляя въ сторонѣ достоинства предковъ, надлежитъ намъ сколько возможно стараться собственными достоинствами, трудами и заслугами пріобрѣсть себѣ похвалу и почтеніе". Но она прибавила, что при всѣхъ злоупотребленіяхъ, титулы и преимущества благородства выдаются не иначе, какъ съ добрымъ намѣреніемъ, для одобренія и поощренія дѣлать пользу обществу или въ трудахъ прилежно наживать себѣ состояніе.

Педагогическая книга откровеніе другихъ сочиненій, съ которыми мы имѣли дѣло въ автобіографіи Болотова, выставляетъ разладъ между моральною и дѣйствительною жизнью. Она ясно и просто разрѣшаетъ назойливые вопросы по поводу насущныхъ житейскихъ отношеній, рекомендую смотрѣть на

эти отношения двояко — со стороны внутренней и внешней. Все внимание обращали на внутреннее сознание, блага на-
мъренія; внешня дѣйствія при этомъ, знаки уваженія, даже
раболѣпства передъ людьми достойными презрѣнія, оправды-
вались внешними законами, которые такимъ образомъ явля-
лись чѣмъ-то формальнымъ, что вовсе не одобрялось и не
почиталось въ душѣ.

Какимъ успѣхомъ пользовались сочиненія г-жи де-Бомонъ, можно заключить изъ отзыва аббата Сабатье де-Кастра въ его сочиненіи: *Les trois siècles de la littérature française* (1803 г.): „Маленькия изданія и огромные успѣхи — вотъ до-
стояніе этой почтенной женщины, труды которой заслужи-
ваютъ не однихъ похвалъ, но и благодарности. Большая часть
ея книгъ въ переводахъ распространилась по всей Европѣ,
такъ какъ польза больше всего способствуетъ успѣху. Г-жа де-
Бомонъ вполнѣ заслужила его; она просто, безъ претензій
предлагаетъ юношеству все, что ему нужно для обучения, раз-
витія и развлечения. Ея разнообразные магазины — богатыя
хранилища религіознаго духа, морали и начальныхъ наукъ,
и все это безъ труда усваивается даже самыми легкомыслен-
ными особами. Она отличалась умѣньемъ всегда кстати сооб-
щать научныя свѣдѣнія, а въ своихъ басняхъ и разсказахъ
проводить строгія нравственныя правила и мудрыя наставле-
нія“. Аббатъ ставить ее несравненно выше тѣхъ авторовъ,
которые заслужили себѣ имя пренебреженіемъ къ религіи и
нравственности, и которыхъ самый блескъ таланта не спасетъ
отъ осужденія грядущихъ поколѣній. Увлекшись популяр-
ностью изданій г-жи де-Бомонъ, Болотовъ не замедлилъ за-
няться составленіемъ русскаго учебнаго пособія въ томъ же
духѣ. „Мнѣ хотѣлось“, говоритъ онъ, — изъяснить такимъ же
легкимъ удобопонятнымъ образомъ для дѣтей всю важнѣйшую
часть метафизики или естественнаго богословія“. Подъ влія-
ніемъ своихъ философскихъ занятій Болотовъ береть задачу
шире, и сообразно этому называется свое сочиненіе „Дѣтская
философія“. Оно начато имъ въ деревнѣ въ 1763 г., а вышло
въ печати послѣ долгихъ хлопотъ только въ 1776 году.

Произведеніемъ г-жи де-Бомонъ мы закончимъ разборъ
выдающихся книгъ, на которыхъ доучивался и умственно

созрѣвалъ Болотовъ прежде, чѣмъ сдѣлался вольнымъ дворяниномъ въ отставкѣ. Въ заключеніе коснемся того душевнаго настроенія, которое овладѣло имъ въ послѣднее время пребыванія заграницей. Его благополучіе въ Кенигсбергѣ портили отъ времени до времени напоминаніемъ, что, числясь при канцеляріи губернатора, онъ все-таки принадлежитъ своему полку, давно выступившему въ походъ, и можетъ быть вытребованъ туда; онъ постоянно устраивалъ такъ, что начальство задерживало его въ городѣ; но каждое требованіе изъ полка вызывало въ немъ страхъ и негодованіе. Въ его первыхъ жалобахъ высказывается лѣнъ барскаго сынка, не-желаніе тревожиться и переносить походныя неудобства, не-побѣдимый страхъ и отвращеніе къ войнѣ. Года черезъ три, когда онъ серьезно поучился, побывалъ въ университѣтѣ и въ кругу учащихъ, въ горечи и страху примѣщались иныя ноты. Онъ уяснилъ себѣ свои наклонности и оправдывалъ свое отвращеніе отъ военной службы желаніемъ потрудиться съ пользой на другомъ поприщѣ. Гордый своими успѣхами въ наукахъ, онъ начиналъ признавать за собой право предаться любимымъ учебнымъ и книжнымъ занятіямъ; избавившись отъ вызова, онъ благодарить Бога, восхотѣвшаго, „чтобы и сie лѣто не проваландался по пустому и безъ всякой пользы по землямъ непріятельскимъ, а препроводилъ бы въ продолженіе начатыхъ мною наукъ и научилъ бы кое-чему многому хорошему и несравненно предъ прежними знаніями моими важнѣйшему“.

Скоро опасность снова попасть въ строевую службу на-всегда миновала: весной 1762 г., незадолго до отѣзда Болотова въ Петербургъ, въ Кенигсбергѣ былъ полученъ зна-менитый манифестъ о вольности дворянства. „Не могу изо-образить, какое неописанное удовольствіе произвела сія бу-мажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнаго отече-ства. Всѣ всipyгались почти отъ радости и, благодаря госу-даря, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать указъ сей. Но было чему и радоваться. До того времени все россійское дворянство связано было по рукамъ и по ногамъ: оно обязано было всенеминуемо служить, и дѣти ихъ, вступая въ военную службу въ самой юности своей,

принуждены были продолжать оную во всю свою жизнь, и до самой своей смерти, или, по крайней мѣрѣ до того, покауда сдѣлаются калѣками или за дѣйствительными болѣзнями болѣе служить будуть не въ состояніи, и во всю жизнь лишатся домовъ своихъ, жить отъ родныхъ своихъ въ удаленіи и разлукѣ и видаться съ ними при дѣлаемыхъ кое-когда отпускахъ... Всѣ мы предавались обыкновенному отчаянію, и всякий всего меныше помышлялъ о томъ, чтобы ему жить нѣкогда можно было дома, и какова же пріятна и радостна должна была быть для насъ та минута", и т. д. О своемъ личномъ впечатлѣніи авторъ говорить: „Я самъ себя почти не вспомнилъ отъ неописанного удовольствія и не вѣрилъ почти глазамъ своимъ при чтаніи оной (бумаги). Я, полюбивъ науки и прильпившись къ учености, возненавидѣлъ уже давно шумную военную жизнь, и ничего уже таекъ въ сердцѣ своемъ не желалъ, какъ удалиться въ деревню, посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни и проводить достальные дни свои посреди книгъ своихъ въ сообществѣ съ музами“.

Такъ предъ нами сынъ и внукъ петровскихъ дворянъ-служакъ, ариѳометчиковъ и фортификаторовъ, подъ вліяніемъ книжнаго просвѣщенія, обращался понемногу, подобно многимъ своимъ современникамъ, въ дворянина-помѣщика, любослова и философа. Современная европейская литература оказывалась просвѣтительною и у наст.; идеи французскихъ и нѣмецкихъ философовъ, даже въ тѣхъ слабыхъ отголоскахъ, въ какихъ они доходили до главной массы русскихъ читателей, иногда странно перемѣшиваясь со старыми религіозно-нравственными правилами, развивали и укрѣпляли разумъ, давали просторъ умственной дѣятельности, заставляя вдумываться въ окружющее, поднимали сознаніе отдѣльной личности. Но у наст., въ силу соціальныхъ условій страны, они имѣли дѣло только съ однимъ господствующимъ классомъ общества, а это придало односторонній характеръ всему просвѣщенію эпохи и усилило вліяніе его слабыхъ сторонъ. У наст. это заимствованное съ запада просвѣщеніе помогло развититься дворянской личности, помогло ей познать себѣ цѣну, какъ представительницѣ умственного развитія, обла-

давшей всѣми данными для самоусовершенствованія; но, съ другой стороны, такое развитіе часто давало поводъ смутно и двойственно истолковывать ея отношенія къ близкимъ, загнаннымъ въ иную обстановку.

Восторженнымъ привѣтствованіемъ указа о вольности дворянства мы кончимъ краткій обзоръ жизни и службы семи поколѣній стариннаго рода служилыхъ помѣщиковъ. Первая глава посвящена совсѣмъ блѣднымъ, теряющимся въ безличной массѣ помѣстнаго ополченія поколѣніямъ конца XVI и начала XVII вв. Чѣмъ ближе къ новымъ временамъ, тѣмъ больше, конечно, свѣдѣній о занимающихъ нась представителяхъ дворянскаго сословія, тѣмъ свѣдѣнія обильнѣй бытовыми подробностями. Но обзору могутъ поставить въ упрекъ, что среди этихъ подробностей недостаточно выдѣляются темные явленія старой дворянской жизни—уклоненія отъ службы, обманы, побѣги и проч.; тѣмъ больше, что подобный же упрекъ мы дѣлаемъ своему главному источнику, запискамъ Болотова. Дѣйствительно, предлагаемая работа почти не занимается этими явленіями; но ихъ, полагаемъ, уже достаточно выяснили и опѣнили во множествѣ статей и изслѣдованій; по нашему же крайнему разумѣнію, они неизбѣжное и совершенно естественное послѣдствіе общаго положенія служилаго класса, и ни въ какомъ особомъ освѣщеніи болѣе не нуждаются. Проф. Романовичъ-Славатинскій справедливо говоритъ¹⁾, что, по своему юридическому положенію, дворянство до 1762 года было тяглымъ, крѣпостнымъ сословiemъ, и отличалось отъ другихъ крѣпостныхъ классовъ только родомъ тягла и крѣпости. Слѣдовательно, личная жизнь служилыхъ людей, какъ закрѣпощенныхъ, должна была сокращаться до минимума, если того требовали обстоятельства; надъ личностью совершилось нѣкоторое насилие, вызываемое потребностями складывавшагося государства, но для жизни отдельного человѣка создававшее тягостныя, слишкомъ узкія рамки, родъ Прокуратора ложа, въ которое укладывался тяглый служака, безъ

¹⁾ *Дворянство въ Россіи*, отъ начала XVIII в. до отмены крѣпостного права. Романовича-Славатинского.

различія роста, силь и способностей. Но сокращать волю и личных стремлений человека можно только до известной степени; въ чемъ-нибудь они должны же были прорываться, хотя бы въ самой элементарной формѣ — въ неисполнении обязанностей, навязанныхъ самимъ рожденiemъ; и дворяне частенько уклонялись, бѣгали отъ службы-тагла, какъ бѣгали крѣпостные крестьяне отъ земли и отъ помѣщика, къ которымъ были приписаны.

Эпоха реформъ внесла въ эту высшую тяглу среду; тягому дворянству начали говорить, что оно рождено благороднымъ, что уменьшительный клички унизительны; что оно обязано воспитывать въ себѣ особыя свойства и чувства, особенно чувство чести.

Но эти благородныя чувства мудрено прививать закрѣпощенному лицу, лишенному личной свободы. И вотъ, личная свобода, избавление отъ закрѣпощающей службы казались нашему дворянству преддверiemъ рая. Мы читали ликованія Болотова и его знакомыхъ, когда, наконецъ, провозгласили эту свободу; видѣли, какъ горячо готовился мемуаристъ къ новому бытію, развивая свой умъ, совершенствуя свою личность, какъ вѣрилъ, что все счастье человѣка заключается въ личномъ совершенствованіи. Къ концу обзора естественно возникаетъ вопросъ, чего же ожидать отъ потомка Каширскихъ боярскихъ дѣтей, когда, съ получениемъ вольности, изъ тяглой единицы онъ обратится въ привилегированное лицо? Какимъ дѣятелемъ общества и гражданиномъ отечества сдѣлается онъ, вернувшись въ свои домены полнымъ властелиномъ своей судьбы и своихъ сельскихъ подданныхъ? Займется ли онъ мѣстными общественными интересами своего уѣзда? Но какого уѣзда — Каширского, Алексинского, Тамбовского или Епифанского?.. Нашъ герой безъ колебаній водворился въ старомъ дворениновскомъ гнѣздѣ, и скоро, по новому административному дѣленію, оказался въ Алексинскомъ уѣзде. Мѣстные общественные интересы и связи тогда почти не давали себя чувствовать; его предки вѣками были прикреплены государственной службѣ, а не мѣсту. Мудрено требовать отъ первыхъ вольныхъ помѣщиковъ, чтобы они по своему почину вырабатывали эти связи, потому что опять-таки вѣка исто-

рической жизни съ неумолимой послѣдовательностью обезли-
чивали ихъ предковъ, слишкомъ долго требовали отъ нихъ
только послушанія и терпѣливаго трудолюбія, качествъ без-
отвѣтнаго воля; и только новыя поколѣнія, также твердо
воспитанныя иными условіями, могли создать предпріимчи-
выхъ и преданныхъ общественныхъ дѣятелей.

Сознаніе себя свободнымъ гражданиномъ отечества очень
быстро и просто сливалось во-едино съ пріятнымъ пользова-
ніемъ личной свободой. Изъ многихъ намековъ Болотова за-
мѣтно, что онъ готовъ былъ считать свои философскія упраж-
ненія, литературные опыты, впослѣдствіи экономические труды
за исполненіе гражданскихъ обязанностей; впрочемъ, онъ при-
надлежалъ къ числу дѣльныхъ и лучшихъ людей второй по-
ловины прошлаго вѣка. Но и его современникъ, богатый
баричъ, замечавшійся вольтерьянцъ, платоническое увлеченіе
просвѣтительными идеями Монтескье и Вольтера, перенесеніе
на родину привычекъ утонченнѣйшей цивилизациіи Франціи
тоже почиталъ за гражданскій подвигъ. А ихъ худшіе, не-
развитые сосѣди готовы были видѣть въ своихъ жестокихъ
расправахъ съ крѣпостными тоже служеніе гражданско-поли-
цескимъ задачамъ.

И такъ, отъ нашего представителя сельскаго дворянства
приходится прежде всего ожидать горячаго увлеченія личной
свободой, жаднаго пользованія, по мѣрѣ силъ и средствъ,
всѣмъ, что допускала дворянская вольность. Если предки
его были на долго обезличены однообразными, принудитель-
ными рамками своего бытія, то ихъ просвѣщенный потомокъ,
пропитанный ученіемъ о самоусовершенствованіи, оказывался
беззащитнымъ отъ другой крайности — неумѣреннаго культа
свободной личности въ ущербъ общественности.

Цѣна 1 р. 20 к.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ тѣпографіи М. М. Стасюлевича.
Спб. Вас. Остр., 5 л., 28.